

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1-й элв.

10-й год издания

№ 11

Ноябрь 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О работе В. И. Ленина «Фридрих Энгельс»

Когда Энгельс умер (1895 год), двенадцатипятилетний Владимир Ильич написал в связи со смертью гениального учителя пролетариата свою статью-некролог «Фридрих Энгельс», не превзойденную до сих пор работу о великом соратнике и друге Карла Маркса.

Во времени смерти Энгельса Ленин был уже общепризнанным руководителем петербургских марксистов, организатором «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», необыкновенно глубоко знающим Маркса и Энгельса, умеющим применять марксизм к экономической и политической обстановке России.

До своей работы об Энгельсе молодой Ленин уже был известен рядом крупнейших марксистских работ. Еще в самарский период, в 1893 году, Ленин написал работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (По поводу книги В. Е. Постникова—«Южно-русское крестьянское хозяйство»)». По приезде в Петербург в конце 1893 года он выступил со своим письменным рефератом «По поводу так называемого вопроса о рынках». В течение одного только 1894 года, предшествовавшего смерти Энгельса, Ленин написал «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — работу, которая до конца идейно разгромила народничество, — а также и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» — работу, которая наряду с дальнейшим разоблачением народничества впервые в марксистской литературе вскрыла буржуазный «объективизм» «легального марксизма», показала его настоящее классовое лицо.

Когда в мае 1895 года, незадолго до смерти Энгельса, Ленин приехал за границу, чтобы, связавшись с плехановской группой «Освобождение труда», активизировать ее деятельность, по инициативе Ленина было предпринято группой «Освобождение труда» издание сборника «Рабочник». В № 1—2 этого сборника и была в 1896 году опубликована работа Владимира Ильича «Фридрих Энгельс».

Работа Ленина «Фридрих Энгельс» имеет еще и другую историю. По возвращении своем из-за границы Ленин задумал издание русской нелегальной марксистской газеты, которая пропагандировала бы широкие идеи «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», идеи революционного марксизма. Подготовленная Лениным газета «Рабочее дело» являлась прообразом, предшественницей «Искры», идея которой была осуществлена Лениным позже, после его возвращения из сибирской (шумской) ссылки и выезда его за границу. В намеченном № 1 «Рабочего дела», целиком составленном из статей Ленина, и должна была пойти его статья-некролог «Фридрих Энгельс». Но в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года, когда был арестован Ленин, были также произведены обыски и аресты среди других членов «Союза борьбы», и у соратника Ленина Валесва жандармы забрали все подготовленные для № 1 газеты «Рабочее дело» ленинские рукописи, в том числе и рукопись об Энгельсе. Таким образом, русские марксисты, передовые русские рабочие познакомились с ленинской статьей-некрологом об Энгельсе только в 1896 году через доставленный в Россию нелегальный сборник «Рабочник».

«...имена Маркса и Энгельса «справедливо» ставят рядом, как имена основоположников «современного социализма» (Ленин. Т. XVII, стр. 34), — писал позже, в 1913 году, Ленин в связи с письмом Энгельса к Марксу о первом наброске «Манифеста Коммунистической партии».

✓ И Ленин в своей работе «Фридрих Энгельс» плечерывающе и вместе с тем кратко, сжато и популярно излагает основы великих идей марксизма и дает оценку той исторической роли, которую в их разработке сыграл Энгельс.

Социализм до Маркса и Энгельса был утопическим социализмом. Этот социализм критиковал буржуазный строй, осуждал и проклинал капиталистическое общество, фантазировал о лучшем строе, мечтал об уничтожении капитализма без классовой борьбы, убеждал эксплуататоров в безырастственности эксплуатации.

Великая историческая заслуга и гениальность основоположников марксизма заключается в том, что в противоположность социалистам-утопистам, не бывшим историческими материалистами, не знавшим законы развития капитализма, не умевшим разяснить сущность современного рабства, не видевшим подлинной общественной силы, способной создать новое, коммунистическое общество, Маркс и Энгельс «научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму...», «...указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых» (т. XXIII, стр. 276).

Эту великую историческую задачу выполнил в 1917 году под руководством Ленина и Сталина пролетариат России. «Мы переживаем счастливое время, — говорил Владимир Ильич при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 года на площади, где ныне высятся Музей В. И. Ленина, — когда это предвидение великих социалистов стало сбываться». Оно сбилось в СССР, на одной шестой части земного шара, где происходит исторический истощенный переход от социализма к коммунизму. «Марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света», — говорил товарищ Сталин в своем отчетном докладе XVII съезду партии. Своими успехами партия большевиков, народы Советской страны обязаны тому, что они работают и борются под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Во всемирно-исторической заслуге основоположников марксизма громадна роль Фридриха Энгельса. карьера науки, философа, экономиста, историка, авторитета в естествознании и военном деле, знатка литературы, владевшего более чем двадцатью языками Европы и Азии, в том числе и русским.

О том, как переживал двадцатипятилетний Ленин смерть Энгельса, свидетельствуют слова, которыми начинается его работа «Фридрих Энгельс». Замечательные горестные слова Некрасова из стихотворения, посвященного памяти Добролюбова:

«Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!» —

поставил Владимир Ильич эпиграфом к своей статье-некрологу «Фридрих Энгельс».

Именно как о великом светильнике разума, как о замечательном ученом и учителе пролетариата во всем цивилизованном мире, как о суровом бойце и строгом мыслителе, имевшем глубоко любящее сердце и душу, говорит Ленин об Энгельсе.

Ленин отмечает великое идейное сотрудничество, беспрецедентную дружбу гениальных основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Еще до их первой встречи и личного знакомства в конце ноября 1842 года, когда Марксу исполнилось двадцать четыре года, а Энгельсу — всего только двадцать два года, молодой Энгельс под псевдонимом «Ф. Оствальд» сотрудничал в течение полугода в «Рейнской газете» Маркса. «С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом», — указывает Ленин (т. I, стр. 409). «Старинные предания, — писал Ленин, — рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» (стр. 414).

Владимир Ильич предупреждает в начале своей работы, что для понимания значения заслуг Энгельса перед международным пролетариатом надо увидеть значение в развитии рабочего движения учения и деятельности Маркса.

Ленин, поставив задачей своей статьи «будить классовое сознание в русских рабочих», излагает в крайне сжатой, но доступной форме основы учения основоположников марксизма. Он говорит о происхождении и всемирно-исторической миссии рабочего класса. Маркс и Энгельс впервые показали, что «не благоскелатель-

ные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавит человечество от гнетущих его теперь бедствий» (стр. 409). Ленин, излагая учение Маркса, отмечает, что «Маркс и Энгельс в своих научных трудах впервые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе» (там же). Ленин указывает при этом на историческую смену общественно-экономических формаций, на смену господства и побед общественных классов, как результат того, что вся писанная история человечества является историей классовой борьбы.

Чтобы уничтожить основы классового господства и классовой борьбы — частную собственность и анархию производства («беспорядочное общественное производство», — разъясняет Ленин), — необходима сознательная классовая борьба организованного пролетариата. Заканчивает Ленин это краткое изложение основ учения Маркса и Энгельса выводом: «...всякая классовая борьба есть борьба политическая».

Ленин не отрывает изложение учения Маркса — Энгельса от вопросов тогдашней российской современности. А эта современность была такова, что главным врагом марксизма являлось народничество.

Товарищ Сталин в своих замечательных статьях «Анархизм или социализм», написанных в период 1906—1907 годов, вспоминает о спорах между народниками и марксистами. «Народники говорили, — рассказывает товарищ Сталин, — что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», — это бедное крестьянство. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, — говорили они, — что крестьянство многочисленнее всех и в то же время беднее всех в русском обществе. Марксисты отвечали: правильно, что крестьянство сегодня составляет большинство и очень бедно, но разве дело в этом? Крестьянство уже давно составляет большинство, но до сих пор оно без помощи пролетариата никакой инициативы не проявляло в борьбе за «свободу». А почему? Потому, что крестьянство, как сословие, изо дня в день разрушается, распадается на пролетариат и буржуазию, тогда как пролетариат, как класс, изо дня в день растет и крепнет... И так как пролетариат — единственный класс, который непрерывно растет и устремляется к жизни, поэтому наш долг встать рядом с ним и признать его главной силой русской революции, — так отвечали марксисты» (Л. Берия «К вопросу об истории

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОТНИКЪ

№ № 1 и 2.

НЕПЕРИОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Съ портретомъ Фридриха Энгельса

Издание «Союза Русскихъ Соціалдемократовъ»

ЖЕНЕВА

Типография «Союза Русскихъ Соціалдемократовъ»

1896

Обложка сборника «Работникъ» №№ 1 и 2 за 1896 год.

большевистских организаций в Закавказье», стр. 87—88. Партиздат. 1938).

Такая диаметрально противоположная оценка движущих сил предстоящей революции зависела от того, что марксисты смотрели на общественные явления с точки зрения материалистической диалектики, а народники были идеалистами, рассуждали метафизически, смотрели на явления ненаучно, как сторонники субъективной социологии. Отсюда, как отмечает «Краткий курс истории ВКП(б)», и падение народников.

И Ленин, продолжая дальнейший идейный разгром народничества, в своей работе «Фридрих Энгельс» напоминает о социализме домарксовской поры, у которого многое было заимствовано русским народничеством.

Ленин подчеркивает, что идеи, развитые Марксом и Энгельсом, были тогда, в сороковых годах, совершенной новостью. «Тогда, — рассказывает Ленин, — было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбою за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полицией и попов, не видели противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти

люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали, как самостоятельная общественная сила». Они мечтали о социализме без борьбы, в пролетариате они с ужасом видели одну только «язву» и мечтали только о том, чтобы не допустить дальше развития этой «язвы» — роста пролетариата; они стремились остановить «колесо истории».

В противоположность этим утопистам, реакционным мечтателям, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на все растущий и развивающийся пролетариат. В кратких, ярко выраженных словах формулирует Ленин всемирноисторические заслуги Маркса и Энгельса перед международным пролетариатом: «...они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку» (Ленин, Т. I, стр. 410).

Все эти грандиозные заслуги перед трудящимся человечеством делают необходимым, чтобы каждый рабочий знал жизнь и деятельность Фридриха Энгельса, «одного из двух великих учителей современного пролетариата». Это ленинское указание, сделанное им сорок пять лет тому назад, когда революционный марксизм с боями пробивал себе дорогу в России, полно глубочайшего значения и сегодня, через сорок пять лет, когда великие, бессмертные идеи марксизма-ленинизма торжествуют решающую победу в нашей стране среди 193-миллионного народа строителей коммунистического общества.

* * *

Вслед за изложением и обоснованием основ революционного марксова учения (а в такой краткой и общедоступной форме это было сделано впервые) Ленин говорит о научном и политическом образовании Энгельса. Он излагает основы мировоззрения Энгельса — диалектического и исторического материализма — так, как его впервые сформулировали основоположники его Маркс и Энгельс.

Как формировалось революционное и научное мировоззрение Энгельса? Ленин, последовательно передавая основные вехи великой жизни Энгельса, рассказывает, как он уже с юношеских лет ненавидел произвол и насилия абсолютизма, как первые занятия философией укрепили в нем эти чувства и настроения.

Энгельс в юношеский период своей жизни был горячим последователем великого немецкого философа-идеалиста и диалектика — Гегеля, философия которого господствовала тогда не только в Пруссии, но и во всей Европе, до России включительно. Чем привлекала юного революци-

онного демократа Энгельса гегелевская философия? Хотя Гегель преклонялся перед прусским феодально-монархическим государством и состоял у него на службе как профессор философии Берлинского университета, «учение Гегеля было революционным». Революционное значение его философии проистекало из веры Гегеля в человеческий разум и его права, из основного положения его философии, что «в мире происходит постоянный процесс изменения и развития». Последователи Гегеля, не желавшие мириться с тогдашней действительностью, из основного положения гегелевской философии, о том, что в мире происходит постоянный процесс развития, приходили к выводу, что и борьба со злом абсолютизма коренится также в мировом законе вечного развития.

Ленин, говоря об этих революционных выводах из гегелевской диалектики, хотя и идеалистической, связывает их в своей статье с современностью, с русским царским самодержавием, с существующим капиталистическим строем. «Если все развивается, — писал Ленин, — если они учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржуазии над народом?» (стр. 411). Так эта работа Владимира Ильича учит, как надо сочетать вопросы революционной борьбы с глубочайшими вопросами теории.

Но гегелевская философия была философией идеалистической. По Гегелю, развитие природы, развитие человека, развитие общественных (Ленин рядом употребляет объясняющее слово «людских») отношений следует выводить из развития духа. Великие основоположники материалистической диалектики, тесно связанные с конкретной действительностью, «обратившись к жизни», как выражается Ленин, видели, что только материя, природа единственно могут объяснить развитие духа, а не наоборот, как учил идеалист Гегель. Поэтому Маркс и Энгельс взяли гениальную догадку Гегеля о вечном процессе развития, отбросив его предвзятое идеалистическое воззрение. Ленин при этом в сноске ссылается на Маркса, Энгельса, указывавших, что их умственное развитие во многом обязано немецкой философии вообще и Гегелю в частности. Ленин цитирует слова Энгельса о том, что «без немецкой философии не было бы и научного социализма». В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин, разрабатывая дальше марксистско-ленинское учение о диалектике, по этому поводу указывает, что «Маркс и Энгельс

взяли из диалектики Гегеля лишь ее «рациональное зерно», отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше, с тем, чтобы придать ей современный научный вид».

Ленин разъясняет значение того, что Маркс и Энгельс были в противоположность Гегелю и «гегельянкам» материалистами, кратко формулируя в доходчивом для читателя «Работника» изложении основы исторического материализма. Что произошло с наукой об обществе, с наукой о людских, общественных отношениях, которая до того была идеалистической, после того, как Маркс и Энгельс взглянули на мир и человечество материалистически?

«...очи увидели, — говорит Ленин, — что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов» (стр. 411).

Ленин ведет читателя дальше и показывает, как развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность. Он останавливается при этом на самой диалектике ее развития, при которой сама собственность отнимается у большинства трудящегося населения и сосредоточивается в руках ничтожного эксплуататорского меньшинства. Развитие производительных сил, писал Ленин, «уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты» (стр. 411). Все дело заключается в том (и в этом заключается задача социализма), чтобы найти правильно ту общественную силу, которая по самому положению своему в современном обществе заинтересована в окончательной ликвидации основы эксплуататорского строя — частной собственности, — в разрушении буржуазного общества, в осуществлении социализма. Эта общественная сила должна сознавать свои классовые интересы, понять свою историческую задачу. Так Ленин подводит читателя к решающему выводу: «...такая сила — пролетариат».

И Энгельс, рассказывает Ленин, стал изучать пролетариат, ходить по грязным рабочим кварталам Манчестера, где он собственными глазами видел нищету и бед-

ствия английского пролетариата. В итоге своих непосредственных наблюдений и изучения документов и материалов о положении английского пролетариата двенадцатипятилетний Энгельс написал свою гениальную книгу «Положение рабочего класса в Англии». Мысли, увлекательно изложенные в этой книге, были совершенно новы для социалистической литературы того времени, а факты невероятной обездоленности и потрясающие картины бедствия английского пролетариата явились «ужасным обвинением капитализма и буржуазии». Ленин, суммируя основные мысли этой исторической книги, появившейся за три года до «Манифеста Коммунистической партии», подчеркивает, что «Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение», что в этой борьбе он сам себе поможет, что его политическая борьба не может не привести его к сознанию того, что только в социализме выход из его положения, что «социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса» (стр. 412).

Но «Положение рабочего класса в Англии» — не первая серьезная работа молодого Энгельса. За год до нее оба друга — Маркс и Энгельс — сообща написали книгу «Святое семейство или критика «критической критики», направленную против историков-философов братьев Бруно и Эдгара Бауэров и их последователей, проповедывавших тогда, в конце тридцатых и начале сороковых годов, некоторые из тех вредных и вздорных идей, которые впоследствии, через сорок лет, исповедывали либеральные шарлатаны в России.

Ленин напоминает, что гениальные основоположники научного коммунизма решительно восставали против созерцательного, бездейственного отношения к действительности, против таких идей, будто пролетариат является некритической массой, и требовали не созерцания, а борьбы за новое общество во имя подлинной человеческой личности, во имя пролетариата, который является силой, заинтересованной в построении социализма и способной до конца бороться за него. А до «Святого семейства» Энгельс написал и в марксовом «Немецко-французском ежегоднике» («Deutsch-französische Jahrbücher») напечатал «Очерки критики политической экономии». Ленин при этом делает крайне важное замечание о том, что «об-

щено с Энгельсом безмерно стеснительно-ло тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот» (стр. 413).

Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» произвела громадное впечатление. Известно, что в России царская цензура не допустила ее к печатанию, что такой журнал, как «Современник», без указания автора все же довел до своих читателей основное содержание книги. Ленин в своей статье дает такую высокую оценку этой энгельсовой работе: «...ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса». Много лет позже, в 1913 году, Ленин, говоря об этом замечательном произведении Энгельса, в своей статье «Перенеска Маркса с Энгельсом» называет эту книгу «одним из лучших произведений в мировой социалистической литературе» (т. XVII, стр. 31).

Ленин, говоря об этом периоде жизни Энгельса, когда он, возвращаясь в 1844 году из Англии в Германию, остановился по пути в Париже и вновь встретился с Марксом, делает два чрезвычайно важных и глубоких замечания, а именно: что Энгельс социалистом сделался только в Англии и что Маркс стал тоже под влиянием французской жизни и французских социалистов социалистом в Париже.

Ленин останавливается на дальнейших этапах жизни, революционной деятельности и литературной работы великого соратника Маркса — бессмертного Энгельса.

Ленин, говоря о «Манифесте Коммунистической партии», дает в своей статье знаменитую оценку этого программного документа научного коммунизма. «Эта небольшая книжечка, — писал Ленин, — стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира» (т. I, стр. 413).

Когда разразившаяся революция 1848 года привела Маркса и Энгельса на родину, «оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии», и «то последние возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил».

А когда Маркс и Энгельс после поражения революции 1848 года, в связи с наступившей в Пруссии реакцией, направились в Англию: Энгельс — в Манчестер и Маркс — в Лондон, — то несмотря на более чем двадцатилетнюю жизнь врозь, в разных городах, они находились в самом живом духовном общении, ведя почти ежедневную переписку, в которой «обменива-

лись всеми взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм». И длительный период жизни в разных городах, и тринадцатилетняя совместная жизнь до смерти Маркса в 1883 году в Лондоне — это «совместная духовная жизнь, полная напряженной работы».

В этот период вынужденной эмиграции после движения 1848—1849 годов Маркс и Энгельс, указывает Ленин, в изгнании занимались не одной только наукой. И во время существования организованного Марксом «Международного товарищества рабочих» — I Интернационала — и после его закрытия все более и более выходящая за пределы совместной объединяющей роль Маркса и Энгельса. «Можно сказать, — говорит Ленин, — что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение». А когда Маркс умер, его осиротевший друг «один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов... Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» (стр. 415).

За этот всемирноисторический период времени Энгельс написал ряд крупнейших и важнейших работ, таких, как «Анти-Дюринг», в котором «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук» (стр. 414), как «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах» и ряд статей о России. Энгельс в этих, «весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса» (стр. 414).

* * *

Известно заявление Энгельса в предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» в 1883 году о том, что основная мысль «Манифеста» об условиях развития человеческого общества и всемирноисторической миссии рабочего класса принадлежит единственно и исключительно Марксу. Вместе с тем известна также выходящая роль Энгельса в деле создания вместе с Марксом научного коммунизма и руководства международным рабочим движением.

Неоценима перед мировым коммунизмом историческая заслуга Энгельса в деле помощи Марксу, работавшему в чрезвычайно трудных условиях материальной нужды и мучительной болезни над разбором сложнейших явлений капиталистического хозяйства, создавшему свой гениальный труд «Капитал» — «величайшее

политико-экономическое производство нашего века».

По справедливости Маркс, закончив корректуру I тома «Капитала», писал Энгельсу: «Итак, этот том тот же. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! без твоего самопожертвования для меня я ни за что не мог бы проделать всю оформную работу для трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности» (Маркс и Энгельс. Т. XXIII, стр. 429). Ленин в своей работе «Карл Маркс», написанной в 1914 году, замечает по этому поводу: «Не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты» (т. XVIII, стр. 7).

Особенно велика заслуга Энгельса в ответственной работе обработки оставшихся после смерти Маркса незаконченными II и III томов «Капитала». Это был труд титана мысли и науки. Ленин приводит высказывание австрийского социал-демократа Виктора Адлера, что изданием II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором неволью неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. «Действительно, — замечает Владимир Ильич, — эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса». Подаром Энгельс, закончив редактирование III тома, в 1894 году, за год до своей смерти, заявил, что теперь он может умереть со спокойной совестью. С глубоким чувством говорит Ленин об Энгельсе, что «его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны» (т. I, стр. 414).

Особое место в конце своей работы об Энгельсе Ленин отводит той роли, которую Энгельс сыграл для революционного движения в России. Ленин рассказывает, как Маркс и Энгельс, которые оба владели русским языком и читали русские книги, «живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами» (стр. 415), как они счувственно откликнулись к героической борьбе русских революционеров против царизма и позорительно относились ко всем тем, кто стравливается от важнейшей задачи русских социалистов — завоевания политической

свободы, — считая это прямой изменой великому делу социальной революции. Ленин подчеркивает то огромное значение, какое придавали Маркс и Энгельс грядущей русской политической революции для судеб западноевропейского рабочего движения, как пророчески предвидели они, что «только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тяготей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса» (стр. 416). Иходя из этих перспектив, Энгельс был горячим сторонником водворения политической свободы в России.

«Русские революционеры, — заканчивает Ленин свою статью, — потеряли в нем своего лучшего друга».

* * *

Со времени смерти Фридриха Энгельса, великого борца и учителя пролетариата, друга и соратника Карла Маркса, прошло сорок пять лет. Сорок пять лет прошло со времени написания молодым Лениным страстного некролога, посвященного Энгельсу, чей прах, согласно его завещанию, поглотили морские волны. Великие революционные идеи Маркса и Энгельса, сформулированные гениально Лениным в его работе об Энгельсе, осуществлены в жизни на шестой части земного шара, в нашей стране социализма, великими продолжателями основоположников научного коммунизма — Лениным и Сталиным.

«Можно сказать без преувеличения, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогащали ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата».

Великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — научный коммунизм — является могучим, непобедимым оружием всего международного пролетариата в его борьбе за коммунизм во всем мире.

Б. ВОЛИН

Энгельс как военный теоретик и писатель

1

Основоположники научного коммунизма придавали огромное значение военной науке как важнейшему оружию пролетариата в гражданской войне с классовыми врагами.

Маркс и Энгельс создали основы марксистской военной науки. По военным вопросам писал по преимуществу Энгельс. Он был гениальным военным теоретиком пролетариата, замечательным пролетарским стратегом. Энгельса Ленин называл великим знатоком военного дела.

Военными науками Энгельс начинает интересоваться очень рано, со времени отбывания воинской повинности в Берлине, в 1841—1842 годах. Во время революции 1848 года в связи с потребностями вооруженной борьбы Энгельс еще более углубил свои военные знания. В это время на опыте революционного движения Энгельс разработал тактику вооруженной борьбы пролетариата с буржуазией. Военное дело Энгельс продолжал основательно изучать с ноября 1850 года, со времени переезда в Манчестер. 19 июня 1851 года Энгельс писал Иосифу Вейдемейеру: «С тех пор, как я переселился в Манчестер, я начал зубрить военные науки...»¹. Изучение военного дела во время пребывания в Манчестере имело для Энгельса практически революционное значение. Он и Маркс были убеждены в близости нового революционного подъема.

12 апреля 1853 года Энгельс писал Вейдемейеру: «Я хотел бы еще успеть до ближайшей революции основательно изучить и описать хотя бы итальянский и венгерский походы 1848—49 гг.»².

До переворота Луи Бонапарта Маркс и Энгельс считали возможным дальнейшее углубление буржуазной революции во Франции. Они предполагали, что победоносная революция в Париже в 1852 году вызовет войну «Священного союза» про-

тив Франции. В связи с этим осенью 1851 года Энгельс писал статью под заглавием «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.», оставшуюся неоконченной.

В ней он анализирует силы революции и силы контрреволюции и разрабатывает вопросы борьбы против соединенных контрреволюционных сил. Энгельс писал, что пролетариат может победить только при помощи лучшей чем у буржуазии армии. С исключительной глубиной Энгельс излагает буржуазную систему войны и намечает пролетарский способ войны.

Перечисляя характерные черты буржуазных армий: массовость, подвижность, высокую техническую оснащенность, — Энгельс писал: «Современная система ведения войны является естественным продуктом французской революции»³. Современный способ ведения войны является военным выражением эмансипации буржуазии и крестьянства в результате революции. Наоборот, неповоротливость дореволюционных, т. е. феодальных, армий «является точным отражением феодального строя»⁴.

С чрезвычайной проникательностью Энгельс определяет основы будущей армии победившего пролетариата и ее способы борьбы. Энгельс пишет, что задача победившего пролетариата в создании армии будет заключаться «не в уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, в поднятии и того, и другого на высшую ступень»⁵. Предпосылкой совершенствования пролетарской армии будет рост производительных сил, расцвет культуры и техники нового общества. Армия, контуры которой рисовал Энгельс, является прообразом нашей Красной Армии.

В августе 1851 года Маркс принял предложение сотрудничать в газете «Нью-Йоркская трибуна». Сотрудничество в этой газете давало возможность Марксу и Энгельсу пропагандировать свои взгляды.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXV, стр. 97.

² Там же, стр. 188.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. VIII, стр. 456.

⁴ Там же, стр. 458.

⁵ Там же, стр. 461.

Для «Нью-Йоркской трибуны» Маркс и Энгельс написали около 500 статей. В частности, почти все военные статьи были написаны Энгельсом. Военные статьи Энгельс помещал также в ряде других органов печати.

С начала Крымской войны (1853—1856) Энгельс стал писать статьи о ходе военных операций. Он анализировал буквально каждый маневр армии союзников и русской армии, жестоко критиковал англо-французское командование за его бездарность, педантизм, нерешительность, высмеивал жалкий характер его тактического и стратегического руководства.

Энгельс писал, что Крымская война показала полное бессилие консервативной Европы—Европы «порядка, собственности, семьи и религии», Европы монархов, феодалов и капиталистов. Энгельс называл Крымскую войну «скучной», «непостижимой войной».

Энгельс показал истинную причину этой войны — борьбу за господство на Ближнем Востоке. Он разоблачил авантюризм Луи Бонапарта, торгашеские интересы английской буржуазии в этой войне.

Маркс и Энгельс в своих оценках Крымской войны, как и во всех вопросах, исходили из интересов рабочего движения, из интересов революции. Энгельс указывал, что Крымская война неизбежно вызовет новый подъем революционного движения в Европе. В статье «Европейская война» Энгельс писал: «Но не следует забывать, что в Европе существует еще одна, шестая держава, которая в известные моменты подчиняет себе все пять так называемых «великих держав» и каждую из них заставляет дрожать. Держава эта — Революция»¹.

Военные статьи Энгельса о Крымской войне заслужили высокую оценку Маркса. 30 сентября 1853 года Маркс писал Энгельсу: «Военная статья великолепна»² — и 5 января 1854 года: «Твои военные статьи вызвали большую сенсацию. В Нью-Йорке ходит слух, что их писал генерал Скотт»³.

Многие военные статьи Энгельса в «Нью-Йоркской трибуне» шли в виде переводов.

В конце 1855 года Энгельс написал ряд статей о состоянии армий в странах Европы. В этих статьях Энгельс показал себя блестящим знатоком состояния воен-

ного дела в каждой европейской стране. Он дает подробную характеристику всех основных западноевропейских и турецкой армий, вплоть до их национальных особенностей и традиций.

В 1856 году началась вторая опиумная война в Китае. В следующем, 1857 году вспыхнуло восстание сипаев в Индии. Маркс и Энгельс написали серию статей об этих событиях. В статьях о войне в Китае и Индии Энгельс соединил глубокий военный анализ с политической характеристикой событий. Энгельс подчеркивал прогрессивный, народный характер борьбы против англо-французских колонизаторов в Китае: «...вместо того, чтобы читать проповедь по поводу ужасных жестокостей китайцев, как делает рыцарственная английская пресса,—писал Энгельс в статье «Переня и Китай», — было бы лучше, если бы мы признали, что это—война pro aris et focis [за алтари и очаги], что это—война народная, ради сохранения китайской национальности...»⁴.

В статьях об Индии Маркс и Энгельс разоблачали хищническую политику английской буржуазии и английских лордов в Индии, пауперизацию ее населения. Маркс в знаменитой статье «Британское владычество в Индии» указывал, что в Азии с незапамятных времен существовали три отрасли управления: «финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ»⁵.

Англичане в Индии переняли от своих предшественников, продолжает Маркс, только два первых ведомства — ведомство финансов и ведомство войны. В результате английского хозяйничанья в Индии индусские земледелие и ремесла упали, культурный уровень населения снизился.

В апреле 1857 года Маркс получил предложение от американского издателя Чарльза Дана написать ряд военных статей для издаваемой им энциклопедии. Для энциклопедии Дана Маркс и Энгельс написали около 80 статей. Энгельс написал статьи: «Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Флот», «Аустерлиц», «Бородино», «Орудие», «Мосты военные». Все они являются образцами глубокого, марксистского исследования военных вопросов, написаны на основании тщательного изучения специальной литературы и источников. 18 февраля

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. II, стр. 34.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXI, стр. 521.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXII, стр. 1.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XI, Ч. 1-я, стр. 166.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. IX, стр. 347.

1858 года Энгельс писал Марксу, что для Дана они дают «зачастую самостоятельные работы вместо дурацких компиляций, которые он получает от других»¹.

Статьи Энгельса для Американской энциклопедии поражают читателя широтой военных знаний. Энгельс не только глубоко и обстоятельно пишет о различных отраслях военного дела: артиллерии, кавалерии, флоте, пехоте, фортификации и др. Он знает их в полном объеме, до мелких технических деталей, и излагает также и историю их развития. Эти статьи Энгельса дают основы пролетарской военной науки.

В этих статьях Энгельс изложил историю развития военной техники, стратегии и тактики от глубокой древности до середины XIX века, используя огромный фактический материал. Все крупные битвы нашли у Энгельса глубокую оценку со стратегической и тактической точек зрения. Примером военно-исторических работ Энгельса являются его статьи «Асперн», «Аустерлиц» и др.

Энгельс дал ряд глубоких характеристик полководцам и военным деятелям и в основу своих оценок положил огромный фактический материал, тщательно им изученный. Примерами таких характеристик, основанных на глубоком знании и анализе фактов из истории войн, являются характеристики, данные Энгельсом Бернадоту, Блюхеру. Из военных деятелей Энгельс особенно высоко ставил полководцев древности: Эпаминонда, Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря.

В статьях «Атака» и «Сражение» Энгельс изложил основы современной ему стратегии и тактики войны.

Статья «Армия» получила весьма высокую оценку Маркса. 25 сентября 1857 года Маркс писал Энгельсу: «Твоя «Армия» великолепна... История «Армии» нагляднее, чем что-либо, подчеркивает правильность наших взглядов на связь производительных сил и общественных отношений... Вся история буржуазных общественных формаций выражена здесь в сжатом виде с поразительной ясностью»².

В конце 50-х годов XIX века вновь усилилось национально-освободительное движение в Италии. Назревала угроза войны между Австрией и крупным итальянским государством Пьемонт. Луи Бонапарт всячески старался раздуть противоречия между Пьемонтом и Австрией и вызвать войну между ними, надеясь этим

усилить свои позиции в Европе и власть над политически раздробленной Италией. Он выступал в роли «освободителя» Италии от австрийского ига и обещал ей поддержку в борьбе против Австрии.

Энгельс решил написать брошюру и изложить в ней пролетарскую точку зрения на воссоединение Италии и Германии в самостоятельные государства. В письме Энгельсу от 25 февраля 1859 года Маркс, одобряя его мысль об издании брошюры, писал: «Демократические собаки и либеральные пегосы увидят, что мы — единственные люди, не поглупевшие за этот ужасный мирный период»³. Брошюра вышла в начале 1859 года под названием «По и Рейн». В ней Энгельс изложил свою точку зрения в форме обсуждения чисто военных вопросов. Эту работу, вышедшую без подписи автора, прусский генералитет считал анонимным произведением крупного военного специалиста-профессионала.

В этой работе Энгельс разоблачил теорию идеологов германского шовинизма, отстаивавших необходимость владения итальянскими землями, оправдывая это интересами обороны Германского союза. Энгельс опроверг это утверждение с чисто военной точки зрения. И без земель Италии Австрия владела на юге весьма выгодными стратегическими естественными рубежами, которые давали ей возможность не только успешно защищаться, но и перейти в наступление.

Энгельс разоблачил также малогерманцев, т. е. сторонников объединения Германии во главе с Пруссией, которые, защищая теорию необходимости для Австрии владения итальянскими землями, провоцировали столкновение Австрии с Францией и Италией. Толкая на войну Австрию, малогерманцы стремились обессилить ее и этим обеспечить господствующее положение Пруссии среди германских государств. Энгельс показал, что германские шовинисты защищали теорию «естественных границ» в вопросе о владении итальянскими землями и осуждали ее, когда речь шла о защите линии Рейна против Франции.

Энгельс также разоблачил политику Луи Бонапарта по отношению к Италии. Он показал, что Луи Бонапарт по отношению к Италии был волком в овечьей шкуре. Дальнейшие события подтвердили прогноз Энгельса. Луи Бонапарт в виде платы за «помощь» Италии в войне против Австрии захватил в 1859 году итальянские провинции Ницца и Савойю. В 1860 году вышла вторая брошюра Энгельса — «Савойя, Ницца и Рейн», явившаяся продол-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXII, стр. 306.

² Там же, стр. 239—240.

³ Там же, стр. 385.

женем первой. В ней Энгельс разоблачил тайные планы Наполеона, которые тот стремился осуществить захватом Ниццы и Савойи. Владение Ниццей и Савойей давало возможность Луи Бонапарту господствовать в Италии и Швейцарии. Присоединением этих областей к Франции Бонапарт закрепил политическую раздробленность Италии.

С начала гражданской войны в Америке Маркс и Энгельс поместили ряд статей в американской и европейской прессе об этой войне.

Маркс и Энгельс рассматривали эту войну как борьбу двух социальных систем. «Современная борьба между Югом и Севером,— писал Маркс в своей статье «Гражданская война в Соединенных Штатах»,— есть... не что иное, как борьба двух социальных систем,— системы рабства и системы свободного труда. Так как обе системы не могут более мирно существовать на северо-американском континенте рядом друг с другом, то вспыхнула борьба. Она может кончиться лишь победой одной из этих систем»¹.

В оценке событий этой войны симпатии Маркса и Энгельса были на стороне Севера. С первых же дней войны Энгельс указывал, что на стороне Севера, как передовой социальной системы, все шансы победы. Энгельс указывал, что военная организация у южан лучше чем у северян, но что последние имеют более развитую промышленность и большее количество населения. Кроме того, что весьма важно, из 10,5 миллиона населения Юга 3 миллиона были негры-рабы, симпатизирующие Северным штатам. Маркс и Энгельс критиковали буржуазию Северных штатов за нерешительность в развертывании войны, за боязнь народа, задержку эмансипации негров, антидемократические тенденции. Маркс и Энгельс считали, что войне надо придать революционный характер и что в этом основа ее будущего успеха. 30 июля 1862 года Энгельс писал Марксу: «...если Север немедленно не станет действовать революционно, то его непоправимо побьют, и поделом»². И действительно, Север добился решающих успехов только после объявления закона об эмансипации негров (22 сентября 1862 года).

Оценивая ход военных действий между Севером и Югом, Энгельс указывал, что опыт американской гражданской войны показал, какую большую роль должна

сыграть регулярная армия при создании армии из волонтеров. Регулярная армия должна послужить ядром при создании такой армии. В статье «Уроки американской войны» Энгельс писал: «Теперь взгляните на Америку, и вы поймете, какую ценность представляет регулярная армия в деле создания армии волонтеров»³.

Энгельс понимал огромное значение гражданской войны для будущего развития Америки. Исход этой войны, писал Энгельс Вейдемейеру 24 ноября 1864 года, «определит будущее всей Америки на сотни лет вперед. Как только будет взорвано рабство,— это величайшее препятствие, сковывающее политическое и социальное развитие Соединенных Штатов,— страна переживет такой подъем, который в кратчайший срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории, и армия и флот, созданные во время войны, быстро найдут тогда себе применение»⁴.

История полностью подтвердила эти слова Энгельса. Соединенные штаты, уничтожив рабство, сумели в сравнительно короткий срок догнать и перегнать в экономическом отношении другие капиталистические страны.

Австро-прусской войне 1866 года Энгельс посвятил несколько статей, печатавшихся в «Manchester Guardian». В начале военных действий Энгельс невысоко ставил прусскую армию, указывая на формализм и педантизм, царившие в ней последние 40 лет и от которых она еще не избавилась к началу войны. Одновременно Энгельс отмечал крупное преимущество прусской армии—вооружение скорострельным шольчатым ружьем, сыгравшим огромную роль в датской войне 1864 года. Австрийская же армия была вооружена ружьями, заряжавшимися с дула. Для того чтобы победить, указывал Энгельс, пруссаки должны проявить высокое мужество. С начала войны прусское командование, писал Энгельс, допустило крупную стратегическую ошибку, разделив свою армию на 2 части, из которых ни одна не могла оказать поддержки другой до соединения у Гичина. Но вопреки ожиданиям пруссаки в течение 10 дней добились блестящей победы. Стратегическая ошибка прусского командования была исправлена быстротой действий прусских войск. Прусские солдаты проявили высокий боевой дух. Изгнание «целой своры монархов из северо-западной Германии,— отмечал Энгельс,— ...внушило войскам

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XII. Ч. 2-я, стр. 251.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIII, стр. 85—86.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XII. Ч. 2-я, стр. 526.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXV, стр. 424.

мысль, что на этот раз они призваны для борьбы за объединение Германии...»¹.

2

Военный гений Энгельса наиболее ярко проявился в статьях о франко-прусской войне 1870—1871 годов², печатавшихся в лондонской «Pall Mall Gazette». К анализу событий франко-прусской войны, как и вообще к военным вопросам, Энгельс подходил не как узкий военный специалист, а как пролетарский революционер, как вождь борющегося пролетариата.

Тактика Маркса и Энгельса по отношению к франко-прусской войне является образцом интернационалистической пролетарской тактики. Она вытекала из интересов пролетариата, из интересов мирового рабочего движения. Суть тактики Интернационала по отношению к франко-прусской войне весьма четко сформулировал Энгельс в письме Марксу от 15 августа 1870 года. По мнению Энгельса, пролетарская партия должна:

«1) примкнуть к национальному движению... — поскольку и до тех пор, пока оно ограничивается защитой Германии (что при определенных обстоятельствах не исключает наступления до самого мира);

2) подчеркивать при этом различие между национально-германскими и династически-прусскими интересами;

3) противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии...

4) как только в Париже у кормила окажется республиканское, не-шовинистическое правительство, — добиваться почетного мира с ним;

5) постоянно выдвигать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войну, а также и не воюют друг с другом»³.

События франко-прусской войны Энгельс анализировал с исключительной глубиной и мастерством. В самом начале войны он первый разгадал на основании косвенных данных стратегические планы воюющих сторон. Уже в первой своей статье о франко-прусской войне, напечатанной 29 июля 1870 года, Энгельс изложил план Наполеона: «В настоящее время ясно для всех, что Луи-Наполеон надеялся изолировать Северо-германский союз от южных государств и использовать недовольство,

имеющееся в областях, недавно присоединенных к Пруссии»⁴.

Луи-Наполеон намерен был, пишет дальше Энгельс, вторгнуться в Германию, переправившись через Рейн между Гермергеймом и Майнцем, и повести наступление в направлении на Франкфурт и Вюрцбург. Луи-Наполеон надеялся использовать преимущества французской кадровой системы перед немецкой системой ландвера, дававшей ему возможность быстрее пруссаков сосредоточить армию в 120—150 тысяч человек.

Энгельс отмечал, что политические и военные соображения говорили за успех этого плана. Французы могли бы выиграть войну, если бы сумели быстрее немцев бросить в бой крупную армию. Тогда они по частям разбили бы немецкую армию, по мере того как ее отдельные соединения формировались бы и прибывали бы на фронт. Война была бы перенесена на территорию Германии, что оказало бы хорошее моральное действие на французские войска. Но для быстрого и решительного удара армия Луи Бонапарта была неготова. В особенности было плохо поставлено снабжение армии. Воровство, взяточничество, коррупция, царившие во Второй империи, процветали и во французской армии. Ее интендантство работало из рук вон плохо. Армия не имела самого необходимого для того, чтобы выступить в поход. Плохая работа интендантства вызвала задержку наступления французской армии на целую неделю. Эта недельная задержка, указывает Энгельс, создала огромное преимущество для немцев. Она дала им возможность сосредоточить свою армию и перебросить ее на фронт.

Первоначальный план Наполеона сорвался. Его армия не сумела нанести быстрый и сокрушительный удар. С этого времени, писал Энгельс, для бонапартовской армии наступил второй этап войны — этап подготовки большой кампании. С этого дня шансы императора на безусловный успех начали падать, ибо немцы могли выставить значительно большее количество войск. Энгельс указывал, что Франция располагала не больше чем 550 тысячами обученных войск, в то время как одна Северная Германия имела 950 тысяч.

Уже в июле 1870 года Энгельсу стал совершенно понятен стратегический план Мольтке; 31 июля Энгельс писал Марксу:

«Дорогой Мавр!

При сем прусский план кампании. Прошу тебя немедленно взять кэб и отвезти его в «Pall Mall Gazette», чтобы он появился в поне-

⁴ Ф. Энгельс «Заметки о войне», стр. 7.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 184.

² Ф. Энгельс «Заметки о войне». Госполитиздат. 1940.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIV, стр. 382.

дельник в вечером. Он доставит «Pall Mall Gazette» и мне огромную популярность; во вторые события могут развернуться так далеко, что всякий осел сможет сам представить себе дальнейший ход дела... Я несколько горжусь этой историей, так как в самом деле было не легко разгадать этот план»¹.

В этом же письме Энгельс предсказывал победу немцев. «Окончательный результат,— писал Энгельс,— что в конце концов победят немцы — для меня вне всякого сомнения...»².

Энгельс предсказал, что если план немцев удастся, то французская армия окажется отрезанной не только от своих ближайших баз — Меца и Мозеля, — но и от своей основной базы — Парижа.

Дальнейшие события полностью подтвердили прогноз Энгельса: немцы повели наступление именно так, как предсказал Энгельс в вышеприведенной статье. Надо было обладать действительно исключительным военным талантом, чтобы на основании отрывочных газетных известий, находясь в Манчестере, разгадать в самом начале войны основной стратегический замысел немецкого командования, который, естественно, держался в строгом секрете.

Главный удар был нанесен первой (под начальством Штейнмеца) и второй (под начальством Фридриха-Карла) немецкими армиями, сосредоточенными на правом фланге, 6 августа у Шнихерпа. Первая и вторая немецкие армии, соединившись у Саарбрюкена, нанесли (6 августа у Шнихерна) поражение армии Базэна и вынудили ее отступить к Мецу. После боя 14 августа у Коломбей-Нуэйли, под стенами Меца, Базэн решил отступить на Верден, но немцы обошли его и преградили ему путь в боях 16 августа при Вюонвиле и Марс-ля-Турсе. Это был решающий момент войны. Огромная армия Базэна (180 тысяч человек) была блокирована в Меце. Энгельс сразу оценил все значение этого факта. В статье от 20 августа он писал: «Военная мощь Франции, повидимому, полностью разрушена, и, как кажется, теперь честолюбию немцев нет других пределов, кроме весьма сомнительной немецкой умеренности»³.

Вторая французская армия, под начальством Мак-Магона, потерпела поражение при Вейсенбурге и Вёрте (4 и 6 августа). Немецкому командованию удалось разеди-

нить армию Базэна и Мак-Магона. Третья немецкая армия, под начальством кронпринца прусского, вклинилась между ними и вынудила армию Мак-Магона отступить окружным путем к Шалону. Немцы своим излюбленным приемом — обходом и разединением сил противника — сумели разбить армию Луи Бонапарта по частям. Шалонская армия под начальством Мак-Магона двинулась на выручку Базэна. Еще в статье от 26 августа, т. е. за неделю до Седана, Энгельс писал, что «движение Мак-Магона на помощь Базэну было бы крупной ошибкой, пока он окончательно не избавился от кронпринца»⁴.

Энгельс писал, что путь Мак-Магона в Мец лежит напрямик через третью армию немцев. Но разбить третью армию немцев Мак-Магон не мог, так как силы его армии были значительно слабее немецких. Мак-Магону не надо было, указывал Энгельс, отрываться от Парижа, представлявшего собой огромный укрепленный лагерь и, следовательно, базу французских армий. План идти на выручку Базэну Энгельс называл безумным. Он предсказывал поражение французской армии и указывал даже место, где должно было произойти это поражение. «Войскам Мак-Магона, — писал Энгельс, — придется, быть может, сдаться на той узкой полосе французской территории, которая врывается в Бельгию между Мезьером и Шарлемон—Живе. В самом лучшем случае они могут спастись отступлением в северные крепости — Валансьен, Лилль и т. д., — где при любых обстоятельствах будут обезврежены. И тогда Франция окажется во власти завоевателя»⁵.

Дальнейшие события разворачивались именно так, как предвидел Энгельс. 2 сентября 1870 года армия Мак-Магона в количестве 85 тысяч солдат была окружена и капитулировала при Седане, вблизи бельгийской границы. Мак-Магон и Наполеон III попали в плен. Империя Наполеона III потерпела окончательное поражение и была уничтожена революцией 4 сентября 1870 года. Гениальные предсказания Маркса и Энгельса о неизбежном крушении Второй империи полностью подтвердились.

Как могло случиться, что французская армия, поднятая на небывалую высоту военным гением Наполеона I, имевшая кое-какие успехи в Крымской войне 1853—1856 годов и в итальянской войне 1859 года и считавшаяся лучшей армией Европы, была разбита в течение месяца и потерпела такое поражение, каких не знала военная история? Германские

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIV, стр. 363—364.

² Там же, стр. 365.

³ Ф. Энгельс «Заметки о войне», стр. 51.

⁴ Там же, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 58.

новинствы объясняли успех Германии гениальностью старого Мольтке и тем, что немцы являются самой воинственной нацией во всем мире.

Энгельс дал глубокий, марксистский анализ причин поражения бонапартовской Франции. Он не отрицал талантов фельдмаршала Мольтке и лучшей организации прусской армии, но основную причину поражения Второй империи видел в ней самой.

Армия Луи Бонапарта отражала насквозь прогнивший строй Второй империи. В статье «Расцвет и упадок армии» Энгельс писал: «...атмосфера коррупции, в которой жила Вторая империя, захватила, наконец, и главную опору этой империи — армию; и в час испытания эта армия не могла противопоставить противнику ничего кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат, а этого одного недостаточно для того, чтобы армия продолжала оставаться первоклассной»¹. Энгельс указывал, что французское командование в руководстве военными действиями исходило не из военных, а из политических соображений, из династически-бонапартовских интересов. Если армия, писал Энгельс, «должна в своих действиях руководствоваться не тем, что творится в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может происходить в Париже, то она уже наполовину разбита»².

Энгельс показал это на анализе развертывания военных действий французской армии. Установив в самом начале войны, что наступательная война для Франции невозможна, французское командование должно было изменить расположение армии, сделать это расположение пригодным для обороны. Нужно было сосредоточить войска, стянуть их к центру, по это не было сделано. Наоборот, французское командование допустило отрыв правого фланга от центра. После поражения при Вейссенбурге Мак-Магон должен был ускорить свое соединение с армией Базэна, а он в погоне за реваншем, боясь еще больше уронить в глазах нации подмоченный авторитет Второй империи, попытался возобновить бой и был снова разбит при Вёрте. Остальные французские войска находились слишком далеко, чтобы оказать ему помощь. В результате соединение армий Мак-Магона и Базэна так и не состоялось.

Базэн оказался блокированным в Меце также благодаря тому, что он прежде всего

заботился о престиже Второй империи, опасаясь, что при первых неудачах на фронте гнилой строй империи будет ликвидирован революцией. После первых поражений он должен был, не смущаясь ими, не задерживаться под Мецем, а идти к Вердену и Шалону, чтобы там соединиться с Мак-Магоном и двумя дивизиями генерала Дуэ. Но Базэн колебался, медлил, не решался без боя оставить Мец. Результат известен.

Энгельс предвидел неизбежность поражения Базэна, обусловленную его медлительностью. В статье от 18 августа, еще до получения известий о блокаде армии Базэна, он писал: «Для Наполеона и его армии действительно настало время оставить Мец»³.

Сурово критикуя французское командование, разоблачая гнилость и бессилие Второй империи, Энгельс высоко оценивал рядовых французских солдат. По поводу отступления французских войск от Меца Энгельс писал: «Никогда еще, даже во времена самых победоносных кампаний, французская армия не покрывала себя более заслуженной славой, чем при ее катастрофическом отступлении от Меца»⁴.

Энгельс писал, что французский народ переживает глубочайшее национальное унижение благодаря тому, что во главе его в течение двадцати лет находилась бонапартистская олигархия: «...благородная и мужественная нация видит, что все ее усилия защитить себя оказываются тщетными, потому что она в течение двадцати лет терпела, чтобы ее судьбами управляла шайка авантюристов, которая превратила администрацию, правительство, армию, флот — фактически всю Францию — в источник своей личной наживы»⁵.

После свержения Второй империи и установления республики во Франции симпатии Энгельса были на стороне Франции. Несмотря на то что прусский король торжественно заявил в рейхстаге, что он ведет войну только против французского императора, а не против французского народа, прусская военщина решила превратить оборонительную войну в завоевательную. Она требовала расчленения Французской республики. Защитники «тевтонского патриотизма» вопили о необходимости присоединения Эльзаса и Лотарингии к Германии. В воззвании Генерального совета Интернационала от 9 сентября 1870 года Маркс протестовал против присоединения Эльзаса и Лотарин-

¹ Ф. Энгельс «Заметки о войне», стр. 83.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ Там же, стр. 64-65.

гин и указывал, что Германия не имеет никаких оснований для захвата этих областей. Маркс предупреждал, что аннексия Эльзаса и Лотарингии вынудит Францию броситься в объятия царской России, что франко-прусская война станет предтечей новых, еще более ужасных войн. Эти гениальные предсказания Маркса также полностью подтвердились. После поражения 1870—1871 годов и аннексии Эльзаса и Лотарингии Франция стала энергично готовиться к реваншу. В конце 80-х и начале 90-х годов XIX века оформился франко-русский союз. В 1907 году к франко-русскому союзу присоединилась Англия. Так возникло Тройственное соглашение — группировка стран, выступивших против Германии в 1914 году. Товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) указывал, что вопрос об Эльзасе и Лотарингии был одной из серьезнейших причин империалистической войны 1914—1918 годов.

От имени немецких рабочих Маркс требовал заключения почетного мира с Францией и признания Французской республики, возникшей 4 сентября 1870 года. В статье «О свободе слова и печати в Германии», опубликованной 16 января 1871 года, Маркс писал: «Франция борется теперь не только за свою собственную национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы, и ее дело, к счастью, может считаться далеко не безнадежным»¹.

Заканчивая второе воззвание Генерального совета о франко-прусской войне, Маркс призывал рабочих к активному выступлению против войны. «Если рабочие забудут свой долг,—предупреждал Маркс,—если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей Испании, землевладения и капитала»².

Этот призыв Маркса сохраняет всю свою силу и для наших дней.

Рассматривая ход военных действий на втором этапе войны, Энгельс указывал, что только народная война может спасти Францию. Энгельс приветствовал развертывание партизанской войны во Франции. Он писал, что со времени американской войны за независимость вплоть до гражданской войны в Америке участие населения в войне стало правилом. Всюду, где народ допускал свое порабощение только потому, что его армии не могли оказать сопротивления, к нему относились со всеобщим презрением как к нации

трусов. Энгельс с гневом писал о зверском обращении пруссаков с французскими партизанами. Германское командование издало приказ о расстреле всякого партизана, захваченного с оружием в руках, как «разбойника» и «подлого убийцы». Энгельс напоминал, что после разгрома Пруссии в 1806 году прусское правительство сделало все возможное, чтобы организовать партизанское движение в своей стране. Было издано «Положение о ландштурме», в котором прусским партизанам рекомендовалось применять все средства борьбы.

Теоретиком партизанского движения был Гнейзенау, прусский генерал и реорганизатор прусской армии. Гнейзенау даже ездил в Испанию и изучал народные формы борьбы с французами. «...теперешнее прусское правительство,—писал Энгельс,—стыдится этого старого полуреволюционного «Положения о ландштурме»...»³.

Народная война с течением времени уничтожает по частям самую крупную армию. Учитывая развертывание народной войны во Франции, Энгельс писал: «...сдаваться при таких условиях было бы явным предательством. А кто знает, какие случайности могут произойти, какие дальнейшие осложнения могут возникнуть в Европе за это время? Во что бы то ни стало французам следует продолжать борьбу»⁴.

Получив известия о падении Меца, Энгельс тогда же совершенно справедливо расценил этот факт как предательство со стороны Базена. Что такая сила, как армия Базена, которая была равна армии Наполеона под Лейпцигом, могла быть вообще принуждена к сдаче,—факт неслыханный в истории войн, пишет Энгельс. Франко-прусскую войну он называл войной капитуляций.

Энгельс сурово критиковал оборону Парижа, называя ее жалкой. Он указывал, что оборону Парижа надо было вести активно, т. е. переходить в наступление, а между тем командование парижских армий ограничивалось только пассивной защитой. Для того чтобы добиться победы, надо было вооружить парижское население, а вооружить Париж, указывал Маркс в «Гражданской войне»,—значит вооружить революцию. Правительство «национальной обороны», а вместе с ним и генерал-губернатор Парижа Трошию предпочитали сдать Париж врагу, чем допустить победу революции.

Энгельс придавал большое значение движению Бурбаки для освобождения

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 246.

² К. Маркс «Гражданская война во Франции», стр. 32. Госполитиздат. 1940.

³ Ф. Энгельс «Заметки о войне», стр. 147.

⁴ Там же, стр. 174.

Бельфора: оно могло бы прервать коммуникации германских армий. Еще в то время, когда немцы начали обход армии Бурбаки, Энгельс указывал на возможность блокирования его армии. «Бурбаки, повидимому, задерживается в окрестностях Бельфора слишком долго, — писал Энгельс, — и это наводит на мысль, что он совершенно не понимает своего положения»¹.

В следующей статье Энгельс предсказывал неизбежность поражения Бурбаки, неизбежность для него выбора между Мецем или Седаном, если он не перейдет на швейцарскую территорию. Так оно и случилось: Бурбаки вынужден был перейти на швейцарскую территорию и там был интернирован.

Даже после поражения Бурбаки и капитуляции Парижа Энгельс считал возможным продолжение сопротивления Франции при условии энергичного развертывания народной войны.

Энгельс даже дал стратегический план продолжения войны против пруссаков. Он писал, что силы дальнейшего национального сопротивления находятся в Южной Франции, что там есть материальные средства для продолжения войны до победоносного конца. Энгельс отмечал стратегически весьма выгодное положение этой незавоенной части Франции. Он рекомендовал французам всемерно использовать свой сильный флот, при его помощи перебрасывать свои войска на север и на запад, чтобы вынудить немцев разбрасывать свои силы и ослабить их давление на юг.

Но буржуазные республиканцы, стоявшие во главе Франции после революции 4 сентября 1870 года, боялись своего народа больше чем пруссаков. Они не хотели возглавить народную войну против иностранного врага. Они об'единились с прусской армией против революционного движения трудящихся своей страны. С помощью пруссаков буржуазия и помещики Франции потопили в крови героическую Парижскую коммуна.

В «Заметках о войне» блестяще проявилась огромная эрудиция Энгельса в военных вопросах. Он дал ряд ценнейших сведений по военной истории, фортификации, крепостной войне и т. п. Статьи о франко-прусской войне — это вершина военного творчества Энгельса. Он показал, на что способна военная наука пролетариата, вооруженная диалектическим материализмом, какого совершенства научного предвидения она может достигнуть. Энгельс показал, что пролетариат, овладевший такой наукой, будет непобедим.

¹ Ф. Энгельс «Заметки о войне», стр. 214.

В 1878 году в «Анти-Дюринге», в известных главах о теории насилия Дюринга, Энгельс изложил всю философию войны и военного искусства. Эти главы представляют собой итог многолетнего изучения военного дела. Энгельс высмеял утверждение Дюринга, что насилие является определяющим фактором в развитии общества, что история общества — это история войны и государства. На основании многочисленных фактов Энгельс доказал, что определяющей силой является развитие производительных сил общества, а история общества — это история труда, история народа. Война, государство — явления производные.

Апологеты буржуазного общества, представители господствующих классов, стараются доказать, что войны всегда были и всегда будут существовать. Причины их якобы коренятся в биологической природе человека. Война — это проявление закона борьбы за существование. Энгельс вскрыл классовое существо этих взглядов, доказал их лживость, антинаучность. На основе анализа всей истории человечества он доказал, что войны — явление историческое и классовое. Войны возникают с разделением общества на классы, с появлением эксплуатации человека человеком, и исчезнут с ликвидацией эксплуатации классов. Для эксплуататорских классов войны всегда были средством грабежа и эксплуатации трудящихся, продолжением эксплуататорской, грабительской политики насильственными средствами. На основании анализа всей военной истории Энгельс показал изменение характера и целей войны в связи с изменением классовой структуры общества. Каждая историческая эпоха классового общества имела свои законы войны.

Маркс и Энгельс не были против войн вообще и указывали, что войны бывают прогрессивные и реакционные, справедливые и несправедливые. Они поддерживали первые и были против вторых. Это мы видели при анализе отношения Маркса и Энгельса к современным войнам. Отрицая за войнами самоцельное значение, Энгельс указывал, что война играет огромную роль как средство разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Гражданские войны, которые вели передовые классы против классов реакционных, играли величайшую прогрессивную роль. Гражданскую войну пролетариата против буржуазии Маркс называл единственно справедливой войной.

В определении политики пролетариата по отношению к каждой данной войне

Маркс и Энгельс исходили из анализа классового характера этой войны. Они прежде всего учитывали, какие классы ведут войну, за осуществление какой политики они борются насильственными средствами.

Отрицая за насилем главную роль в истории общества, Энгельс писал: «Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия находятся в прямой зависимости от данной степени развития производства и средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев совершало перевороты в этой области, а изобретение лучшего оружия и изменение в составе армий; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось лишь приспособлением способа войны к новому оружию и новым бойцам»¹.

Разбирая историю военного дела, Энгельс установил закономерность развития военного искусства. Ни один буржуазный военный теоретик и полководец не мог обобщить историю развития военного искусства, вскрыть причины его развития, правильно понять его суть. Некоторые из них, как, например, французский военный писатель Жюмани, свели военную науку к изложению «вечных» принципов военного искусства. Через несколько десятилетий эти «вечные» принципы уже становились историческим анахронизмом. Другие буржуазные военные писатели, будучи не в состоянии понять существо военного искусства, в силу ограниченности своего классового мировоззрения и отрицания диалектического материализма свели военную науку к описанию войн. Энгельс доказал, что нет никаких вечных военных истин. Способы войны изменялись с изменением военной техники и состава армии, т. е. с развитием производительных сил и изменением классовой структуры общества. Еще в статье «Армия» Энгельс писал, что тактика рабовладельческих армий обуславливалась их классовым составом и вооружением.

Эти армии наступали сомкнутой массой, выстроенной в несколько шеренг (от 8 до 25), ибо при вооружении армии холодным оружием наибольший эффект достигался концентрацией живой силы.

Наиболее совершенный способ войны при помощи холодного оружия создали римляне, указывал Энгельс. Влияние состава рабовладельческой армии на ее так-

тику выразилось в том, что передовые линии этих армий состояли из более бедных бойцов, вооруженных легким холодным оружием. Более богатые находились в резерве и вступали в бой после того, как передовые ряды измотали противника. Таким образом, вся тяжесть боя падала на более бедные слои населения. Так было, например, в римской армии.

Изобретение пороха и применение огнестрельного оружия, указывал Энгельс, произвели коренной переворот в военном деле. Основным видом вооружения стало не холодное, а огнестрельное оружие. Теперь задача стратегии и тактики свелась главным образом к достижению наибольшего эффекта при помощи огнестрельного оружия. Последнее стало основным видом вооружения в XVIII веке. В это время сложился и новый способ войны. Классическим видом новой тактики явилась линейная тактика Фридриха II. Фридрих II выстраивал свои войска в длинные, вытянутые линии, расположенные тремя параллельными рядами. Линейная тактика прусского короля, отмечал Энгельс, давала возможность развивать полную мощь огня и направить в бой любое количество солдат.

Тактика Фридриха II определялась также и составом его армии. Господствующие классы того времени, стремясь создать оторванную от народа армию, комплектовали ее из наемников и насильно завербованных. Такие солдаты особого энтузиазма в бою, конечно, не проявляли. Построение линиями давало возможность командиру следить за своими солдатами.

Американская и французская революции создали, указывал Энгельс, новые способы войны. Предпосылкой этого явились дальнейшее усовершенствование огнестрельного оружия и изменение состава армий. Французская революционная армия состояла главным образом из крестьян, сбросивших ярмо крепостного права, а американская — из повстанцев, отстаивавших национальную независимость своей страны. Американские повстанцы в борьбе против англичан создали рассыпной строй. Французская революционная армия выработала свою тактику — наступление колоннами, что было обусловлено на первых порах тем, что солдатами французской армии были плохо обученные ополченцы, а также необходимостью применения огромной массы вооруженных людей, выдвинутых революцией.

Новая тактика в соединении с тактикой американских повстанцев была доведена до совершенства Наполеоном. Его основные принципы — наступление ко-

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 6.

лопнами, сосредоточение сил в решающем пункте, быстрота и маневренность. Энгельс указывал, что бессмертная заслуга Наполеона заключается в том, что он нашел правильное стратегическое и тактическое применение колоссальных вооруженных масс. Тактика Наполеона явилась выражением результатов французской буржуазной революции конца XVIII века.

Таким образом, на основании анализа всей военной истории Энгельс доказал, что изменение способов войны обуславливалось, в конечном счете, не свободным творчеством ума «гениальных» полководцев, а материальными причинами, созданными всем предыдущим объективным развитием общества. Вот почему каждая классовая формация характеризуется своими способами войны и в развитии военного искусства наблюдается определенная закономерность.

Энгельс не сбрасывал, конечно, с счетов влияние гениальной личности и новых идей. Мы видели, как охарактеризовал Энгельс роль Наполеона в истории военного искусства. В истории военного дела, как и в истории общества, крупная личность может сыграть большую роль, если ее идеи правильно выражают интересы передового класса и тенденции общественного развития.

Энгельс указывал также, что не только способы войны, но и победы и поражения обуславливаются материальными причинами. Победу одерживает обычно хорошо вооруженная и хорошо обученная армия. Страна, более развитая в экономическом отношении, наиболее сильна и в военном отношении.

Конечно, Энгельс не сводил все к вопросам вооружения и техники. Он придавал также большое значение моральным факторам войны — моральному состоянию, боевому духу войск, — ибо эти факторы при известных условиях могут сыграть решающую роль в ходе боя. Энгельс только подчеркивал главное, основное, первичное, что определяет собой развитие военного дела и ход войны.

В статье «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.» Энгельс писал, что победивший пролетариат создаст свой способ войны, более высокий в сравнении с буржуазным способом, обогащенный всем предыдущим опытом развития военного искусства. Условиями возникновения нового способа войны являются быстрый рост техники и культуры нового общества и создание пролетарской армии. Энгельс писал, что пролетариат не может победить буржуазию посредством чуда — он побе-

дит при помощи лучшей армии. Основные черты буржуазных армий — массовость и подвижность — должны быть подняты в пролетарской армии на высшую ступень. Воинам пролетарской армии Энгельс завещал быть «сильнее, ловчее и интеллигентнее»¹.

В годы гражданской войны, в боях с японскими самураями, с польскими папашами, с финской белогвардейщиной Красная Армия дала образцы нового, пролетарского способа ведения войны.

Великие продолжатели дела Маркса и Энгельса — Ленин и Сталин — подняли марксистское учение о войне и военном искусстве на высшую ступень. Открыв закон неравномерного развития капитализма, Ленин доказал особую неизбежность войн в эпоху империализма и разработал вопрос о типах войн этого времени. Войны империалистических государств — это реакционные войны. Никакой прогрессивной роли они не играют, так как буржуазия сама стала реакционным, умирающим классом.

Товарищ Сталин развил ленинское учение о противоречиях империализма, об империалистической войне.

Товарищ Сталин отстаивал и развил ленинскую теорию о государстве и о пролетарской армии в период победы социализма в одной стране, разработал вопрос о стратегии и тактике пролетарской армии, об условиях ее победы. Товарищ Сталин является гениальным пролетарским полководцем. Все основные победы гражданской войны связаны с именем товарища Сталина.

* * *

Энгельс — гениальный основоположник научного коммунизма — своим проникновенным взором видел неизбежность будущей мировой войны и связанного с ней революционного кризиса. В «Анти-Дюринге» Энгельс указывал, что милитаризм несет в себе зародыш своего собственного уничтожения, разобьется о диалектику своего собственного развития. Свыше пятидесяти лет тому назад, в 1887 году, Энгельс в предисловии к брошюре Сигизмунда Беркгейма предсказал первую мировую войну и даже описал ее ход в основных чертах. Он предвидел неизбежность революции в связи с будущей мировой войной.

Характеризуя эту будущую войну, он писал: «...это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. VIII, стр. 163.

солдат будут душить друг друга и об'едать при этом всю Европу до такой степени до-чиста, как никогда еще не об'едали тучи саранчи. Опустошение, причиненное тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четыре-х лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончится всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, госнода короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И, если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий

воинский танец, — мы не заплачем (uns kann es recht sein). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж-таки (doch) неизбежна.

Приводя эти слова Энгельса, Ленин писал: «Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа!»¹.

Гениальное пророчество Энгельса уже подтвердилось двадцать шесть лет тому назад, подтверждается оно и в наши дни. Государственные мужи буржуазии вновь открыли свой «последний великий воинский танец», как писал Энгельс. Вслед за великим основоположником научного коммунизма мы можем сказать: абсолютно невозможно предусмотреть, «как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».

¹ Ленин. Т. XXIII, стр. 105—106.

М. И. Калинин в петербургском подполье

1

Михаил Иванович Калинин вступил на путь революционной борьбы почти сорок пять лет назад — в 90-х годах прошлого столетия.

В России в этот период с необычайной силой поднималось массовое стачечное движение. Российский рабочий класс уже начинал строить свою политическую организацию и под руководством Ленина уже заложил первые основы своей боевой революционной марксистской партии.

М. И. Калинин в ту пору было девятнадцать лет. Он только что, в апреле 1896 года, поступил на крупнейший в России Путиловский завод и с первых дней работы начал искать связи с революционными подпольными организациями. Он был уже знаком с нелегальной литературой, более двух лет проработал на петербургском заводе «Старый арсенал», увидел достаточно мерзостей царизма и издевательств капиталистов и твердо избрал путь революционной борьбы с ними.

Обстановка 90-х годов, особенно на Путиловском заводе, чрезвычайно благоприятствовала революционным устремлениям Калинина. В то время в Петербурге произошла небывало крупная и упорная стачка рабочих ткацких и прядильных фабрик. Нарвская застава была одним из главных центров стачки, которую Ленин назвал знаменитой петербургской промышленной войной 1896 года¹. Калинин жил вблизи завода, в деревне Вольнкиной, густо населенной рабочими окрестных текстильных фабрик. Здесь в дни забастовки, продолжавшейся более двух недель, он наблюдал, как развертывалась борьба, слышал о тайных собраниях рабочих, об арестах, чинимых полицией, наблюдал за упорством текстильщиков, впервые в России поднявших на стачку огромную массу в тридцать тысяч человек.

Все это укрепляло в юном рабочем стремление связаться с революционным подпольем. Но в условиях глубокой конспирации, в каких работали кружки петербургского «Союза борьбы за освобождение ра-

бочего класса», найти пути к подполью ему долго не удавалось. Последовавшие за стачкой текстильщиков массовые аресты и высылки среди путиловских рабочих еще более затруднили поиски Калинина. Только в начале 1898 года ему удалось, наконец, встретить приезжего из Тулы рабочего, который имел явки к петербургскому «Союзу борьбы», но не обладал связями в среде рабочих-путиловцев. Калинин же, наоборот, не имел путей к подпольному центру, зато за время работы на заводе приобрел широкие знакомства среди передовых рабочих.

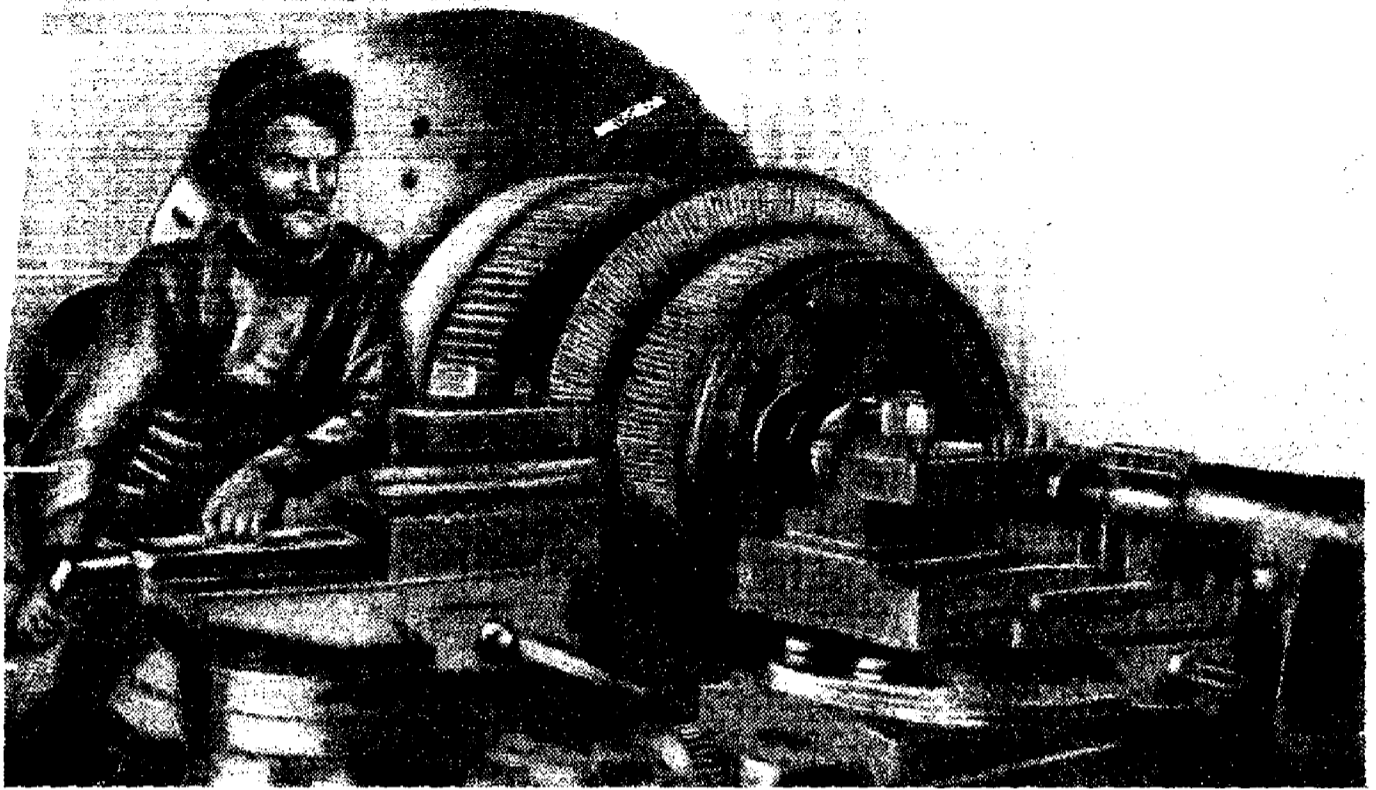
В результате энергичной деятельности Калинина весной 1898 года на Путиловском заводе создался новый кружок «Союза борьбы». Членами его в большинстве были молодые квалифицированные рабочие. В начале число участников кружка было невелико: Калинин долго и основательно прощупывал каждого, кого намерен был вовлечь в кружок. Эта тщательность подбора создала кружку прочную основу для плодотворной работы в массах.

Михаил Иванович Калинин занял в кружке руководящее место. Даже охранка, которая позднее выследила деятельность кружка, отметила Калинина как организатора и вдохновителя кружка и в своих донесениях именовала путиловский кружок «кружком Калинина».

Калинин обладал знаниями большими чем его товарищи. Еще в детстве он много читал и, когда работал на заводе, отдавал чтению почти весь свой досуг. Он хорошо знал художественную литературу, интересовался науками, следил за газетами. Марксизм, которому он впервые учился в кружке, сразу ярким светом осветил весь его достаточно богатый жизненный опыт, связал воедино разрозненные сведения и впечатления, почерпнутые им из книг и наблюдений над жизнью. Михаил Иванович привил кружку интерес к аграрному вопросу, и часто на кружке загорались споры о судьбах российского крестьянства.

Первым крупным выступлением нового рабочего кружка была подготовка маввки 1898 года. Петербургский «Союз борьбы» ко дню 1 Мая выпустил две прокламации. В одной говорилось только об экономиче-

¹ См. Ленин. Т. IV, стр. 383.

Михаил Иванович Калинин в 1901 году. Ревель.

ской борьбе рабочих; в другой выдвигались также политические требования: созыв парламента на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, восьмичасовой рабочий день, политические свободы. Заканчивалась вторая листовка призывом к свержению самодержавия.

Обе прокламации попали для распространения в группу Михаила Ивановича и предварительно подверглись обсуждению. Общим мнением было, что вторая, делающая упор на задачах политической борьбы рабочего класса, нужней и полезней первой. И Калинин и его товарищи превратно понимали, что нельзя ограничивать борьбу рабочего класса борьбой экономической. Политическая борьба, политические лозунги являются обязательными для настоящего революционера, если он не хочет крохоборничать, а намерен быть настоящим борцом за рабочее дело.

Почти без всякого руководства со стороны кружок Калинина взял правильную ориентацию, выступив против «экономистской» ограниченности.

Но наряду с этим Калинин и его товарищи упорно и настойчиво боролись против хозяйских притеснений и сокращения заработной платы. По инициативе Калинина члены кружка открыто выступили против насильственных вычетов из заработка рабочих, затеянных путиловскими хозяевами для постройки заводской церкви. Калинин наотрез отказался согласиться на вычеты. Ему грозило увольнение. Но администра-

ция, нуждавшаяся в опытных токарях, не уволила его, решив расквитаться с Калининым в другое, более удобное для нее время. На личной карточке М. И. Калинина была сделана надпись: «На храм жертвовать не желает».

Постепенно расширяя рамки своей агитационной работы, группа Калинина стала во главе борьбы путиловцев. Все более или менее значительные выступления рабочих, происшедшие в 1898 году, были или организованы или возглавлены группой Калинина. Осенью этого года Калинин и его товарищи по кружку подняли путиловцев на борьбу против увеличения штрафов, объявленного заводоуправлением. В течение нескольких дней они организовали рабочих и подготовили стачку. Несмотря на обещания и угрозы начальства рабочие (более полуготы тысячи человек) собрались на заводском дворе и категорически заявили, что если немедленно не будет отменено постановление об увеличении штрафов, они остановят работы по всему заводу. Администрация испугалась и поспешила отменить прежнее распоряжение. Победа рабочих была полной. Влияние группы Калинина сильно возросло.

Стремясь к более широкой работе кружка, М. И. Калинин завязал связи с рабочими других заводов Нарвской и Московской застав. В короткое время членами группы были организованы кружки на фабрике Гесзак, на «Резиновой мануфактуре» (фабрика «Треугольник»), на фабрике Ке-

нига, на заводе Речкина и на фабрике «Скороход». Кружок стал именоваться центральной группой, фактически превратившись в центр двух крупных промышленных районов Петербурга.

Члены центральной путиловской группы знали о состоявшемся в 1898 году в Минске I съезде РСДРП, провозгласившем создание Российской социал-демократической рабочей партии. Сведения о съезде были отрывочны и недостаточны. Однако самый факт созыва съезда ободрял и вливал новые силы в низовых работников революционного подполья. Казалось, что осуществлялась мечта передовых рабочих: партия, которую они начали строить из маленьких ячеек, провозглашена; усилия и жертвы, потраченные на это, не пропали даром.

Михаил Иванович Калинин рассматривал путиловскую группу как районный центр всех кружков заставы и каждый кружок — как ячейку создающейся политической партии рабочего класса. Он связывался с рабочими других районов: Васильевского острова, Выборгской стороны, железнодорожниками. В организации и объединении всех сил революционеров он видел настоящую задачу дня.

На этом пути группа Калинина открыто столкнулась с «экономистами» — первой соглашательской, оппортунистической группой в рабочем движении. В ту пору «экономисты» захватывали в Петербурге руководство кружками, районными организациями и общегородским центром, внося в марксистские организации разброд и шатания. «Экономисты» отрывали экономическую борьбу от борьбы политической, пытаясь свести рабочее движение с революционного на буржуазно-реформистский путь.

Ленин, как только получил в ссылке первые сведения об «экономистах», резко выступил против них, разоблачая их буржуазную сущность. «Ленин считал подобную проповедь «экономистов» отступничеством от марксизма, отрицанием необходимости самостоятельной политической партии для рабочего класса, попыткой — превратить рабочий класс в политический придаток буржуазии»¹.

В декабре 1898 года М. И. Калинин на одной из сходок рабочих резко выступил против «экономиста» М. Миссуны, руководившего одним из рабочих кружков. Горячо и убедительно Калинин стал рассказывать рабочим о стачках, об экономической борьбе, о задачах и целях этой борьбы. Он объяснял рабочим, что стачка за копейку, за кипяток — только начало настоящей борьбы. У рабочего класса есть большие требования и большие задачи — добиться

свободы, добиться уничтожения эксплуатации человека человеком. А этого он может достигнуть лишь в результате политической борьбы.

Столкновение Калинина с «экономистом» Миссуной было первым открытым выступлением путиловской центральной группы против «экономизма» и «экономистов», пробравшихся в то время, когда Ленин был в ссылке, к руководству «Союзом борьбы».

Огромное значение работы Калинина и его группы состояло в том, что они, исходя из ленинских позиций, первыми в районе Парвской заставы и едва ли не первыми среди рабочих кружков Петербурга подняли знамя борьбы против оппортунистической группы «экономистов».

В течение многих месяцев Калинин и его группа вели жесткие битвы с крайними «экономистами», с «полуэкономистскими» группами, с народническими агитаторами, появившимися за Парвской заставой, и сумели отстоять свой район — не допустить оппортунистов овладеть рабочими кружками заставы.

Борясь против «экономистов», группа Калинина вместе с тем не ослабляла работы среди рабочих масс. Михаил Иванович стремился к тому, чтобы ни один малозначительный конфликт рабочих с администрацией не остался без участия членов группы. Калинин и его товарищи организовали стачку на заводе Речкина и добились победы. На Путиловском заводе они долго и упорно готовили большую, общезаводскую стачку, намереваясь поднять и объединить вокруг нее весь двенадцатитысячный коллектив путиловцев.

Весь июнь 1899 года шла кропотливая подготовка стачки. Калинин развил необычайную энергию: он устранял сходки рабочих на разных конспиративных квартирах, в том числе и на своей, распределял литературу, листовки, давал указания, как и вокруг каких вопросов агитировать, участвовал в составлении прокламации. Прокламация эта заканчивалась боевым напутствием рабочим: «Помните, что мы сила, которую признает и которой боится правительство. Терять нам нечего, а завоевать мы можем весь мир».

Царская охранка, обеспокоенная появившимся на Путиловском заводе брожением, грозившим вот-вот вылиться в граничную стачку, поспешила «ликвидировать» группу Калинина. В ночь на 4 июля 1899 года М. И. Калинин и большинство участников центральной путиловской группы были арестованы и посажены в Петербургский дом предварительного заключения.

При обыске у Калинина не было обнаружено «ничего явно преступного». Но охранка уже хорошо знала истинную роль Михаила Ивановича Калинина в револю-

¹ «История ВКП(б)», стр. 24.

изучения марксизма. Старый большевик С. Малышев, сидевший в одной тюрьме с Михаилом Ивановичем, вспоминает об условиях, в которых политические заключенные обсуждали художественную литературу и вели длительные дискуссии по политическим вопросам. «Помню, — пишет С. Малышев, — мы с М. И. Калининым и с другими (всего человек 5—8) устроили кружок и через окна обсуждали книжку «Что делать?» А на другой день т. М. И. Калинин сделал доклад о творчестве Горького»¹.

После освобождения из «Крестов», новой высылки в Ревель, а затем нового ареста — в феврале 1904 года — М. И. Калинин этапным порядком был выслан на три года в гор. Певенец, Олонецкой губернии. Опущенный на родину для полевых работ на месяц, он в конце января (или в начале февраля) 1905 года нелегально остановился в Петербурге. При первой же встрече с петербургскими социал-демократами Калинин, только здесь узнавший о сущности раскола, происшедшего на II съезде РСДРП, сразу и твердо определился как большевик. Он пробыл в Петербурге две недели и, чтобы снова не попасть под арест, вынужден был уехать на родину, в Тверскую губернию.

В Петербург Калинин вернулся нелегально в сентябре 1905 года, в самый разгар революции, накануне всеобщей октябрьской забастовки. Михаил Иванович сразу с головой окунулся в боевую работу петербургских большевиков, подымавших массы на решительный бой с царизмом. Калинин выступал на сходках и митингах, громил врагов рабочего класса — кадетов, — разоблачал предательство меньшевиков, участвовал в партийных собраниях. 1 ноября 1905 года он снова поступил токарем на Путиловский завод, где шесть лет назад вел неутомимую революционную пропаганду.

За Нарвской заставой М. И. Калинина хорошо помнили. Встретили его радостно и тотчас же ввели в курс дел районной партийной организации. Михаил Иванович сразу выделился своими знаниями, революционным опытом и вдумчивым подходом к решению острых вопросов. Его избрали членом Нарвского районного комитета РСДРП и ввели в боевой штаб района, в задачу которого входило практически готовить массы к вооруженному восстанию, создавать и руководить большевистскими боевыми дружинами.

М. И. Калинин был одним из организаторов партийного клуба района, ставшего

легальной ячейкой для большевиков. Он выступал в клубе с докладами, вел партийные кружки, встречался с рабочими других заводов. Беседы с Калининым много давали рабочим. Он говорил предельно просто, доходчиво, очень популярно разъяснял самые сложные вопросы и поражал многих глубоким знанием и пониманием марксистской теории, умением разбираться во всех областях жизни.

В декабре 1905 года М. И. Калинин был избран путиловцами в Петербургский совет рабочих депутатов (2-го созыва).

Все свое время Михаил Иванович отдавал делу подготовки сил для вооруженного восстания. Он стоял во главе группы большевиков, которая в дни декабрьского восстания в Москве пыталась взорвать один из мостов Николаевской железной дороги, чтобы не дать царским войскам попасть из Петербурга в Москву.

Но Калинин недолго пришлось поработать на Путиловском заводе: 21 декабря 1905 года он при закрытии завода за забастовку был уволен одним из первых как ее организатор. За ним была установлена усиленная слежка. Скрываясь от полиции, тов. Калинин временно выехал на родину, в деревню. В Петербург он вернулся 6 февраля 1906 года. Дорога на Путиловский завод ему была закрыта, и он поступил на Трубочный завод.

На новом заводе Михаил Иванович быстро завоевал авторитет энергичного руководителя масс. Он участвовал в восстановлении разгромленной полицией большевистской организации, стал членом Василеостровского районного комитета партии, а затем и членом Петербургского комитета РСДРП.

В апреле 1906 года М. И. Калинин был избран петербургскими большевиками на IV, объединительный съезд. Михаил Иванович на съезде занимал твердую большевистскую позицию, во всем поддерживая Ленина. Съезд явился для М. И. Калинина прекрасной школой ленинской борьбы с оппортунистами-меньшевиками.

Вернувшись со съезда в Петербург, Михаил Иванович с новой энергией взялся за партийную работу. Он деятельно проводил большевистскую линию в петербургском союзе металлистов и был избран секретарем василеостровского бюро: по его инициативе были созданы районные бюро союза металлистов в Петербурге. Весь 1906 и почти весь 1907 годы М. И. Калинин работал преимущественно в союзе металлистов, проводя упорную борьбу с меньшевиками, пытавшимися оторвать союз от партии и работу союза от политических задач рабочего класса. Борьба эта была ожесточенной и длительной. Михаил Ива-

¹ Сергей Малышев «Встречи с Левинским», стр. 9. Партиздат. М. 1933.

нович боролся за каждого члена союза, стремясь превратить профессиональный союз в боевую организацию рабочего класса.

Вместе с тем товарищ Калинин участвовал в повседневной борьбе рабочих своего завода. При выборах во II государственную думу на Трубочном заводе, как и на других предприятиях Петербурга, между большевиками и эсерами шла острая избирательная борьба. Нужно было умело разоблачать эсеров, которые, воспользовавшись открытым предательством меньшевиков, пошедших на соглашение с кадетами, демагогически пытались выставить себя защитниками пролетариата. Михаил Иванович резко и умело разоблачал демагогию эсеров. «Борьба была невероятная. Полное столпотворение», — вспоминал впоследствии М. И. Калинин о днях избирательной кампании. И в этой борьбе Михаил Иванович показал себя стойким, хорошо обученным бойцом большевистской партии — партии, которая сумела, с одной стороны, парализовать предательство меньшевиков, с другой — разоблачить эсеров.

С наступлением реакции работа в подполье стала чрезвычайно трудной. Приходилось применять все искусство конспирации, чтобы не попасть в лапы к жандармам. Но Михаил Иванович не оставлял подпольной работы. Наряду с этим он не прекращал также борьбы с администрацией, отстаивая интересы рабочих. В ноябре 1907 года М. И. Калинин во главе делегации рабочих явился к начальнику завода полковнику Данилову с требованием восстановить на работе неправильно уволенного рабочего. За это М. И. Калинин тотчас же был сам уволен с завода. Через некоторое время Михаил Иванович устроился на оптический завод Рейхеля, но и здесь проработал недолго. 1 мая 1908 года он демонстративно не вышел на работу и был на следующий день уволен.

В Петербурге найти работу Михаилу Ивановичу было очень трудно, за ним шла усиленная слежка, несколько раз у него производили обыски, и каждый день он мог быть посажен в тюрьму.

Чтобы избавиться от ареста и устроиться на работу, Михаил Иванович весной 1908 года перебрался в Москву.

3

Московский период революционной деятельности Михаила Ивановича Калинина представляет собой новый этап в его политической биографии. Это были годы самой свирепой полицейской реакции. Царские жандармы и полицейские, провокаторы и черносотенные громилы, фабриканты и заводчики единым фронтом наступали на

рабочий класс. От былых свобод, завоеванных в 1905 году, не осталось и следа. Особым репрессиям подвергались большевики. Работать в партийных организациях стало во стократ труднее чем в предыдущие годы — годы размаха революции. Резко уменьшилось количество членов партии. Боясь преследования царского правительства, многие мелкобуржуазные попутчики покидали ряды большевиков.

«1908—1912 годы были труднейшим периодом для революционной работы. После поражения революции, в условиях упадка революционного движения и усталости массе большевики изменили свою тактику и перешли от прямой борьбы против царизма к обходным путям этой борьбы. В тяжелых условиях столыпинской реакции большевики использовали малейшие легальные возможности для сохранения связи с массами (от страховых касс и профсоюзов до думской трибуны). Большевики неустанно собирали силы для нового подъема революционного движения»¹.

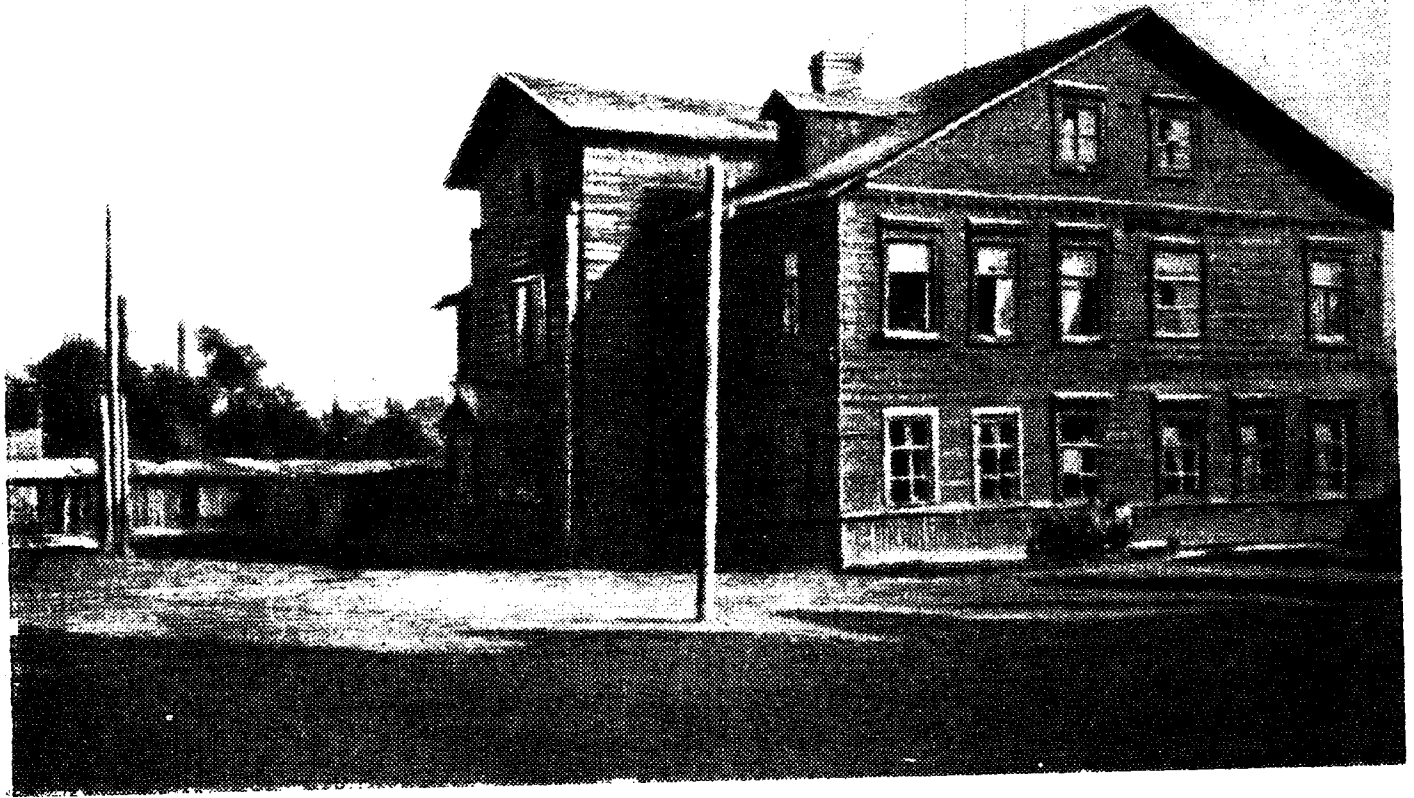
Деятельность Михаила Ивановича в эти годы является образцом деятельности пролетарского революционера-большевика, который в труднейших условиях реакции ни на минуту не покидал своего революционного поста.

Около двух лет (1909—1910 годы) работал тов. Калинин в Москве в качестве дежурного монтера на Лубянской трамвайной электростанции, а затем дежурным монтером на Миусской электростанции. На Миусской станции была в эти годы довольно крепкая партийная организация, «гнездо революционеров», как называли эту станцию инженеры. Михаил Иванович вел большую партийную работу. Он принимал активное участие в работе большевистской фракции профессионального союза рабочих и служащих московских городских предприятий, часто присутствовал на заседаниях правления союза. Его слово имело решающее значение при обсуждении принципиальных вопросов профессионального движения борьбы рабочего класса.

По инициативе Михаила Ивановича в середине 1910 года был образован в Москве клуб «Для небогатых слоев населения». Организация этого клуба была одной из форм легальной работы в массах.

Тов. Калинин, как подобает подлинному большевику, выполнял любую, на первый взгляд и «мелкую» работу. Будучи дежурным монтером станции, он хранил здесь нелегальную литературу, части подпольной типографии и т. д. Когда нужно было, Михаил Иванович сам распространял неле-

¹ «История ВКП(б)», стр. 133.

Дом, где в 1905 году на квартире у Михаила Ивановича Калинина собиралась путиловская боевая дружина. Петербург, Петергофское шоссе.

гальную литературу, расклеивал листовки, подбрасывал их в Миусском парке и на предприятиях. С одинаковым революционным жаром Михаил Иванович выполнял любое поручение партии.

23 сентября 1910 года московская охранка, арестовав М. И. Калинина, прервала его революционную деятельность в Москве.

В донесении охранки сообщалось:

«В 1910 г. Калинин служил в Москве на электрической трамвайной подстанции на Лубянской площади механиком, жил он в Замоскворечье, снимая проходную комнату в семье сапожника. В 1910 г. за учреждение им клуба в Москве под названием «Для небогатых слоев населения», каковой не был зарегистрирован, привлекался при Московском охранном отделении к переписке в порядке положения о государственной охране и по постановлению Московского градоначальника и губернатора был арестован 23 сентября 1910 г. при Сушевском полицейском доме и ему затем на основании пункта 4 статьи 16 положения об усиленной охране воспрещено жить в городе Москве и Московской губернии на все время действия названного положения. До этого времени Калинин проживал в Москве в течение двух лет»¹.

В Сушевском полицейском доме тов. Калинин просидел до ноября. 5 ноября Михаилу Ивановичу было запрещено жи-

тельство в Москве «на все время действия положения об усиленной охране». 8 ноября тов. Калинин был освобожден с обязательством в трехдневный срок выехать на родину. 16 ноября 1910 года Михаил Иванович покинул Москву.

4

Жизнь тов. Калинина в деревне была трудной и тяжелой. Хозяйство было бедное: маленькая избушка в одну комнату с перегородкой, одна корова и лошадь и небольшой надел земли. В большой своей семье Михаил Иванович являлся единственным работником-мужчиной.

Мария Тимофеевна Иванова — старый товарищ Калинина по революционной работе, — приезжавшая к нему в эти годы, вспоминает об условиях, в которых жил Михаил Иванович в деревне:

«После короткой летней ночи наступил тяжелый рабочий день. На работу вставали в 3—4 часа утра. Шли в поле. Рабочий день — 15—16 часов. Я видела, как Михаил Иванович косил. Худенький, измученный работой на заводе, тюрьмой, он шел наравне с остальными. Я видела, что ему трудно, но он не отставал от других. Так шла в деревне жизнь Михаила Ивановича — полная труда и материальных лишений. Но эта нужда не сломила его энергии»².

¹ Рукописный отдел Ленинградского института истории ВКП(б).

² Рукописный отдел Ленинградского института истории ВКП(б).

И в деревне тов. Калинин проводил революционную работу среди крестьянства. Крестьяне родной деревни и ближайших сел знали, что их земляк борется за дело рабочих и крестьян, что он неоднократно отбывал тюремное заключение и ссылку за то, что защищал интересы трудящихся. Когда Михаил Иванович приезжал в деревню, его избушка бывала битком набита пришедшими односельчанами. Они рассказывали ему про свои нужды и горести, расспрашивали его о жизни на фабриках и заводах. Крестьяне очень любили слушать Михаила Ивановича. Соберутся, сядут на завалинку, закурят махорку, и началась беседа о нуждах народа, о путях избавления от горя и нищеты.

Крестьяне слушали Михаила Ивановича, и в их сознании все больше и больше укреплялась уверенность в том, что только борьбой против всего строя дна и насилия, только с помощью рабочего класса трудящееся крестьянство добьется лучшей доли.

Царская жандармерия, неотступно следившая за тов. Калининным, принимала все меры к тому, чтобы воспрепятствовать его революционной пропаганде среди крестьян. Его неоднократно вызывали на допросы, к нему в деревню присылали полицейских, которые производили тщательные обыски, и т. д.

В деревне Михаил Иванович прожил с небольшими перерывами до конца 1913 года. В течение 1911—1913 годов тов. Калинин неоднократно пытался уехать из деревни, но лишь с конца 1913 года ему удалось вернуться на довольно продолжительное время в Петербург.

Каждое возвращение на свою родную Выборгскую сторону, в среду питерских рабочих, бывало праздником для Калининна, которого не сломали ни невзгоды страшных лет реакции, ни тюрьмы, ни высылки.

С огромной любовью вспоминает Михаил Иванович о своих приездах в эти годы в Питер:

«Как сейчас помню: приедешь из провинции на Николаевский вокзал, денег, по обыкновению, ни гроша, выходишь на Знаменскую площадь, плет липкий, мокрый снег. Скупой питерский свет скрывает копец проспекта 25 Октября. Вдыхаешь чистой пруждью воздух столицы. Ах, как хорошо! Если есть деньги, на трамвай сядешь, а нет — быстрее трамвая ай-та на Васильевский. Выборгскую или на Нарвскую заставу, к выходу рабочих из заводов. Там встреча с товарищами, выходящими с работ. Борят обедом. Устраивают с квартирой. Пускаются в ход все пружины на поступление в завод на работу.

Вечером тесная компания — идет об-

суждение заграничных новинок, новые тезисы Ленина, дающие богатый материал в полемике против меньшевиков. На заводах уже идет перепалка...»¹.

Михаил Иванович вернулся в Петербург, когда в рабочем движении России начался новый этап революционного подъема.

Тов. Калинин становится в эти годы одним из крупнейших деятелей большевистской партии. На Пражской конференции РСДРП, оформившей большевиков в самостоятельную марксистскую партию, Михаил Иванович избирается кандидатом в члены Центрального Комитета большевиков, а на Царском совещании ЦК РСДРП(б) с партийными работниками — избирается в члены Центрального Комитета партии. Одновременно Михаил Иванович избирается в члены Петербургского комитета большевиков. По поручению Центрального Комитета партии тов. Калинин под непосредственным руководством товарища Сталина принимает активное участие в руководстве избирательной кампанией в IV государственную думу, оказывает помощь думской большевистской фракции, работает в профессиональном союзе металлистов, руководит страховым движением, возглавляет партийную организацию на заводе «Айваз», на котором он работал в эти годы.

«Я не помню времени, — пишет в своих воспоминаниях М. Иванова, — когда бы Калинин не работал в большевистской организации. На какой бы завод ни приходил Михаил Иванович, он сейчас же знакомился с положением на заводе: ведется ли там партийная работа и как ведется. Когда нужно было проводить предвыборные кампании (в страховую или в Думу), он сейчас же ехал во все районы на большие заводы. У него везде были свои друзья — члены партии. Он говорил:

— Ребята, довольно лодырничать. Надо провести кампанию, не отставать от других районов.

Никто из товарищей не мог сказать ему «не могу» или «некогда», так велик был его авторитет. Дружно брался за работу, и кампания проходила блестяще»².

Самое деятельное участие принимал тов. Калинин в работе большевистской газеты «Правда». Михаил Иванович был связан с «Правдой» через тов. Молотова, который являлся секретарем и членом редакции «Правды». Как член Петербургского комитета большевиков и член ЦК РСДРП, тов. Калинин принимал непо-

¹ «Петроградская правда» № 251 от 5 ноября 1922 года.

² Рукописный отдел Ленинградского института истории ВКП(б).

Михаил Иванович Калинин в 1912 году.

средствешнее участие в руководстве газетой.

Михаила Ивановича можно было часто встретить в редакции «Правды». С ним советовались работники газеты, к нему обращались по тем или иным вопросам партийной работы приходившие в редакцию «Правды» партийные работники.

Михаил Иванович, являясь активным работником союза металлистов, связывал «Правду» с широкими профсоюзными массами.

На заводе «Айваз», где работал в эти годы Михаил Иванович, благодаря его энергичной деятельности «Правда» имела до пятисот подписчиков. Среди двух тысяч рабочих завода каждый четвертый являлся подписчиком большевистской газеты. Это свидетельствует об огромной работе, проделанной большевиками «Айваза» под руководством Михаила Ивановича Калинина.

Тов. Калинин в своих воспоминаниях пишет:

«Я тогда работал на заводе «Айваз» и хорошо помню, какое изменение внес выход «Правды» в нашу внутрипартийную жизнь. Заводская организация сразу же получила огромную нагрузку практической

революционной работы. Часть партийцев занялась доставкой газеты. Это очень трудная работа. Как правило, с часу ночи надо было быть в типографии и прямо с машины нести газету на завод. Цензура часто конфисковала номера газеты, и наши товарищи должны были захватывать первые оттиски. Это делалось так: первый отпечатанный лист шел в цензуру, машина же продолжала печатать, не дожидаясь разрешения, а пришедшие за газетой люди забирали и уносили ее к себе. Когда приходил приказ о конфискации номера, часть тиража газеты уже была на квартирах у разносчиков. Утром, бывало, читалось сообщение о конфискации номера и одновременно видишь его в руках рабочих. И для наших товарищей было делом чести доставить на завод именно конфискованный номер»¹.

Михаил Иванович организовал на «Айвазе» группу рабочих-большевиков, занимавшихся распространением «Правды». В каждом цехе был уполномоченный по подписке на газету. Когда кипы газеты после всех ночных вытаргетов к утру попадали на завод, специально выделенные товарищем Калининым члены партии распространяли их по цехам, а там уже среди подписчиков. Вся эту работу надо было, разумеется, проводить полуполегално. И здесь, как и в других отраслях партийной работы, исключительное значение приобретали организаторский талант и большой опыт конспиративной работы Михаила Ивановича Калинина, опыт профессионала-революционера.

«Правда» подвергалась жесточайшим репрессиям: аресту, конфискации, штрафам. Нужны были деньги, чтобы уплатить очередной штраф, нужно было организовать кампанию протеста против очередного закрытия «Правды» — и большевистская «Правда» вновь и вновь обращалась к рабочему классу. В центре всей этой работы стоял Михаил Иванович Калинин.

В своих воспоминаниях тов. Калинин рассказывает:

«Сейчас на память трудно воспроизвести полную картину организации доставки и распространения «Правды» на заводе. Одно можно сказать: она потребовала от заводской партийной ячейки значительных усилий и втянула в работу много не только партийных, но и беспартийных рабочих, особенно молодежь. Молодых рабочих привлекала сама работа,

¹ М. Калинин «Делуше Ленина — Сталина». «Правда» от 5 мая 1937 года.

связанная с риском, а главное — сознание практического участия в борьбе с царским строем. Работа вокруг «Правды» увеличивала партийные кадры, поднимала их специализацию, развивала организаторские способности, практичность, ловкость в борьбе, находчивость в трудных обстоятельствах (например, вынести газеты из типографии, когда туда уже пришел наряд полиции)»¹.

Вокруг «Правды» велась ожесточенная борьба между большевиками и ликвидаторами. Почти по каждому номеру «Правды» происходили жгучие споры среди рабочих. Всем этим делом руководил на «Айвазе» Михаил Иванович Калинин.

«Важнейшим делом, — вспоминает Михаил Иванович, — являлась агитация за газету. На заводе тогда шла ожесточенная борьба между большевиками, ликвидаторами и эсерами за влияние на рабочую массу. И, конечно, содержание газеты, ее политические установки на заводе постоянно подвергались обсуждению. «Правда» вела беспощадную борьбу с оппортунизмом и, разумеется, свои наиболее острые стрелы направляла против меньшевиков, эсеров, проклетских организаторов «августовского блока».

Большевики всемерно защищали, доказывали правильность правлестских установок, черпая аргументы из самой же «Правды», громили местных оппортунистов.

Политическое влияние «Правды» на рабочих было огромно, и оно росло с каждым ее новым номером. «Правда» была по-настоящему рабочей газетой. Рабочей и по своему направлению, и по своему кругу читателей, и по своему содержанию»².

Тов. Калинин оказывал большую помощь большевистской фракции IV государственной думы в ее деятельности. Помощь Михаила Ивановича как опытного профессионала-революционера была особенно существенна после ареста в феврале 1913 года И. В. Сталина и Я. М. Свердлова. Тов. Калинин часто бывал в думской фракции и много раз выступал на ее заседаниях, особенно осенью 1913 года, когда чрезвычайно обострилась борьба внутри фракции между большевистской «истеркой» и меньшевистской «семеркой». Когда вопросы борьбы внутри фракции были перенесены на обсуждение широких пролетарских масс, Михаил Иванович руководил развертыванием этой борьбы среди петербургских рабочих.

Рабочие депутаты — большевики — внима-

тельно прислушивались к голосу Михаила Ивановича, к голосу одного из лучших сынов партии Ленина — Сталина.

5

Исключительно велика была роль Михаила Ивановича в завоевании легальных организаций рабочего класса — одной из основных политических задач большевистской партии в эти годы.

Товарищ Калинин принимал самое активное участие в завоевании союза металлистов в Петербурге. По поручению Петербургского комитета большевиков Михаил Иванович осуществлял большевистское руководство правлением союза металлистов.

Когда в Петербурге развернулась страховая кампания, тов. Калинин занимал в Петербургской большевистской организации одно из ведущих мест по руководству кампанией. Михаил Иванович неоднократно выступал на рабочих собраниях с разъяснением большевистской линии в вопросе о страховании, он помогал разработать уставы больничных касс и т. д. Особая роль принадлежит Михаилу Ивановичу в завоевании Сампсониевского общества образования на Выборгской стороне.

С исключительной любовью и вниманием относился Михаил Иванович к молодым партийным кадрам. Вовлекая рабочего или работницу в ряды партии, он лично занимался их политическим просвещением, на конкретных примерах обучал их, как надо бороться против буржуазии и ее агентов в рабочем движении — ликвидаторов. Давая поручение члену партии, Михаил Иванович подробнейшим образом разъяснял ему, как эту работу выполнять.

Борьба за большевистскую партийность стояла в центре всей работы Михаила Ивановича Калинина. Старый питерский рабочий тов. Иванов, работавший вместе с тов. Калининым, в своих воспоминаниях пишет:

«Работая вместе с Михаилом Ивановичем с 1913 по 1916 год, я не знал ни одного случая, когда бы при решении какого-нибудь политического вопроса в рабочей среде он не играл первой скрипки. Он умел разобраться в обстановке, проанализировать положение и сделать выводы, всегда принципиально выдержанные. Он всегда вел непримиримую, решительную борьбу против меньшевиков»³.

В периоды массовых выступлений питерского пролетариата Михаил Иванович всегда являлся вожаком рабочих своего завода, своей Выборгской стороны.

В марте 1914 года, в связи с массо-

¹ М. Калинин «Детище Ленина — Сталина». «Правда» от 5 мая 1937 года.

² Там же.

³ Рукописный отдел Ленинградского института истории ВКП(б).

выми отравлениями работниц на «Трехугольнике», по призыву Петербургского комитета большевиков выступил с протестом весь петербургский пролетариат. Михаил Иванович Калинин поднял рабочих своего завода.

3 июля 1914 года царская полиция расстреляла митинг рабочих Путиловского завода, собравшихся, чтобы выразить свою солидарность бастующим бакинским рабочим. Весь пролетариат Петербурга поднялся в знак протеста против зверского произвола самодержавия, и в первую очередь — Выборгская сторона. Во главе этой грандиознейшей политической «стачки» стоял Михаил Иванович Калинин.

Петербургская охранка писала о революционной деятельности товарища Калинина:

«Калинин, Михаил Иванов, по агентурным сведениям, — социал-демократ (большевик), ленинец. Видный и деятельный партийный работник, член Выборгского районного комитета. В 1914 году вошел в большевистский коллектив завода «Новый Айваз». 20 апреля на собрании заводского коллектива выступал докладчиком о рабочей партии, о 1 мая, о ликвидаторах и об антирелигиозности, о деятельности района. В 20-х числах июня был в Шувалове на собрании рабочих металлистов, в присутствии бывшего депутата Бадаева, на коем разрешались вопросы о финансовом положении закрытого союза металлистов и партийном единстве. 4 июля выступал на митинге во дворе завода «Новый Айваз», после получения сведений о происшедшем будто бы расстреле рабочих на Путиловском заводе, призывал устроить однодневную забастовку...

В прежние годы состоял членом Петроградского Комитета, был на съездах социал-демократов, имеет большой опыт организационной работы, ведет широкое знакомство с интеллигенцией, пользуется большой популярностью среди рабочих, много раз выступал на митингах, призывал к забастовке, хороший оратор и пропагандист»¹.

В Петербурге Михаил Иванович Калинин становится в эти годы одним из крупнейших деятелей большевистской партии, мастером от революции.

Михаил Иванович в течение многих лет работал под руководством великого Ленина и в эти годы по его поручениям и указаниям выполнял важнейшие задания.

Работая в петербургском большевистском подполье, М. И. Калинин был также

непосредственно связан со Сталиным. Вспоминая об этом периоде, Михаил Иванович пишет:

«Я не знаю ни одной большой политической кампании, где бы он не участвовал в качестве организатора, застрельщика или прямого руководителя, разумеется, исключая времени нахождения его в тюрьме и ссылке. В частности петербургский пролетариат, его старшее поколение, с чувством удовлетворения вспоминает его работу в «Правде», организацию избирательной кампании в IV думу и т. д. Что бросается в глаза, так это его исключительная убежденность в силе рабочего класса: он, рабочий класс, все может»².

После ареста Сталина и Свердлова Центральный Комитет возложил на М. И. Калинина руководство большевистской печатью, подготовку очередного партийного съезда, оказание помощи большевистской думской фракции.

В годы войны большевистская партия оказалась единственной партией, которая оставалась верной делу социализма и интернационализма.

Царское правительство воспользовалось войной, для того чтобы разгромить рабочее движение и большевистскую партию. «Правда» была закрыта, думская большевистская фракция арестована и сослана в Сибирь, большевистские партийные организации были разгромлены.

Ленин находился в эмиграции, Сталин — в ссылке, крупнейшие деятели большевистской партии — в тюрьмах и на каторге. В этих условиях сразу определить правильную большевистскую линию, наметить тактику партии по отношению к крупнейшим вопросам, выдвинутым новой обстановкой начавшейся войны, было чрезвычайно трудно.

Роль Михаила Ивановича как члена Центрального Комитета большевиков особенно возросла после ареста большевистской думской фракции. На долю тов. Калинина выпала ответственнейшая задача — руководить борьбой интересного пролетариата и деятельностью большевистской партийной организации в условиях каторжного военного режима и оторванности от руководящих центров партии.

С первых же дней войны Михаил Иванович выступил ярким пораженцем. На митингах мобилизованных тов. Калинин выступил с призывом — обратить оружие против буржуазии.

«В первые же дни мобилизации и объявления войны, — вспоминает Михаил

¹ Рукописный отдел Ленинградского института истории ВКП(б).

² «Правда» № 301 от 21 декабря 1929 года.

Иванович, — ни одна из партий не имела еще директив из центра. У нас на заводе в эти дни были огромные митинги и забастовки. Мне было поручено партией большевиков выступить на этом митинге... против войны с призывом к мобилизуемым обратить оружие против буржуазии. Я не помню сейчас подробно содержания своей первой противовойсковой речи, но она была небольшая и заканчивалась призывом «дой войну!»¹.

Михаил Иванович, верный сын большевистской партии, ни на минуту не ослаблял своей работы по руководству массовым движением пролетариата. Он разъяснял рабочим империалистический характер войны, разоблачал предательскую роль троцкистов, меньшевиков, эсеров и прочих приказчиков буржуазии, вел пропагандистскую работу в рабочих кружках, руководил страховой кампанией.

Искусство конспиративной работы, которым Михаил Иванович владел в совершенстве, дало ему возможность в невероятных условиях военного режима пробыть полтора года на свободе.

Но 8 января 1916 года петроградская охранка арестовала Михаила Ивановича.

Около года тов. Калинин просидел в тюрьме. В конце 1916 года он был выпущен из тюрьмы с последующей высылкой в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции. Но в ссылку Михаил Иванович не поехал: он перешел на нелегальное положение и продолжал работать среди петербургского пролетариата, скрываясь под фамилией Лорберга.

В канун февральских дней, когда Петербургская организация большевиков под руководством Бюро ЦК во главе с тов. Молотовым развернула опломбированную работу среди масс по подготовке вооруженного свержения самодержавия, тов. Калинин находился в первых шеренгах вожakov питерских рабочих. Он агитировал, организовывал, выводил массы на улицу.

О своем участии в февральских событиях 1917 года тов. Калинин вспоминает:

«Я работал у Финляндского вокзала в небольшой мастерской. Когда мы в толпе подошли к вокзалу, как раз в это время там же появилась какая-то военная часть. Вокзальная охрана была разоружена в одно мгновение.

Но толпа еще в нерешительности; я еще не знаю, куда может направиться эта сила и что сейчас, вот здесь, поблизости можно сделать. Для меня несомненно одно: надо сейчас же, не медля ни минуты, толкнуть на борьбу, ибо вся масса

но существу переживает такое же состояние и ждет действия.

Я поднялся на площадку вокзала и крикнул:

— Если хотите иметь вождей, то вон рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить!

В один миг мысль подхвачена, расширена. Кто-то кричит:

— Сначала освободим из военной тюрьмы!..

Отделяются отряды, появляются руководители. Мысль осуществляется в действие: одни направляются к военной тюрьме, другие к «Крестам»².

* * *

С победой февральской буржуазно-демократической революции М. И. Калинин вместе со всей партией большевиков вышел из долготного подполья. Началась полоса легальной работы, полоса открытой и острой борьбы со всеми врагами рабочего класса, за победу социалистической революции.

2 марта 1917 года Михаил Иванович принял участие в организации первого легального Петербургского комитета большевиков.

На протяжении всего 1917 года, на всех этапах развития революции он выступал как стойкий большевик, как боевой руководитель петроградских рабочих. Тов. Калинин целиком поддерживал Ленина и Сталина в их борьбе против эппортунистов, горячо защищал позицию Ленина в июньские дни, выступал как большевистский организатор масс в переломные июльские дни 1917 года.

Кипучая, энергичная натура Михаила Ивановича Калинина во всей своей полноте развернулась в эти дни. На Выборгской стороне, в Лесовской думе, на Васильевском острове, на Трубочном заводе, в Петроградской городской думе, в Петербургском комитете большевиков, на митингах рабочих и солдат — всюду развалились его веские слова большевистской правды, против которой не могли устоять ни штыки корниловцев, ни жезлы эсеро-меньшевиков, ни кровавые козни буржуазии.

Михаил Иванович Калинин по праву может считаться одним из лучших пропагандистов и агитаторов-массовиков Петроградской большевистской организации. Это качество его отмечал Ленин, когда в 1919 году рекомендовал Калинина на высший пост председателя ВЦИК.

¹ Б. Сергеев «Михаил Иванович Калинин», стр. 61. Партиздат. 1934.

² М. Калинин «За эти годы», Кн. III, стр. 432.

В канун великих Октябрьских дней Михаил Иванович находился рядом с вождями революции Лениным и Сталиным, вместе с тов. Молотовым готовил Петроградскую организацию большевиков к штурму капитализма. М. И. Калинин участвовал в историческом заседании ЦК партии 16 октября 1917 года, на котором было вынесено решение об организации вооруженного восстания в ближайшие дни. В ночь на 25 октября Калинин был в Смольном и принимал непосредственное участие в проведении восстания.

После Октября Михаил Иванович был выдвинут партией на пост первого proletарского городского головы Петрограда. Как городской голова, а затем комиссар городского хозяйства, Михаил Иванович заслужил горячую любовь и широкую популярность среди трудящихся масс революционной столицы.

Под его руководством был сломлен саботаж буржуазной интеллигенции в органах городского самоуправления, а разбитое и разрушенное буржуазией городское хозяйство стало приводиться в порядок.

В марте 1919 года М. И. Калинин был избран председателем ВЦИК, а на VIII съезде РКП(б) — членом ЦК партии. Уже первые месяцы работы тов. Калинина на посту главы советского государства показали, как прав был Ленин, говоривший, что именно кандидатура Калинина является полностью подходящей для того, чтобы

провести поворот советской власти к среднему крестьянству. «Выбор тов. Калинина председателем ВЦИК, — говорил Ленин в ноябре 1919 года, — исходил из того расчета, что мы должны непосредственно «сблизить Советскую власть с крестьянством. И благодаря тов. Калининну работа в деревне получила значительный толчок»¹.

С тех пор Михаил Иванович Калинин беспрерывно стоит на посту главы высших органов социалистической Республики Советов и является одним из крупнейших руководителей коммунистической партии и советского государства.

Деятельность М. И. Калинина как главы Советского Союза — блестящее продолжение долгих лет его героического подвига. В период гражданской войны, в годы восстановления народного хозяйства, строительства индустрии и проведения коллективизации в деревне — во всех важнейших областях социалистического строительства и на всех этапах борьбы за социализм М. И. Калинин стоял и стоит на высоком революционном посту. Девизом его жизни и деятельности является служение народу. Народы Советского Союза знают это и отвечают глубокой и искренней любовью своему верному сыну, образующему все свои силы делу всепобеждающего коммунизма.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 538—539.

Октябрьская революция в Латвии

1

Трудящиеся массы Латвии еще не успели оправиться от ран, нанесенных им за долгие годы жесточайшего террора после кровавого подавления революции 1905—1907 годов, как над Прибалтикой разразилась новая гроза, опустошившая страну и вызвавшая полный застой во всех отраслях ее хозяйственной и общественной жизни. Эта маленькая страна с ее двухмиллионным населением стала одним из главных плацдармов разразившейся над миром первой мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

Накануне войны капитализм достиг в Латвии кульминационной точки своего развития. Латвия стала одним из наиболее передовых промышленных районов бывшей Российской империи. Количество занятых в промышленности рабочих выросло за период с 1897 года по 1913 год с 53 723 человек до 108 565 человек, а стоимость промышленной продукции поднялась с 256,7 миллиона лат до 829 миллионов лат, то есть увеличилась на 223%, причем наиболее быстрый темп роста показывали отрасли химическая, бумажная и пищевая.

Происходила быстрая концентрация производства. В то время как в 1897 году в среднем на одно предприятие приходилось 50 рабочих, в 1913 году количество занятых в одном предприятии рабочих составляло в среднем 144 человека. Общий процент городского населения по отношению ко всему населению страны поднялся с 29,2 в 1897 году до 40,3 в 1914 году¹.

Особенно бурно росла Рига — главный промышленный центр Латвии, — увеличившая свое население с 65 тысяч жителей в 1852 году до 518 тысяч жителей в 1913 году. В числе этого полумиллионного населения было около 100 тысяч фабричных, транспортных и железнодорожных рабочих².

¹ И. Г. Ринг «Латвия», стр. 36—37. Соц. экониз. Л. 1936.

² П. Стучка «Демократическая Латвия», стр. 189. Журн. «Коминтерн». № 2. 1924.

Почти так же быстро, как Рига, развивались и прочие приморские города Латвии — Лепая (Либавя) и другие.

Создание мощной индустрии в Латвии стало возможным исключительно благодаря существованию такого хинтерланда, как Россия. Своим промышленным производством, своим импортом и экспортом Латвия была неразрывно связана с Россией. Русский рынок поглощал (согласно данным, приведенным Рингом из известного статистического исследования А. Бушевица «Где выход?») 88,4% всех резиновых изделий, 86,2% продукции машин, 75,2% красок, изготовлявшихся в Латвии.

Исключительную роль во внешней торговле России также играли латвийские порты. В 1913 году через латвийские порты проходило 20% всего импорта и 28% всего экспорта Европейской России, составляя в сумме 631,6 миллиона лат и 928,4 миллиона лат³.

Экспорт одной лишь Риги во внутренние русские губернии составлял (в миллионах пудов)⁴:

1866—1870—	6,1
1896—1900—	21,7
1906—1910—	30,8
1913—	54,8

Органическая связь Латвии с Россией являлась решающим моментом в ее экономическом и политическом развитии.

Латвия предвоенного периода отличалась также высокоразвитым сельским хозяйством. С проникновением капитализма в земледелие в латвийской деревне начал осуществляться переход к интенсивному, рациональному земледелию. Импортируемые из Западной Европы сельскохозяйственные машины широко применялись в Латвии, особенно в кулацких хозяйствах.

Латвийские земледельцы стали в широких размерах культивировать животноводство, улучшая луговое хозяйство, расширяя травосеяние и т. п. Площадь кормовых трав в кулацких хозяйствах оказалась в три раза больше чем в имениях.

Капиталистическая рационализация сельского хозяйства привела в Латвии к массовой пролетаризации крестьянства, к осво-

³ И. Г. Ринг «Латвия», стр. 37.

⁴ Маркон «Народное хозяйство и финансы Латвии», стр. 38. Рига. 1930.

обождению рабочих рук и к резкому обострению классовых противоречий в деревне. Если в период первой революции 1905—1907 годов крестьянство в своей основной массе боролось вместе с пролетариатом против царизма и против вековых врагов латышского народа — немецких баронов, то с наступлением реакции кулаки, а также значительная часть среднего крестьянства резко повернули фронт против революционно настроенного батрачества.

Что касается городского промышленного пролетариата, то за последние годы реакции значительно выросло его классовое сознание, что особенно сказалось после ленинских событий. Волна протеста против зверского расстрела ленинских рабочих прокатилась по всей Латвии. В одной Лифляндской губернии произошло в 1913 году 234 стачки с участием 121 023 рабочих, причем 42% всех стачек в 1913 году и 68% в 1914 году носили политический характер. Война резко оборвала это движение. В 1915 году количество стачек упало до 6¹.

Война 1914—1918 годов принесла непоискуемые бедствия стране. Промышленность Латвии была разрушена, а наиболее крупные заводы эвакуированы в Россию. 15 тысяч вагонов со станками и прочим оборудованием были отправлены в глубь страны, а вместе с ними уехали и рабочие. Количество населения Риги сократилось наполовину.

В 1915 году в Риге осталось лишь 18% предприятий металлической промышленности (по отношению к 1913 году), а рабочих в них — 3%. Война уничтожила огромное количество зданий. Десятки тысяч людей остались без крова. Свыше 800 тысяч беженцев разехалось по всей России.

Рабочему движению в Латвии был нанесен тяжелый удар. Наиболее сознательная и организованная часть латышского пролетариата покинула родину. Революционная социал-демократия Латышского края (СДК) переживала тяжелый кризис. Охвативший все российское общество шовинистический угар, подогреваемый не только всей черносотенной, но и в не меньшей степени оппортунистической, меньшевистской, прессой, не миновал также менее сознательные пролетарские массы Латвии.

Влияние на рабочих латышской буржуазии, сыгравшей в эти годы жесточайших народных страданий позорнейшую роль агентуры царизма, было особенно опасным. В 1915 году, когда батальоны Вильгельма вторглись в Курляндию, крупные ла-

тышские кулаки и буржуазия объявили себя «пламенными русскими патриотами», готовыми «до последней капли крови» защищать царский трон. Баронство же в большей своей части ориентировалось на присоединение Латвии к Германии.

Представитель латышской сельской буржуазии в Государственной думе, владелец крупной усадьбы, «прогрессист» Я. Ю. Гольдман выступил в Думе с подхалимской в отношении царского правительства речью, получившей сомнительную славу «исторической речи».

Это «патриотическое» выступление Гольдмана заслужило аплодисменты даже Шуринкевича. Воздущевленный таким успехом, Гольдман вместе со своей коллегой по Государственной думе П. П. Залитом подал ходатайство на имя военного министра и главнокомандующего о разрешении формировать для войны латышские дружины добровольцев.

Этому ходатайству предшествовала энергичная обработка общественного мнения России и Латвии. В высших сферах царской России с давних времен создалось мнение о латышах как о «бунтовщиках», показавших в годы революции (1905—1907) свою революционную немирность. Поэтому разрешение на формирование латышских стрелковых батальонов было дано после длительных колебаний правительственных кругов. 17 июля 1915 года был утвержден их устав. Одновременно утверждался организационный комитет во главе с депутатом Гольдманом. На комитет была возложена обязанность вербовать добровольцев и комплектовать ими стрелковые батальоны по точным указаниям генерального штаба.

Комитет пустил в ход все средства разжигания фальшивого патриотизма, не пользуясь вековой враждою латышского народа к его извечным угнетателям — немецким баронам.

Теперь, когда нам открыт доступ к военным, а также к дворцовым архивам того времени, точно установлено, что латышские стрелковые батальоны сделались жертвой самой подлой провокации и предательства, что они были объектом темных интриг русских реакционных генералов и иностранных шпионов.

Однако создание вооруженных сил по преимуществу из пролетарских и полупролетарских элементов имело и другую сторону. В обстановке созревания революционного кризиса вооруженные батальоны латышских стрелков не могли не превратиться и превратились в крупнейший революционный фактор.

В то время как Гольдман и его клика творили свое преступное дело, революционная СДК не дремала. Правда, ряды ее

¹ См. «Сталинистический сборник за 1913—1917 гг.» Т. VII. Вып. 1-й. ЦСУ. 1921.

сильно поредел. Все наиболее опытные и авторитетные члены организации были почти поголовно арестованы в начале войны и брошены в тюрьмы или сосланы в Сибирь. Большевики, верные пролетарскому интернационализму, с самого начала резко выступали против империалистической войны, против социал-шовинизма.

Латвийский пролетариат, героически боровшийся против царизма в период первой русской революции и затем в тяжелые годы реакции и во время войны 1914—1918 годов, был всегда исключительно восприимчив к большевистским лозунгам. В довоенные годы большевистское крыло СДЖ, имея преобладающее влияние в рабочих массах, неоднократно получало внутри партии численный перевес и большинство в руководстве. Но эти преимущества не были использованы латвийскими большевиками для решительного и окончательного изгнания меньшевиков из партии. Как мы увидим ниже, для революции серьезным ударом было то, что подобно ряду отставших провинциальных организаций в России СДЖ сохранила вплоть до середины июля 1917 года свое пресловутое «единство»: несмотря на глубокий идеологический разрыв и фактический раскол большевики и меньшевики формально находились в одной партии. На IV съезде СДЖ в Брюсселе в январе 1914 года был избран большевистский Центральный комитет, который после объявления войны вел борьбу на два фронта: против меньшевистского крыла, занявшего резко шовинистическую линию, и против «левого» крыла, зараженного синдикалистскими тенденциями. Но, получив в руки руководство партией, латвийские большевики не исключили из партии меньшевиков, а члены Центрального комитета не имели полной теоретической ясности в ряде тактических и организационных вопросов. Это отчасти объясняется оборвавшимися в годы войны связями их с Лениным и ЦК большевистской партии. Главной же причиной слабостей, проявленных латвийскими большевиками до революции 1918—1919 годов (люксембургянский страх перед расколом) и в особенности в процессе этой революции, как увидим ниже, были идеологические шатания, центристские пережитки, сектантство.

В период февральской революции 1917 года большевистские организации Латвии были еще очень слабы. Но силы их быстро росли в связи с возвращением сосланных в отдаленные губернии лучших большевистских агитаторов и организаторов. К тому же среди латышских стрелков нарастало возмущение: они все яснее понимали, что сделались жертвой грубого преда-

тельства. Однако затесавшиеся в их ряды меньшевики все еще имели среди них известное влияние. Выпускавшаяся фронтовая газета «Бривайе стрелнекс» («Свободный стрелок») находилась целиком в руках социал-предателей Мендерса и Скуенекса. Большевистская газета «Циня» («Борьба») стала выходить в Риге лишь с середины мая 1917 года. Ее выход был крупным шагом вперед по пути образования самостоятельной большевистской партии.

Между тем события развернулись с необычайной быстротой. 3 апреля вернулся из эмиграции Ленин. 4 апреля он выступил со своим историческим докладом о задачах пролетариата в данной революции, а 8 апреля его знаменитые «Апрельские тезисы» были напечатаны в центральном органе большевистской партии «Правда».

Эти бессмертные «Тезисы» всколыхнули умы и чувства сотен тысяч лучших пролетариев и дали четкие установки членам партии, потерявшим правильную ориентировку. Большевистское крыло СДЖ ясно поняло, что сохранять в дальнейшем традиционное «единство» с меньшевиками становится преступным. С 19 до 22 апреля (4—7 мая) 1917 года в Москве проходила XIII партийная конференция членов СДЖ и находившихся в России латышских социал-демократических групп. Конференция прошла под знаком большевистских лозунгов. Конференция поставила ребром вопрос о необходимости разрыва с меньшевиками, о разрыве со II интернационалом вообще и о скорейшем создании III Интернационала. Хотя и на этот раз еще не произошло окончательного разрыва с меньшевиками и партия еще не изменила своего названия, но принятые на конференции резолюции об «Учредительном собрании», о «III Интернационале», о «войне и революции» и об «отношении к Временному правительству» в основном исходили из большевистских установок.

С этими новыми директивами делегаты конференции вернулись в Латвию, где они горячо взялись за работу. Их первоочередной задачей было вытеснить меньшевиков из стрелковых организаций. С 12 до 17 мая происходил исторический пленум объединенного Совета латышских стрелковых полков, на котором большевики дали сокрушительный бой меньшевикам и эсерам. «Свободный стрелок» перешел в руки большевиков. Меньшевики Мендерс и Скуенекс были оттуда изгнаны. С помощью отвоеванного фронтового органа большевики проделали в дальнейшем колоссальную воспитательную и организационную работу среди стрелков.

17 мая 1917 года объединенные латышские стрелковые полки единогласным

решением перешли на сторону большевиков, повернув решительно свой фронт против «своей» буржуазии и своего правительства. Исполнительный комитет стрелковых полков — «Исколатстрел» — вел решительную борьбу с другими организациями XII армии, в которую были включены латышские стрелковые батальоны, в особенности с Исполнительным комитетом армии — «Искосолом», где играл руководящую роль командный состав и где основные позиции вплоть до Октябрьской революции удерживались меньшевиками и эсерами.

В конце июля 1917 года в Риге состоялся съезд Советов рабочих, стрелковых и батрацких депутатов, на котором был избран Исполнительный комитет объединенных Советов Латвии — «Исколат». В Латвии, как и в остальной России, создавалось «двоевластие»: власть Советов и власть верных Временному правительству групп, объединившихся вокруг «Искосола».

Правительство Керенского пыталось расформировать латышские стрелковые полки, но это ему не удалось. Тогда оно 21 августа 1917 года предательски сдало немцам Ригу, этот оплот пролетарской революции в стране. Был отдан приказ о закрытии центрального органа партии — «Циня» — и «Свободного стрелка». Революционные стрелки выпустили свою газету на следующий же день под названием «Латышский стрелок».

Об усилении влияния большевиков свидетельствовали состав V съезда партии (июль 1917 года) и приняты им решения.

На этом съезде присутствовало 116 делегатов с решающим голосом, представлявших 6622 организованных членов партии. С совещательным голосом присутствовали представители от разбросанных во время войны по России социал-демократических групп, объединивших 6427 членов партии. Этот съезд был по своему составу большевистским. Только 6 делегатов были представителями незначительной группы меньшевиков-интернационалистов.

Принятые съездом решения в общем соответствовали «Апрельским тезисам» Ленина, но в отдельных важных вопросах съезд допустил оппортунистические ошибки, в особенности в аграрном вопросе. В условиях, когда еще шла борьба за власть, когда крестьянство еще не было прочно завоевано, когда для социалистического преобразования деревни еще не были созданы ни экономическая база, ни политические предпосылки, курс партии на немедленное преодоление мелкобуржуазных отношений в деревне был опасен. К этим ошибкам мы вернемся в дальнейшем.

После падения Риги 21 августа и дальнейшего продвижения на север германской армии район деятельности партии значительно сузился, ограничившись лишь тремя уездами Лифляндской губернии, где большевики, работая в самом тесном контакте со стрелковыми организациями, развернули большую революционную работу. В происшедших осенью 1917 года выборах в уездные земские Советы СДК завоевала больше 70% всех голосов.

2

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала решающее воздействие на дальнейший ход событий в Латвии. Октябрьский переворот был встречен в Латвии горячим сочувствием широких народных масс. События в России активизировали большевиков Латвии.

16 (29) октября 1917 года происходила чрезвычайная XV конференция СДК, на которой присутствовал также делегат Центрального комитета РСДРП. Делегаты представляли 2426 членов местных организаций. Среди них были также представители от окопных солдат и от стрелков.

Принятая конференцией резолюция о текущем моменте выражала готовность латышского пролетариата и его партии вести революционную борьбу до окончательной победы.

«Революционное движение на Западе, — гласила резолюция, — подкрепляет виды революционного пролетариата на победу... Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что настал момент последней решительной борьбы...»¹.

На основании решения конференции был создан при расположенной в Латвии XII армии Военно-революционный комитет, в котором решающую роль играли представители ЦК СДК и «Исколатстрел». Комитет выпустил манифест, в котором призывал население поддерживать созданное в Петрограде рабоче-крестьянское правительство.

Влияние большевиков среди солдат XII армии росло с каждым днем.

«Искосол» пытался направить против большевиков находившуюся еще под влиянием меньшевиков и эсеров солдатскую массу. Была также сделана попытка разгромить в Валке помещенные редакции «Латышского стрелка». Контрреволюционные силы, организовавшиеся вокруг «Комитета спасения родины», действовали весьма энергично, но все их дела завершились полным провалом благодаря энергичному отпору подавляющего большинства солдат XII армии, получивших сильную поддерж-

¹ «Социал-демократ» № 134 за 1917 год.

Демонстрация латышских красных стрелков на Красной площади. Москва. 1918 год.

ку со стороны вернувшегося в это время в Латвию 6-го Тукумского полка латышских стрелков.

На созванном 15 ноября чрезвычайном съезде депутатов XII армии большевики одержали решительную победу, после чего «Искосол» также перешел целиком на сторону большевиков.

Таким образом завершилась полная консолидация латвийских стрелковых соединений, этой железной опоры пролетарской революции в Латвии.

16—17 декабря (старого стиля) на съезде рабочих, стрелковых и батрацких депутатов было создано первое советское правительство на неоккупированной территории Латвии. Революционные стрелковые полки заняли пограничный с Эстонией город Валк, где раньше функционировал «Искосол» с остатками находившихся под меньшевистским влиянием стрелковых частей. Город был занят без сопротивления, и с 20-х чисел декабря молодая советская власть в Латвии приступила к творческой работе.

3

Первая победа Советов в Латвии в декабре 1917 года была органической частью

победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Исполнительный комитет Совета рабочих, батрацких и стрелковых депутатов Латвии — «Исколат», — заседавший в Валке, развернул большую работу по укреплению органов диктатуры пролетариата как в немногих уцелевших от оккупации городах, так и в деревне. «Исколат» работал в тесном контакте с очищенным от оппортунистических элементов «Исколатстрелом». Сохраняя стрелковые полки, «Исколат» приступил к организации отрядов красной гвардии, этих первых ячеек будущей Красной Армии. Советская власть провела в жизнь широкую программу коренных реформ всей политической жизни страны: она закрыла буржуазную печать, национализировала типографии, ввела 8-часовой рабочий день, установила минимум заработной платы для рабочих и служащих как в городе, так и в деревне. Энергично заработали профессиональные союзы, не прекращавшие своей деятельности в Латвии даже в самые черные дни реакции и во время войны.

К делу реформы народного просвещения были привлечены влиятельные педагоги, деятели литературы и искусства, часть которых вместе с эвакуированными из Латвии во время немецкой оккупации учреждения-

Первомайская демонстрация. Советская Латвия. 1919 год.

ми работала в Москве, в так называемом Культурном бюро, созданном при «Комитете помощи беженцам». Религия была изгнана из школы.

Центральной задачей советской власти в Латвии было проведение аграрной реформы.

Резолюция V съезда СДК по этому пункту гласила: «В случае, если безземельное крестьянство потребует раздела конфискованных земель среди безземельных, то мы, как партия рабочего класса, должны подчеркнуть, что клич о «своем уголке, о своем земельном кусочке» не является пролетарским требованием, ибо только более крупные хозяйства могут обеспечить достойные человека условия и наибольшую производительность труда».

На основании установок V съезда партии советская власть в Латвии и приступила прежде всего к организации крупных советских хозяйств, считая это своей единственной ближайшей задачей.

Такая политика шла вразрез с тем, чему Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин неоднократно учили, подчеркивая необходимость для рабочего класса после завоевания власти немедленно облегчить тяжелое положение беднейших слоев крестьянства, не останавливаясь перед разделом части земли, несмотря на все преимущества для социализма и коммунизма крупного сельского хозяйства.

Эта сектантская ошибка (впоследствии повторенная в Советской Венгрии, аграрную политику которой Ленин резко критиковал на II конгрессе Коминтерна) ослаб-

ляла союз рабочего класса и крестьянства в решающий момент борьбы за власть. Эта ошибка, как увидим дальше, повторилась в 1919 году, при создании второй советской власти в Латвии.

Первая советская власть в Латвии была очень недолговечна. После предательских действий Троцкого в Бресте, когда этот изменник не выполнил ленинского требования о заключении сепаратного мира с Германией, армия кайзера перешла в наступление. Несмотря на героическое сопротивление отрядов латышских стрелков, взрывавших мосты на пути германского наступления, несмотря на революционную работу среди германских солдат армия кайзера быстро продвигалась вперед и к концу февраля заняла почти всю Латвию.

После падения советской власти начался один из самых мрачных периодов в истории Латвии. Оккупанты, приветствуемые воспрянувшими духом баронами, буржуазией и кулачеством, считали аннексию в Латвии завершенной. Весь 1918 год латвийская деревня стояла под гнетом озверевших карателей.

Но латышский революционный народ не собирался капитулировать перед властью черной реакции.

Осенью 1917 года, когда Рига уже находилась в руках германских империалистов, Центральный комитет СДК, а также Рижский комитет партии остались на месте, продолжая в подполье свою революционную работу. Они переименовались в «Спартакоскую группу социал-демократии

Латвийские революционные газеты. 1917—1918 годы.

Латвии» и пытались установить связь со спартаковцами в Германии. Начала работать партийная типография, и была установлена связь с немецкими солдатами. В начале 1918 года в Риге выходили две большевистские газеты, издававшиеся Центральным комитетом и русским комитетом «Спартаковской группы» СДЛК, — «Биедрис» («Товарищ») и «Спартакс».

6 января 1918 года партии удалось организовать крупную демонстрацию на рижских улицах. Оккупанты пустили в ход оружие. Ночью были произведены облавы, в результате которых полиция арестовала около ста активных работников партии, в том числе почти всех членов Центрального комитета.

Но несмотря на новые репрессии, объединенным силам контрреволюции не удалось убить революционную волю большевиков и преданных за ними латвийских трудящихся масс.

В конце мая и в начале июня 1918 года состоялась в Риге XVI конференция СДЛК, которая сыграла историческую роль в истории латвийского революционного движения. На этой конференции, наконец, были навсегда выброшены из партии меньшевики. В резолюции об «Отношении СДЛК к лже-социалистам» ясно подчеркивается контрреволюционная роль меньшевиков, «растворившихся вместе со всеми буржуазными и юнкерскими контрреволюционерами в общей антипролетарской массе».

В осени 1918 года произошли крупные

изменения в международной обстановке в связи с поражением коалиции средневропейских держав.

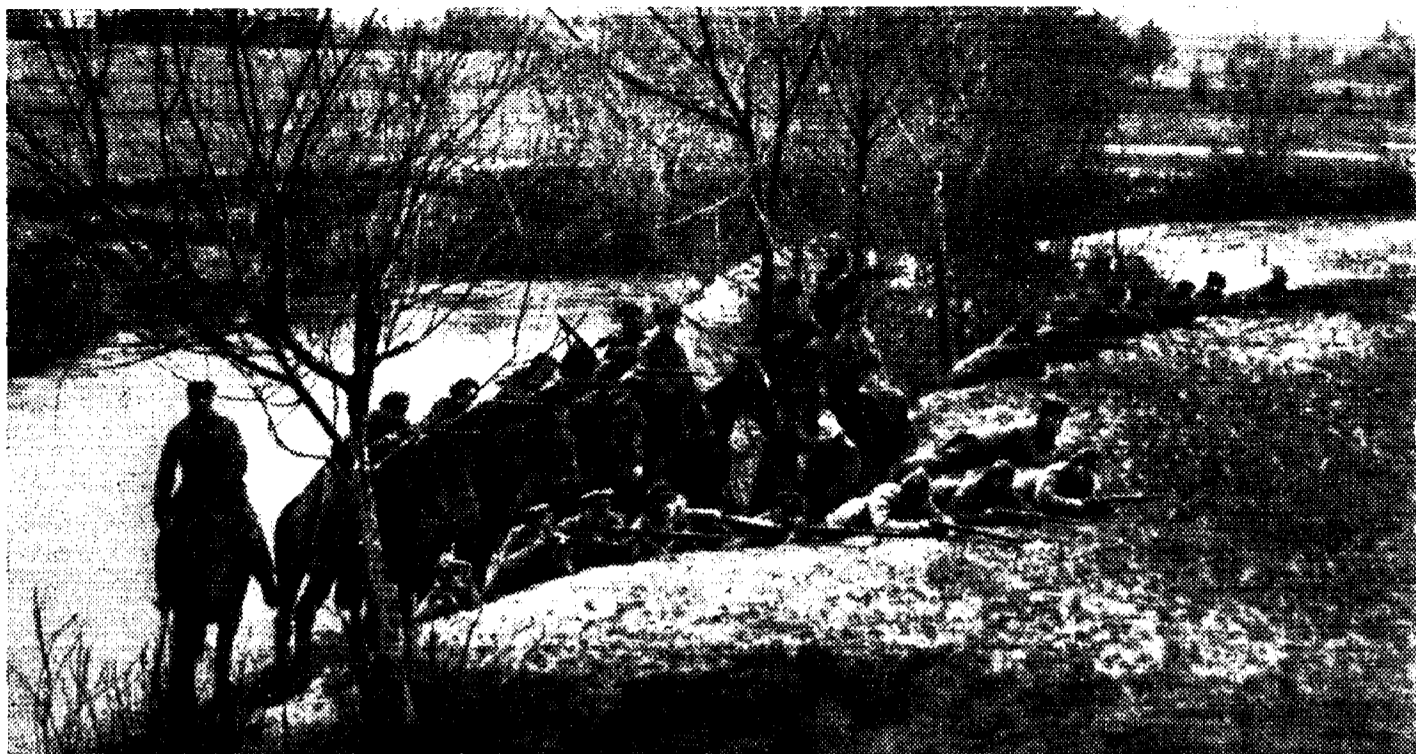
Поражение Германии и ноябрьская революция не могли не изменить коренным образом положения в Латвии. Согласно договору о перемирии, Германия была обязана отозвать свои войска из всех занятых районов. Однако реокупация Латвии по настоянию Антанты откладывалась. Латвия продолжала находиться под властью оккупационной армии.

«О том, что именно Антанта руководит всеми белогвардейскими движениями на окраинах, — пишет Ленин, — свидетельствует телеграмма, полученная вчера от тов. Стучки: оказывается, что немцы в Курляндии остановили наступление, но мирное соглашение с ними для Советского правительства Латвии невозможно потому, что Франция, Англия и Америка требуют от немцев, чтобы они оставались в Курляндии и продолжали войну...»¹.

В этот момент латвийская буржуазия, поддерживаемая лидерами меньшевиков, выдвинула лозунг «независимого» латвийского буржуазного государства, считая, что его создание явится наилучшим барьером против надвигавшейся социалистической революции.

Об отрыве Латвии от России раньше никогда не заходила речь даже в среде самых ярых националистов. Наоборот, даже

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 260.

Красные разведчики, Лифляндия. 1919 год.

Музей революции СССР.

такие ультранационалисты, как А. Берг, А. Недра и другие, резко подчеркивали губительность отделения Латвии от России, с которой органически было связано хозяйственное и политическое существование Латвии, а следовательно, и интересы буржуазии. Страх перед потерей своих богатств в итоге победы Советов повернул всю психологию латвийской буржуазии в сторону отделения от России.

В Латвии разыгралась отвратительнейшая политическая комедия, наложившая нестираемую печать позора на буржуазно-эсеровско-меньшевицкую клику. Начался жульнический торг между оккупантами и латвийскими «патриотами».

Посредником-маклером в этом торге был известный немецкий «социалист» Август Винниг, присланный в Латвию еще в сентябре 1918 года (т. е. еще в царствование Вильгельма) в качестве уполномоченного германского министерства внутренних дел с целью ознакомления с перспективами колонизации Прибалтики.

14 ноября 1918 года Винниг был утвержден в роли «германского генерального уполномоченного в Прибалтике», и в этой «почетной» роли он вел переговоры с идеологами самостоятельной буржуазной Латвии. Прежде всего он связался с социалистом-революционером Скубикисом, а через него с меньшевиком Мендерсом и представителями буржуазной партии: Вейнбергом, Недра, Красткальном, Ульманисом. С латвийскими «социалистами» Винниг быстро нашел общий язык. Таким образом, «социалисты» вкупе с буржуазией стали агентурой иностранного капитала и пошли

против своего народа, как это было с националистической буржуазией и «социалистами» на Украине, в Белоруссии, на Кавказе и в Финляндии.

18 ноября с разрешения оккупационных властей был создан из представителей буржуазных и соглашательских партий так называемый «народный совет» и провозглашена «независимая» Латвийская республика. Организовалось буржуазное временное правительство во главе с лидером кулацкого «Крестьянского союза» Карлом Ульманисом.

Ни Ульманис, ни его правительство не пользовались в стране никаким авторитетом. Но с этим карикатурным правительством Винниг заключил договор не только о совместной борьбе против Красной Армии, но и о том, что правительство Ульманиса гарантирует право гражданства и право на приобретение земли немецким солдатам, принимавшим участие в борьбе против большевиков. Таким образом, латвийские «патриоты» поставили Латвию в полную зависимость от чужеземных империалистов.

Однако это так называемое правительство просуществовало недолго. Возмущение народа предательским актом буржуазно-меньшевицской клики бурно росло, и недовольство народных масс вскоре вылилось в открытое восстание.

В середине декабря 1918 года трудящиеся массы измученной и преданной Латвии с оружием в руках установили советскую власть. 17 декабря Временным советским правительством Латвии был опубликован манифест, в котором оно объявило

Похороны коммунаров. Рига, 1919 год.

Музей революции СССР.

Латвию независимой советской республикой, а 22 декабря 1918 года правительство РСФСР особым декретом признало независимость Советской Латвии.

Победоносному восстанию латвийского пролетариата в тылу оккупантов, установлению советской власти в Латвии помогли латвийские рабочие в солдатских шинелях, сражавшиеся в рядах Красной Армии РСФСР. При их помощи германские войска, оказывавшие серьезное сопротивление, были отброшены в Курляндию.

4

Советская власть победила в Латвии вторично. На 13 января 1919 года был созван Учредительный съезд Советов Латвии. Партия не случайно выбрала именно этот день: это был исторический день памяти латвийских трудящихся, погибших в 1905 году в гражданской демонстрации солидарности с петербургским пролетариатом.

На Учредительном съезде Советов присутствовало 705 делегатов. Ко времени его открытия освободились от оккупантов города Митава (Елгава), Туккум и Тальсен, приславшие своих представителей. На съезд прибыли также делегаты от Либавы и Виндавы, находившиеся в руках оккупантов.

Съезд открыл краткой речью председатель советского правительства П. Стучка, давший характеристику положения в Латвии и предстоящих задач новой, советской власти.

После него взял слово приехавший из Москвы председатель ВЦИК Я. М. Сверд-

лов, под бурную овацию приветствовавший съезд Советов Латвии от имени ВЦИК.

«Товарищи! Приветствую в вашем лице I съезд рабочих Безземельных и Стрелковых Советов объединенной Латвии, — начал свою речь тов. Свердлов. — Я приветствую от имени Центрального Исполнительного Комитета в вашем лице те десятки тысяч лиц, которые своей кровью добивались свободы. Я приветствую в вашем лице те массы, которые в борьбе за поправные германским империализмом права подготавливали тот праздник, который мы празднуем в настоящий момент. Товарищи, едва ли с какой-либо другой частью бывшей Российской империи связаны мы так тесно, как связаны с Красной Латвией.

...Мы с чем мы так тесно не связаны, как с стрелками Латвии. Своим постановлением от 25 декабря с. г. Центральный Исполнительный Комитет Советов признал самостоятельность Латвии. Но это не значит, что мы не попрежнему близки. Мы знаем хорошо, что то единство, которое соединяет нас, ничем и никогда нарушено быть не может. Мы хорошо знаем, что те удары, которые падут на нас, будут встречены как с нашей, так и с вашей стороны сильным отпором и всякий удар, направленный на вас, будет ударом и для нас... Мы знаем, товарищи, как знаете и вы, что империалисты всех стран всю свою силу направляют на то, чтобы уничтожить нашу революционную победу. Если наша революция уже укрепилась, то в этом значительная доля принадлежит не только нам, но и вам. Чем более империалисты стараются уничтожить нашу власть, тем бо-

лее она крепнет и мы можем сказать, что мы их не боимся; мы знаем, что время работает в нашу пользу...»¹.

Съезд, продолжавшийся три дня, утвердил структуру советской власти, принял Конституцию и избрал правительство. Эта первая Конституция Советской Латвии была создана на основе первой Конституции РСФСР.

Советская власть за пять месяцев своего существования в необычайно тяжелых условиях разрухи и гражданской войны провела громадную творческую работу. Советское правительство приступило к восстановлению хозяйственной жизни страны, создало совет народного хозяйства Латвии, в основу которого положило установленный в РСФСР принцип организации общественного производства по заранее определенному плану.

Одной из первоочередных задач были мероприятия по улучшению продовольственного дела. Оккупанты, отступая из страны, разграбили все продовольственные запасы. Народ голодал в буквальном смысле слова. Советская власть приняла все меры, чтобы весной заблаговременно была засеяна вся пахотная земля. Но до нового урожая предстояло долго ждать. Поэтому правительство с самого начала приняло меры к установлению связи с Советской Украиной, которая оказала щедрую братскую помощь изголодавшемуся латышскому народу.

Это были, конечно, только временные меры. Длительные и прочные результаты могла дать лишь правильно проведенная общая аграрная реформа.

Как проводилась эта реформа? Уже в манифесте, опубликованном только что сформировавшимся советским правительством, была объявлена немедленная конфискация (без всякого вознаграждения) всех помещичьих, казенных и церковных земель с инвентарем и передача их в ведение Советов.

Однако при проведении аграрной реформы была вновь повторена ошибка первой советской власти в Латвии — воздержание от передачи земли в руки малоземельных и безземельных крестьян и искусственное насаждение совхозов и сельскохозяйственных «коммун».

При проведении аграрной политики латвийские коммунисты не учли указаний Ленина о политике РКП(б) по отношению к среднему крестьянству, не учли того, что среднее крестьянство надо планомерно вовлекать в социалистическое строительство, чутко относясь к нуждам крестьянства,

борясь с его отсталостью методами идейного воздействия и терпеливой работой над созданием экономических и политических предпосылок социалистического преобразования деревни.

Наркомат земледелия наметил план электрификации ряда крупнейших хозяйств. Уже велись предварительные работы по использованию водопала около Гельдингена (Кулдига) и обсуждался план создания мощной гидроэлектростанции на Западной Двине (Даугаве) на 185 тысяч лошадиных сил. Однако эти планы наталкивались на непреодолимые препятствия, созданные условиями гражданской войны и интервенции.

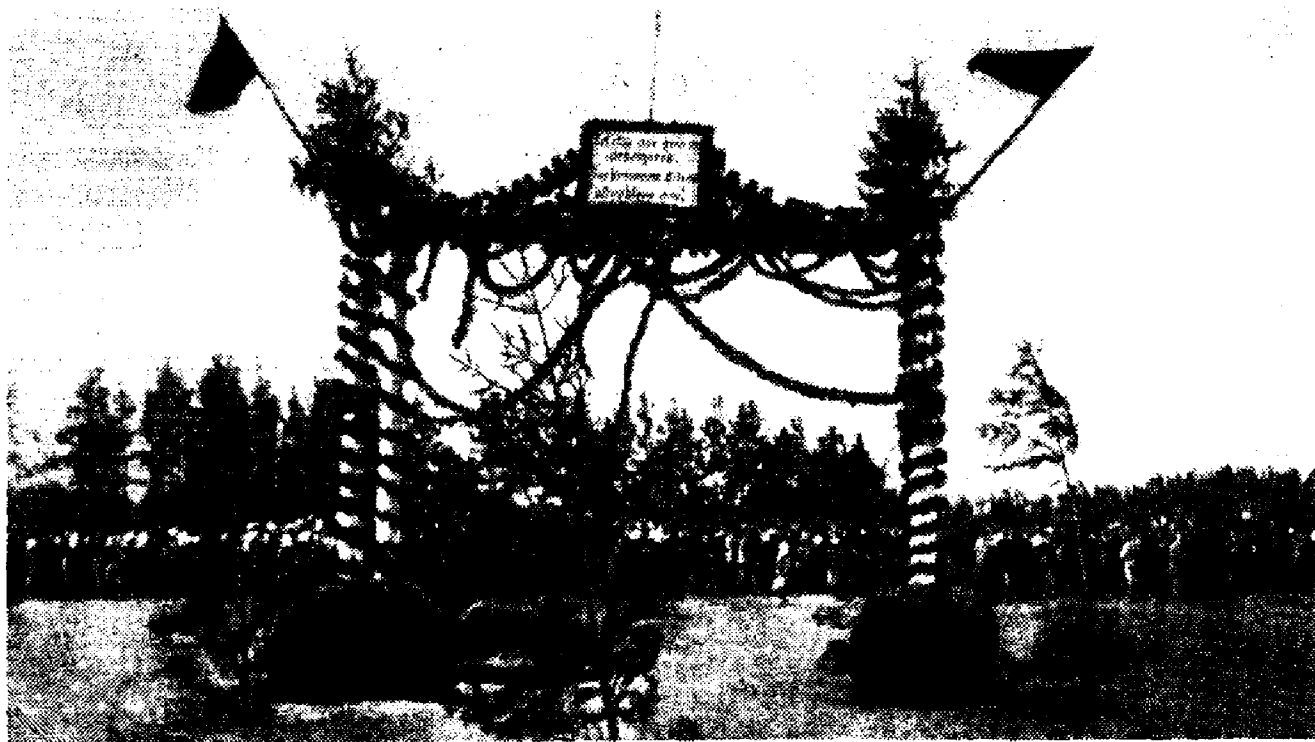
Советской властью Латвии были предприняты героические усилия для восстановления промышленности, тяжело пострадавшей в результате германской оккупации и эвакуации в Россию большинства предприятий крупной промышленности. Правительство Латвии разработало и согласовало с правительством РСФСР подробный план реэвакуации в Латвию вывезенных в Россию промышленных предприятий. Одновременно правительство Латвии приступило к восстановлению промышленности местными силами. Были прежде всего спасены в ходе предприятия, которые еще могли функционировать; подготовили к пуску ряд заводов, остановленных во время оккупации. Стали функционировать, хотя и в значительно сокращенных размерах, такие заводы, как бывший Балтийский вагоностроительный завод, завод «Феникс», лесопильный завод Клеменса и др.

К началу мая на рижских заводах вместо 3½ тысяч рабочих в январе уже было занято около 12 тысяч рабочих.

Среди реформ большое значение имели: введение страхования рабочих, осуществление 8-часового рабочего дня, организация общественных работ для безработных, улучшение жилищных условий трудящихся, декретирование свободы союзов, печати и собраний для трудящихся, уравнение в правах всех национальностей. Буржуазная печать была запрещена, и все типографии были национализированы.

Из школы окончательно изгонялось религиозное воспитание. Этому предшествовало издание декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Программа всеобщего обязательного обучения была разработана на современных научно-педагогических началах, однако школьная реформа натолкнулась на чрезвычайно тяжелые препятствия. Латвийское учительство, принимавшее в революции 1905—1907 годов выдающееся участие в качестве агитаторов и пропагандистов, чрезвычайно тяжело пострадало от карательной экспедиции. По далеко не полным сведе-

¹ Цит. по книге П. Стучка «Пять месяцев Социалистической Советской Латвии», стр. 11—12, 1919.

Митинг в день 1 Мая у братской могилы. Советская Латвия. 1919 год.

Музей революции СССР.

ниям, из 2 тысяч латышских народных учителей карательной экспедицией было расстреляно, повешено и замучено в тюрьмах 362 человека¹. Многие из передовых учителей эмигрировали. Оставшаяся же в Латвии интеллигенция почти поголовно ушла в буржуазный лагерь.

Несмотря на все препятствия реформа все же начала проводиться в жизнь.

Советское правительство также реорганизовало высшее образование. Закрытый во время оккупации рижский Политехникум был восстановлен и превращен в университет, в котором был введен университетский устав Советской России. Реакционные и явно враждебные советской власти профессора были удалены и по возможности заменены новыми.

Таковы вкратце основные шаги советской власти 1919 года в Латвии.

1—6 марта 1919 года состоялся VI съезд ЦКК. На съезде присутствовало 159 делегатов с решающим голосом, представлявших 8378 организованных членов партии. В составе съезда было 40 делегатов от 2018 латышских стрелков-коммунистов.

Съезд, обсудив вопрос о партийной программе и об изменении названия партии, принял за основу утвержденный VIII съездом РКП(б) проект программы партии. Очищенная от меньшевиков и всякого рода социал-шовинистов, партия была переименована в коммунистическую партию Латвии и оформлена как секция Коммунистического Интернационала.

¹ «Петербургская Лапа» от 3 августа 1906 года.

По вопросу о взаимоотношениях между профсоюзами и советской властью, а также между советской властью и партией съезд принял антибольшевистские установки. В отличие от РСФСР профсоюзы в Латвии были огосударствлены, что было вреднейшим извращением ленинской политики в отношении профессиональных союзов. Съезд провел также противоречащее принципам большевизма слияние советских и партийных органов.

Ошибочные установки были даны и в области военной политики. В ущерб принципу единоначалия и строгой военной дисциплины в армии наряду с командирами и комиссарами допускались выборные органы руководства.

Эти ошибки партии, несмотря на ее героическую борьбу, ослабили силы пролетарской революции, которая в Латвии имела против себя превосходящие силы контрреволюции.

О невероятной тяжести условиях, при которых советское правительство в Латвии проделало за пятимесячный срок существования громадную созидательную работу, говорил В. И. Ленин 3 апреля 1919 года в своем докладе «О внешнем и внутреннем положении Советской Республики»:

«...Большая часть страны переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления. — бедствия нищеты и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые по-

сылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, па-сквозь подкупленные миллиардерами Ан-глии, Франции и Америки»¹.

* * *

Уже в начале 1919 года германская «железная дивизия» и так называемый ландсвер, в который влились, помимо организованных бежавшими из Латвии не-мецкими баронами отрядов «самоохраны», также и латышские белогвардейцы, уже были готовы к наступлению. В «железную дивизию» включились также русские бело-гвардейские отряды, возглавлявшиеся мо-нархистом Бермонтом-Аваловым.

Бежавший в Либаву представитель лат-вийского кулачества Ульманис вместе с представителями из лагеря меньшевиков пытался вступить в соглашение со штабом оккупационной армии насчет колонизации Латвии. Но генерал фон дер Гольц, назна-ченный Гинденбургом командующим окку-пационной армией, считал целесообразным распустить созданное в 1918 году нацио-нальное «правительство» Ульманиса и на-значил новое «правительство» Латвии во главе с еще более «поклакистым» чем Уль-манис человеком — пастором и писателем А. Недра.

В борьбе против советской власти и Красной Армии объединились все силы внешней и внутренней контрреволюции. Против 30 тысяч красноармейцев высту-пило около 80 тысяч белогвардейцев и ин-тервентов. 22 мая 1919 года интервенты захватили Ригу, что означало падение со-ветской власти в Латвии.

Войска генерала фон дер Гольца, заняв Ригу, вместе с баронами и латвийскими белогвардейцами организовали кровавую расправу над рижскими рабочими и тру-дящимися Латвии. 15 тысяч убитых и расстрелянных, тысячи арестованных —

таков итог хозяйничанья буржуазного пра-вительства Латвии в первые месяцы его господства. Озверелая буржуазия и бароны решили физически уничтожить рабочих. В Риге и во всей Латвии они установили режим свирепого белого террора.

Но германская оккупация продолжалась недолго. В силу превосходства англо-фран-цузской Антанты и согласно соответствующему пункту версальского договора немец-кие войска 23 июня 1919 года оставили Либаву. Латвия подпала целиком под влия-ние Антанты, которая рассчитывала ис-пользовать ее в будущем как весьма вы-годный плацдарм для нападения на Совет-скую Россию.

Упраздненное генералом фон дер Гольцом «национальное правительство» Ульманиса, ставшее английской агентурой, вновь было восстановлено.

* * *

Два раза удалось латвийскому пролета-риату, поддержанному пролетариатом Совет-ской России и героическими латышскими стрелками, при нечеловечески трудных ус-ловиях создать советскую власть. Два раза он понес неисчислимые жертвы в борьбе за свободу и дважды терял эту свободу.

Теперь латвийский народ вновь получил свободу, которой он страстно и героически добивался, и на этот раз никто никогда не отнимет ее. Над трупящими Латвии засияло солнце Сталинской Конституции.

Первым актом свободной Советской Лат-вии была декларация Латвийского сейма о вступлении Латвии в Союз Советских Со-циалистических Республик.

День 4 августа 1940 года, когда VII сессия Верховного Совета СССР утвердила вступление Советской Латвии в СССР, вой-дет в историю латвийского народа как победный итог его многолетней революци-онной борьбы за свое социальное и нацио-нальное освобождение.

Борьба за советскую власть в Эстонии в 1917—1919 годы

1

Трудящиеся массы Прибалтики всегда шли в первых рядах революционных борцов против самодержавия. К октябрю 1917 года Прибалтика, за исключением Эстонии и северной части Латвии, была оккупирована войсками кайзеровской Германии. Пролетарии Эстонии и части Латвии, не подвергшиеся оккупации, активно участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции.

В Прибалтике уже имелся к тому времени сравнительно многочисленный и политически развитый рабочий класс. Это объясняется особенностями экономики прибалтийских стран. Через незамерзающие порты Прибалтики ввозилось из-за границы в Россию в большом количестве промышленное сырье. Через эти же порты шел вывоз за границу русского сырья. Иностранцам и русским капиталистам было выгодно строить здесь промышленные предприятия, перерабатывавшие русское сырье для заграницы и иностранное сырье для русского рынка.

Поэтому в Прибалтике, в том числе и на территории нынешней Эстонской ССР, задолго до первой мировой империалистической войны возникла довольно развитая, разнообразная по своим отраслям промышленность. Некоторые предприятия в Эстонии имели всероссийское значение (например Кренгольмская мануфактура, Русско-Балтийский завод).

На этих предприятиях работали наряду с эстонскими рабочими и русские. В начале нашего столетия на ревальских заводах работал высланный из центральных областей тов. Калинин. В 1903 году он создал в Ревеле (ныне Таллин) социал-демократический кружок. Ревельская большевистская организация руководила революционными выступлениями рабочих Эстонии в 1905 и 1917 годах.

Высокоразвитое сельское хозяйство Прибалтики и интенсивная морская торговля с Голландией и Англией рано побудили помещиков развивать свое собственное хозяйство на капиталистических началах за счет крепостного хозяйства. Аграрные отношения в Прибалтике тесно переплета-

лись с национальными, потому что помещиками здесь являлись почти исключительно немецкие бароны — потомки рыцарей, покоривших племена эстов в XIII веке. В 1917 году больше половины всей земли в Эстонии было собственностью помещиков, а обрабатывалось батраками и арендаторами.

В 1816 году царское правительство, испуганное резким обострением борьбы крестьян против помещичьего гнета в Прибалтике, провело «освобождение» крепостных в Эстонии. После отмены крепостного права стали развиваться кулацкие хозяйства, особенно в южной части Эстонии, преимущественно в бывшей Лифляндской губернии, где почва более плодородна.

Средняцкий слой крестьянства был многочислен и в 1917 году вряд ли превышал 20% общего числа крестьян. Зато было очень много карликовых хозяйств на помещичьих и кулацких землях. Безземельные крестьяне составляли, по данным 1916 года, 50—70% общего количества деревенского населения.

В лице батраков, безземельных и малоземельных крестьян большевистская партия нашла надежную опору в деревне.

Когда весть о февральских событиях 1917 года в Петрограде дошла до Ревеля, рабочие вопреки запрещению коменданта Ревельской крепости 1 марта вышли на улицу. Но они еще не имели точного представления о своих революционных задачах: послушав речи случайных ораторов, рабочие мирно разошлись.

Лишь на следующий день, когда во главе демонстрации стали вернувшиеся из Петрограда рабочие делегаты, демонстранты обратились к солдатам и матросам за помощью и вместе с ними стали расправляться с царскими властями. Полиция была разоружена, народ получил оружие и освободил политических заключенных. По примеру петроградского пролетариата были произведены выборы в Ревельский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. Такие же события происходили в Нарве, Юрьеве (ныне Тарту) и других промышленных городах Эстонии.

В то время как пролетариат Эстонии

боролся за полное уничтожение самодержавно-помещичьего строя, эстонская буржуазия пыталась обуздать революционную инициативу народных масс. 2 марта 1917 года был создан гражданский комитет для «наблюдения за порядком». Этот комитет стал создавать милицию. Аналогичные мероприятия были проведены буржуазией в других городах.

Первым крупным успехом эстонской буржуазии было назначение 5 марта Временным правительством ревельского городского головы Пюска временным губернским комиссаром Эстляндской и северной части Лифляндской губернии.

Все буржуазные общества в Ревеле объединились на совместном совещании в так называемую Эстонскую лигу, которую возглавил центральный исполнительный комитет. Эта лига, имевшая отделения в других городах, противопоставила себя советам и выступила в роли «временного представителя» эстонского народа.

Для консолидации своих сил буржуазия организовала ряд местных и общепроvincialных совещаний и конференций. Когда, по мнению буржуазии, почва оказалась достаточно подготовленной, 23 мая по приказу комиссара Пюска были проведены общепроvincialные земские выборы. Выборы проводились по царскому избирательному закону: каждая тысяча избирателей избирала выборщика. Выборщики в свою очередь избирали Губернский земский совет и уездные муниципальные органы. Антидемократическая система выборов и необычайная поспешность, с какой они были проведены, вызвали резкие протесты со стороны советов. Когда вопреки этим протестам выборы все же состоялись, Ревельский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов 26 мая постановил аннулировать выборы, отстранить Пюска и передать управление края исполкому советов.

5 июня Ревельский совет сообщил Петроградскому совету, что если требования Ревельского совета не будут удовлетворены, он осуществит их сам.

Временному правительству пришлось отозвать Пюска в Петроград, но через 15 дней Пюска снова появился в Ревеле уже в качестве полномочного комиссара Эстонии.

Основными органами борьбы пролетариата против буржуазии были советы. Но они не представляли в это время единой организации. В ряде советов и в их исполнительных комитетах наряду с рабочими депутатами сидели вплоть до корниловщины представители буржуазных обществ. Среди депутатов от воинских частей преобладало тогда влияние эсеров и

меньшевиков. Только фракция рабочих депутатов почти во всех советах находилась с самого начала под руководством большевиков.

Но большевистская организация в Ревеле и газета «Кийр» («Луч»), вышедшие из подполья сейчас же после Февральской революции, не проводили до Апрельских тезисов Ленина четкой политической линии. Характерно, что в резолюции, принятой 23 марта на общем собрании Ревельской организации большевиков, говорилось о необходимости «продолжать оборонительную войну».

Лишь на общепроvincialной большевистской конференции (16—17 апреля) была принята твердая революционная линия. В советах были созданы большевистские фракции. Однако руководящие органы советов оставались до июля в руках эсеров, меньшевиков и буржуазных партий.

Влияние большевистской партии быстро росло. Выполняя решения Всероссийской апрельской партийной конференции, эстонские большевики организовали рабочие и батрацкие комитеты для контроля над производством, создавали революционные организации молодежи, профсоюзы, разные культурные и спортивные общества. Рабочие сами вводили явочным порядком 8-часовой рабочий день, заставляли предпринимателей повышать заработную плату и улучшать условия труда.

Рабочие и батраки очищали предприятия и имения от ненавистных управляющих, мастеров и т. д. и по инициативе большевистской организации Эстонии требовали проведения такой же очистки в государственных и муниципальных учреждениях. Под давлением масс комиссар Пюска в конце концов решил уволить 2 реакционных чиновников, но владевших эстонским языком. Но это вызвало недовольство всего реакционного чиновничества, нашедшего поддержку у Временного правительства. Пюска полностью капитулировал перед бывшими царскими чиновниками: он обещал им неприкосновенность их теплых местечек и запретил делопроизводство на эстонском языке.

Эстонская буржуазия «храбро» защищала свои классовые интересы против эстонских рабочих, но выступала очень нерешительно, когда речь шла о ее национальных требованиях.

Первое общепроvincialное совещание буржуазных общественных деятелей 11—13 марта 1917 года в Юрьеве единогласно приняло решение, в котором говорилось, что «в настоящее время, когда Россией управляет Временное правительство, эстонцам целесообразно требовать осуществления своего политического идеала—

автономии». Национальные требования эстонской буржуазии в это время не выходили за пределы культурной автономии, о чем заявил 10 апреля Керенскому представитель Эстонской лиги Страцман.

Но когда советы стали большевистскими и выявилась перспектива победы советской власти, буржуазия Эстонии ухватилась за лозунг автономии Эстонии как за единственный якорь спасения своего господства. Эстонские буржуазные политики стали доказывать, что Российская республика должна состоять из равноправных «народных республик», в том числе и из «автономной» Эстонии.

Собрание земских выборщиков, созванное в Ревеле 2 июля под громким названием Эстонского национального собрания, высказалось за требование такого «равноправия» и подтвердило полномочия Губернского земского совета, созванного на другой день.

Чтобы противодействовать этой демагогической политике эстонской буржуазии, эстонским большевикам было необходимо проводить четкую ленинско-сталинскую политику в национальном вопросе. Но недостаточно четкая линия части эстонских большевиков в национальном вопросе дала эстонской буржуазии возможность демагогически выступать в роли «защитницы» интересов нации.

Несмотря на отдельные ошибки эстонской большевистской организации, популярность большевиков среди широких народных масс быстро росла. Еще 2 июня Ревельский совет, еще руководимый соглашательскими партиями, принял резолюцию о «доверии» Временному правительству. Но уже месяц спустя, после состоявшейся 4 июля в Ревеле 40-тысячной демонстрации протеста против созыва Эстонского национального собрания и Губернского земского совета, руководство Ревельским советом перешло к большевикам. Усиление влияния большевиков привело буржуазию в бешенство. 13 июля комендант Ревельской крепости закрыл большевистские газеты «Кийр» и «Утро правды». На следующий день буржуазные банды устроили в редакциях и конторах этих газет настоявшийся погром.

На первом общеэстонском съезде советов, открывшемся 23 июля, меньшевистско-эсеровскому блоку с помощью жульнических махинаций удалось получить большинство. Но на втором съезде советов, созванном 12 октября, большевики имели уже абсолютное большинство. На выборах в городские самоуправления летом и осенью 1917 года большевики получили в Нарве, где тогда работал вождем эстон-

Виктор Кингисепп. Музей революции СССР.

ского пролетариата тов. Кингисепп¹, абсолютное большинство, а в Ревеле — около 1/3 мест. К октябрьским дням эстонская буржуазия уже не имела сколько-нибудь значительного влияния среди рабочих и крестьян.

2

Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась в Эстонию без крови.

22 октября был образован Военно-революционный комитет Эстонского края.

23 октября, в 7 часов вечера, Военно-революционный комитет взял под свой контроль все стратегически важные пункты в Ревеле и в районе крепости. Все воинские части заявили о своей готовности подчиниться решениям Совета рабо-

¹ Виктор Кингисепп родился в 1888 году на острове Эзель, в семье ремесленника. В революционном движении он участвовал с 1905 года, в 1906 году вступил в РСДРП. В 1914 году он был административно выслан из Петрограда. Кингисепп был самым видным и популярным вождем революции в Эстонии в 1917—1918 годах. На IV всероссийском съезде советов он был избран в члены ВЦИК. С ноября 1918 года по 1922 год он работал в Эстонии. Он был выдан провокатором и 2 мая 1922 года арестован. На следующий день после комедии «суда» Кингисепп был расстрелян. В память вождя эстонского пролетариата ВЦИК переименовал в 1922 году пограничный с Эстонией город Ямбург в Кингисепп.

чих, солдатских и бедняцких депутатов. Во все войсковые части и на стратегически важные пункты были назначены комиссары Военно-революционного комитета.

Уже к 26 октября вся власть была фактически в руках Военно-революционного комитета. 27 октября были отстранены губернский комиссар Писка и его ставленники. Их функции перешли к фактическому руководителю Военно-революционного комитета тов. Кингисеппу.

Таким образом, власть перешла в руки советов при поддержке всего трудового народа Эстонии. Буржуазия не имела сил для открытых выступлений: она ограничивалась лишь саботажем. В Ревеле большинство городской думы на заседании 27 октября отказалось признать новую власть. 28 октября началась забастовка чиновников почты и служащих телефона и телеграфа. Забастовщики требовали увольнения комиссара Военно-революционного комитета. После ареста контрреволюционных подстрекателей служащие снова приступили к работе.

Быстрая победа пролетариата в Эстонии имела весьма серьезное значение для исхода борьбы в Петрограде. Керенский и генерал Краснов, сосредоточив в Гатчине контрреволюционный отряд, строили свои дальнейшие планы в расчете на помощь контрреволюционных частей из Ревеля и с фронта. Но Военно-революционный комитет запретил двум казачьим полкам, вызванным Керенским и Красновым, выезжать из Ревеля. Органы Военно-революционного комитета в Нарве и Юрьеве получили распоряжение воспрепятствовать выезду из Везенберга 49-го корпуса и других контрреволюционных частей. Для контроля над выполнением этих распоряжений выехал из Ревеля Кингисепп. Он был арестован контрреволюционным командованием в Тапсе, но через 24 часа освобожден революционными солдатами.

Латвийские национальные части в Валке не пропустили шедшие с фронта контрреволюционные войска. Белые части, стоявшие между Ревелем и Гатчиной, не чувствуя за собой надежного тыла, колебались. Керенский и Краснов потерпели поражение.

Мятеж Краснова—Керенского был поддержан эстонской буржуазией. За агитацию в пользу Керенского были запрещены 1 ноября все эстонские буржуазные газеты.

15 ноября был образован Эстонский краевой исполком, который стал проводить в жизнь декреты II Всероссийского съезда советов о национализации банков, национа-

лизации земли, о рабочем контроле над производством и распределением и т. д.

Были проведены мероприятия по улучшению быта трудящихся. При содействии присланных из городов красногвардейских отрядов все помещичьи имения были национализированы и переданы в ведение батрацких комитетов.

Батрацким комитетам помогали передовые рабочие, присланные с фабрик и заводов.

Расширена была система советов. До октябрьских дней советы существовали лишь в крупных населенных пунктах (в городах, промышленных местечках и поселках). Теперь были созданы на основе прямых выборов уездные советы. Право избирать в них имели батраки и малоземельные.

Большевистская организация созвала в Ревеле несколько совещаний и конференций батраков, безземельных и малоземельных крестьян. Некоторые руководители эстонской организации, извращая партийную линию в аграрной политике, забыли, что необходимо было для улучшения экономического положения крестьянства немедленно передать часть помещичьей земли в пользование малоземельным и безземельным крестьянам. Коммунисты Эстонии, как и коммунисты Латвии, недооценили серьезность этой задачи. Впоследствии Ленин, критикуя советское правительство Венгрии за аналогичные ошибки в аграрной политике, говорил, что «установление пролетарской диктатуры почти ничего не изменило в венгерской деревне» и «пленщики ничего не заметили, а мелкое крестьянство ничего не получило»¹.

Несмотря на эти ошибки эстонских коммунистов, трудовой народ Эстонии шел за большевистской партией, как за единственной партией революции. Об этом свидетельствуют выборы во Всероссийское учредительное собрание, проведенные в ноябре 1917 года. На выборах большевистская партия получила 40% голосов и провела 4 депутатов, то есть столько, сколько все буржуазные и соглашательские партии, вместе взятые. Меншевики собрали 3% общего числа голосов.

Эстонская буржуазия не складывала оружия. Она была твердо убеждена, что Учредительное собрание разгонит советы и возьмет всю власть в свои руки. Не дожидаясь, пока это произойдет, антидемократический, избранный по старым, царским законам Земский губернский совет 15 ноября объявил себя «носителем верховной власти в Эстонии». Но этот «носитель верховной власти» просуществовал недолго. Когда рабочие узнали о контрреволюционном выступлении Земского губернского совета, они

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 358—359.

сейчас же прекратили работу, но призыву своего вождя Виктора Кингисеппа вышли на улицу и разогнали самозваную «власть».

После 15 ноября были везде ликвидированы земские учреждения, их функции перешли к советам. Председатель Губернского земского совета Пяте был арестован за «утерю» важных документов.

Ни буржуазные политики, ни меньшевики Эстонии не требовали ее полного отделения от России, пока у власти стояло буржуазное Временное правительство. Не двигали они этого требования и в первые месяцы существования советской власти, пока не рассеялись их иллюзии относительно «непрочности» советского строя в России. Но в январе 1918 года, после роспуска Учредительного собрания, эстонская буржуазия убедилась, что ее надежды на близкое восстановление капиталистического строя в России призрачны. Эстонские буржуазные политики и их «социалистические» подполски решили, что им легче будет добиться восстановления капитализма в «независимой» Эстонии, чем уничтожить советский строй в Эстонии, входящей в состав Российской Советской Республики. Поэтому после роспуска Учредительного собрания эстонская буржуазия выдвинула лозунги демократической республики и «независимости» Эстонии, ее отделения. Эти лозунги были для буржуазии лишь фигурным листком, которым она маскировала свои классовые интересы, пытаясь придать «национальную» окраску своей борьбе против трудового народа. «Независимость» Эстонии, то есть ее отделение от Советской России, имела для эстонской буржуазии один смысл: полную зависимость страны от иностранных империалистов, превращение ее в плацдарм для борьбы против советской власти в России.

У эстонской буржуазии не было реальной силы для осуществления этого лозунга. Поэтому она ориентировалась на иностранную помощь. Начались сношения контрреволюции с историческими врагами всего эстонского народа — балтийскими баронами. Следуя инструкциям кайзеровского генерального штаба, немецкие бароны и пасторы стали собирать среди эстонского населения подписи под ходатайствами о «приглашении» германских войск. Этому изменническому делу активно помогали некоторые организации эстонской кулацкой партии — Земельной лиги. Агитация за «приглашение» германских войск нашла поддержку у контрреволюционной части интеллигенции и у части руководителей буржуазных и социал-демократических партий. В то же время представители «левых» буржуазных партий связались с пра-

вительствами стран Антанты через их послов в Петрограде, добиваясь от них помощи против советов.

Органы советской власти разоблачили предательство балтийского дворянства. Бароны были почти поголовно арестованы. Но эстонскую буржуазию это не остановило. К кайзеровскому правительству и командованию являлись с просьбами о помощи делегации от эстонских землевладельцев, домовладельцев, буржуазных общественных организаций и т. д.

В это время в Брест-Литовске шли мирные переговоры. Германская делегация не претендовала на всю эстонскую территорию: она требовала лишь уже занятые немецкими войсками Моонзундские острова. Если бы советская делегация в тот момент подписала мирный договор, как этого требовали Ленин и Сталин, советская власть в Эстонии могла бы устоять. Но предатель Троцкий 10 февраля прервал переговоры, не подписав мира. Командование кайзеровской Германии, получив свободу рук, готовилось к наступлению.

В ночь с 17 на 18 февраля командир первого эстонского полка в городе Гапсале послал офицера к немецкому командованию в Аренсбург, на острове Эзеле. Офицер заявил немцам, что первый эстонский полк после очищения от отдельных ненадежных элементов подчинится германскому командованию в случае, если оно оккупирует Эстонию».

Когда оккупационные войска 18 февраля заняли Гапсал, командир германского отряда и полковник Пыддер подписали договор о «сотрудничестве» эстонских частей с германскими.

В то время как эстонская буржуазия предавала свой народ, трудящиеся Эстонии под руководством большевиков стали на защиту своей родины.

22 февраля 1918 года Совет народных комиссаров Российской Советской Республики объявил социалистическое отечество в опасности. В тот же день исполнительный комитет советов Эстонии выпустил воззвание, в котором призывал трудящихся вступать в Красную Армию, чтобы дать отпор оккупантам.

За дело создания вооруженных сил Советской Эстонии взялся Виктор Кингисепп. Он организовал из расформированных национальных частей и бывших красногвардейцев первый Красный Ревельский полк; красногвардейские отряды были созданы почти при каждом предприятии Эстонии.

Кингисепп возглавил сопротивление оккупационным войскам. Красногвардейцы и матросы Балтийского флота уверенно сражались против войск кайзеровской Германии.

В крупном сражении при станции Кейла (40 километров югозападнее Ревеля)

23 февраля красногвардейские части были разбиты. Командант Ревельской крепости требовал для защиты Ревеля 2 тысячи бойцов. Войск такой численности у советской власти не было. Оставалось одно — отступить. Началась эвакуация на кораблях¹.

Президиум разогнанного рабочими Губернского земского совета создал «Комитет спасения», а тот в свою очередь — «Временное правительство» из 13 министров во главе с Пятеом.

Новое «правительство» немедленно послать к оккупационным войскам делегацию с просьбой поременить с занятием Ревеля до тех пор, пока город не будет «очищен» окончательно от красных и пока «Временное правительство» не подготовит достаточное количество квартир для приема «гостей».

Эстонская буржуазия была заинтересована в том, чтобы германские войска заняли Ревель только после объявления Эстонии «независимой республикой». Эта махинация была нужна «Временному правительству» для того, чтобы выступить перед оккупационными властями от имени всей страны.

Утром 25 февраля пасторы во всех ревельских церквях читали манифест эстонского «Временного правительства», которым Эстония объявлялась «независимой демократической республикой». Днем, ровно в 12 часов, в Ревель прибыли первые отряды германских оккупационных войск².

¹ Суда Балтийского флота, стоявшие в Ревеле, ушли в Гельсингфорс. На них спаслись от угрожавшей им кровавой расправы 3 тысячи партийных и советских работников. В Гельсингфорсе советские военные корабли оставались недолго. Чтобы спасти свои суда от выдачи их германским оккупантам, красные моряки предприняли беспрецедентный в истории мореплавания переход через замерзший Финский залив. Поход совершался в необычайно тяжелых условиях: с минимальными запасами угля, воды и продовольствия, с ничтожными по численности командами (например на отдельных миноносцах вместо 100 человек, полагавшихся по штату, было по 8—12), без ледоколов. Герон-балтийцы преодолели все трудности. 211 советских военных кораблей были приведены в Кронштадт и тем самым спасены от разоружения и плена. «Ледовый поход» Балтийского флота — одна из самых славных страниц истории советского Военно-Морского Флота.

² Позорную роль во время германской оккупации сыграли предатели эстонского народа, бывшие тогда членами партии большевиков, председатель Ревельской городской управы Вельман и член городской управы Янсон. Они передали дела и денежные средства городской управы оккупантам.

Период кайзеровской оккупации был одним из самых тяжелых в истории эстонского народа. Лучшие сыны народа были вынуждены покинуть свою родину. Над теми, кто остался, оккупационные войска при содействии эстонской буржуазии творили кровавую расправу.

Предприниматели уничтожили права, завоеванные рабочими во время революции. Из предприятий были уволены все «неблагонадежные» рабочие. Помещики получили обратно свои земли и установили для батраков такой режим бесправия, какого не помнили старожилы. Вновь стал действовать отмененный еще до революции закон 1866 года, по которому помещные округа со своей вотчинной полицией были превращены в самостоятельные административные единицы.

Вся Эстония была подчинена германскому генеральному штабу. Над ней властвовал генерал-командант. На нужды кайзеровской армии выколачивалось все, что только было возможно. Вывезли не только продукты питания, сырье, полуфабрикаты и т. д., но и производственное оборудование. Вследствие грабительской политики оккупантов сократилось количество рабочих: в 11 крупных промышленных предприятиях Ревеля число рабочих с февраля по июнь 1918 года сократилось с 20 480 до 3300. Остались без работы 10 тысяч рабочих, работавших на строительстве Ревельской крепости. Оккупационные власти не щадили и эстонских кулаков. Весной, во время сева, оккупанты отбирали во многих местах 20% семян. Из Эстонии за время оккупации было вывезено 3,6 миллиона пудов картофеля.

Оккупационные власти не считались и с интересами эстонской буржуазии. Эстонские национальные части были разоружены и распущены, везде был введен в качестве «официального языка» немецкий язык, эстонская интеллигенция всячески притеснялась. Несмотря на все это эстонская буржуазия все еще не переставала мечтать о сотрудничестве с оккупационными властями. «Временное правительство» Эстонии обратилось к германскому главнокомандующему с нотой, в которой ссылалось на международное право и выражало желание сотрудничать с оккупационными властями. В своем ответе, адресованном Пятеу, главнокомандующий заявил, что никакого «Временного правительства» в Эстонии нет, и запретил употребление этого термина.

Когда положение Германии на Западном фронте резко ухудшилось, эстонская буржуазия, не сомневаясь в том, что англо-франко-американский блок выйдет из вой-

ны победителем, взяла курс на Антанту. Уже в начале 1918 года буржуазные эстонские деятели социал свое представительство в Петербурге для связи с антантовскими дипломатическими миссиями. В середине февраля это представительство получило от английского правительства сообщение, что Великобритания «признает Земский совет полномочным представителем эстонского народа». В мае 1918 года Англия признала «независимость» Эстонии и приняла полуофициального дипломатического представителя эстонского «Временного правительства». То же сделали Швеция и Италия. Франция согласилась признать «независимость» Эстонии в том случае, если эстонское «правительство» признает часть прихитившихся на долю Эстонии царских долгов.

Деятельность представительства эстонского «Временного правительства» в Петербурге далеко не ограничивалась одними дипломатическими сношениями. Один из деятелей этого представительства, генерал Лайдонер, был тесно связан со шпионскими организациями в эстонских частях Красной Армии. Лайдонер создал эстонский легион, вошедший в состав английской интервенционной армии в Мурманске, и посылал эстонских офицеров на службу к Колчаку, Деникину и Скоронадекову.

На перемену внешнеполитической ориентации эстонской буржуазии германские оккупационные власти ответили репрессиями. В августе были арестованы Пяте и ряд других видных деятелей буржуазных партий.

Росло возмущение эстонского народа оккупационным режимом и предателями родины. Коммунистическая партия Эстонии организовывала массы для решительной борьбы с интервентами и внутренними врагами родины. Работать ей пришлось в очень трудных условиях. Вследствие террора оккупантов были перебиты старые партийные кадры. Количество рабочих в одном лишь Ревеле упало с 40 тысяч до 5—8 тысяч. $\frac{9}{10}$ старых, кадровых рабочих ушли в Советскую Россию, или раз'ехались по деревням, или просто временно перестали быть рабочими — деклассировались.

Несмотря на все это эстонским коммунистам уже в октябре удалось создать довольно сильную повзрослевшую партийную организацию, насчитывавшую 400 членов.

Находясь в глубоком подполье, эстонские коммунисты завязали тесные связи со всеми более или менее крупными промышленными предприятиями и с солдатами оккупационных войск. Ревельский комитет партии выпускал революционные листовки на эстонском и немецком языках. Эта работа принесла свои плоды: за не-

сколько дней до революции в Германии начались продовольственные беспорядки в Ревеле. 8 ноября ревельские рабочие объявили всеобщую забастовку и вышли на демонстрацию. По всему городу происходили митинги.

Революция в Германии оказала свое воздействие на оккупационные войска. Немецкие патрули, высланные для разгона рабочих, часто сами спокойно слушали ораторов. 9 ноября, в день свержения Вильгельма II, германские матросы подняли на военных кораблях в Ревельском порту красные флаги. На следующий день были произведены выборы в немецкий совет матросских и солдатских депутатов, к которому фактически перешла власть. Однако этот совет, как и тогдашние советы в Германии, руководимые социал-демократами, не стал руководителем революции. Он, как сказал товарищ Сталин о советах в Германии, прикрывал контрреволюцию против революции¹.

По отношению к эстонскому трудовому народу этот совет продолжал политику бывших оккупационных властей. Зато он взял под свое покровительство эстонскую буржуазию и ее орган — «Временное правительство», которое с 11 ноября по соглашению с командующим оккупационными войсками генералом Зеккендорфом стало опять функционировать. По соглашению с «Временным правительством» немецкий совет матросских и солдатских депутатов принял на себя «наблюдение за порядком» в Эстонии. Этот совет согласился оставить в Нарве отряд оккупационных войск, чтобы задержать эстонских красных гвардейцев, собиравшихся вернуться на родину. Он щедро снабжал эстонские буржуазные добровольческие отряды оружием, в том числе и броневиками. За эти услуги эстонское «Временное правительство», которое тогда еще никакой действительной власти не имело, обещало совету не препятствовать эвакуации германских войск, несмотря на то что они «эвакуировали» эстонское народное имущество.

В то время как эстонская буржуазия, стремясь спасти свое классовое господство, оставила население беззащитным перед произволом отступавших иноземных войск, пролетариат Эстонии решительно встал на защиту интересов народа. Чтобы воспрепятствовать вывозу народного достояния германскими войсками, рабочие устраивали забастовки, отказывались выполнять распоряжения властей.

В середине ноября 1918 года прибыл в Ревель вождь эстонского пролетариата Виктор Кингисепп. Он возглавил борьбу эстонского народа против буржуазии. Под его

¹ См. Н. Сталин «Вопросы Ленинизма», стр. 404. 11-е изд.

Коммунистический стрелковый полк идет на передовые позиции. Эстония. 1919 год.

Музей революции СССР.

руководством рабочие создали Ревельский совет рабочих депутатов, осуществили 8-часовой рабочий день, ввели политические свободы. Орган КПЭ «Коммунист» стал выходить легально. 12 ноября рабочие вышли на уличную демонстрацию под лозунгом «Долой Временное правительство!» Демонстранты требовали от оккупационных властей возвращения отнятого у народа имущества. Демонстрация была разогнана оккупантами.

Тот факт, что «Временному правительству» на второй день своего существования пришлось защищаться от своего народа при помощи иностранных штыков, показал, что долго продержаться собственными силами оно не сможет. «Правительство» само прекрасно это понимало. Поэтому оно открыто заявило рабочим, что на смену немцам придут англичане.

4

В первые же дни ноябрьской революции в Германии Советская Россия аннулировала грабительский Брестский мирный договор (13 ноября 1918 года).

ВЦИК по этому поводу заявил в своем обращении, что народы оккупированных областей призваны отныне сами решать свою судьбу. Далее обращение призывало «трудящиеся массы этих областей к братскому союзу с рабочими и крестьянами России...» Оно обещало им «полную, до конца илущую, поддержку в их борьбе

за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян»¹.

Рабочий класс Эстонии горячо откликнулся на это обращение. 19 ноября 1918 года Ревельский совет рабочих депутатов принял обращение к российскому пролетариату, где говорилось, что эстонская буржуазия, приглашая в страну английские войска, готовит эстонскому народу новые цепи. «Эстонская буржуазия, — подчеркивалось в обращении, — предала нас иностранным насильникам, но эстонские трудящиеся протягивают свою братскую руку русскому трудовому народу для борьбы против общего врага».

Большевики-эстонцы, находившиеся в Советской России, готовились помочь освободительной борьбе своего народа. Летом из эстонских красногвардейцев, прибывших в Советскую Россию, стали создаваться эстонские войсковые единицы, которые впоследствии развернулись в эстонские коммунистические полки.

22 и 28 ноября эстонские красные полки выдержали под Нарвой первые сражения с германскими оккупационными войсками. В дальнейшем германские войска в боях уже не участвовали.

25 ноября Красная Армия разбила русский белогвардейский так называемый северный корпус. Этот корпус был создан кайзеровской Германией в Пексве для борьбы против Советской России. Потерпев

¹ «Борьба за мир», стр. 53. Издана М. и Л. 1932.

решительное поражение в Пскове, корпус отступил в Эстонию, грабя по дороге местное население. Только под Юрьевом корпусу удалось вместе с белоэстонскими отрядами организовать сопротивление красным войскам. Но в это время восстал Юрьевский запасный батальон: 20 декабря он занял город и встретил огнем белую часть. Белоэстонцы отступили от города, оставив 70 паровозов, 800 вагонов, много снарядов и возмущения. Красноармейские части вошли в город лишь на следующий день.

29 ноября, на следующий день после занятия Нарвы, по постановлению Эстонского революционного комитета была образована Эстонская Трудовая Коммуна.

Совет народных комиссаров РСФСР немедленно признал независимость Советской Эстонии. В своем манифесте Совет Эстонской Трудовой Коммуны обещал после освобождения Эстонии восстановить советы и созвать съезд советов трудящихся для передачи ему всей власти в Эстонии.

Так начался второй период советской власти в Эстонии.

Трудящиеся Эстонии с восторгом встретили восстановление советской власти. Молодежь массами добровольно вступала в Красную Армию.

Совет Эстонской Трудовой Коммуны национализировал все крупные промышленные и торговые предприятия и землю. Работа на них возобновилась; на тех предприятиях, где предприниматели еще до восстановления советской власти перестали выдавать заработную плату, рабочие получили ее полностью. Заработная плата была повышена, условия труда улучшены. Правительство взяло на учет все продукты питания. Покинутые буржуазией дома и квартиры были взяты под охрану государства.

Чтобы облегчить положение трудового крестьянства, советская власть Эстонии приостановила всякие арендные и долговые платежи. Был проведен и ряд культурных мероприятий. Вся эта опрямная работа, проделанная за несколько недель, оказалась успешной потому, что трудящиеся массы энергично помогали своему правительству, проявляя большую творческую инициативу.

Трудящиеся всеми способами разрушали тыл белых. В Ревеле, «в порту, — как писал буржуазный деятель Лааманн, — на канонерке идет агитация за то, чтобы поднять красный флаг и бомбить город». На военных предприятиях рабочие отказывались ремонтировать броневики белых или снимали с них части. Около завода «Двигатель» рабочие сломали мост, чтобы задержать бронепоезд. На фабрике Порт-Кунде отряд рабочих открыл ружейный огонь

по команде бронепоезда. Когда весть о падении города Раквера дошла до Ревеля, рабочие 17 декабря прекратили работу и вышли на улицу. Демонстрация шла под лозунгом «Вон англичан!» (Англичане хозяйничали в Ревельском порту с 12 декабря.) Белогвардейцы открыли по демонстрантам огонь, убили двух и ранили четырех рабочих.

Благодаря сочувствию трудового народа Эстонии к советской власти буржуазии вначале не удалось создать более или менее значительные военные силы. Буржуазные «отряды самозащиты» появились уже осенью. Оккупационные власти, а затем Финляндия и Англия щедро снабжали их оружием, но эти отряды были немногочисленны и мало боеспособны. Наиболее серьезную военную силу представляли бронепоезда, на которых почти половина команд состояла из бывших офицеров.

Попытка буржуазии создать массовую армию на основе мобилизации потерпела вначале крах. Добровольческие мобилизации, от которых надеялись получить около 25 тысяч солдат, дали лишь несколько сот человек.

После этого была объявлена принудительная мобилизация, которая, «по крайней мере на бумаге, — как заявил премьер-министр Пяте, — до сих пор дала 12 тысяч человек».

Только угроза наказания 15 годами каторги заставляла военнообязанных являться на сборные пункты. Мобилизованные массами дезертировали с фронта в военном обмундировании.

Эстонская буржуазия и ее верная прислужница — социал-демократия — были готовы пойти на любое предательство общенациональных интересов эстонского народа, лишь бы сохранить свое классовое господство.

Губернский земский совет на закрытом заседании 27 декабря 1918 года постановил послать делегацию к английскому адмиралу Сликкеру с просьбой оккупировать Эстонию. Это предложение было передано английскому правительству на следующий день. Но правительство Ллойд-Джорджа, опасаясь недовольства английских рабочих, не решилось принять предложение Губернского земского совета.

«Таким образом, — как метко указывал Кингисепп, — буржуазная Эстония осталась «самостоятельной и независимой» против желания ее создателей»¹.

Дипломаты «Временного правительства» объезжали все европейские страны, согла-

¹ См. В. Кингисепп «Под игом независимости», стр. 35—37. На эстонском языке.

паясь за малейшую военную помощь против большевиков удовлетворить любые требования империалистов. «Большим дипломатом» стал и бывший маляр, тогдашний лидер эстонской социал-демократии, Мартна. Используя свои партийные связи, он вел переговоры с «социалистическими» министрами, которые тогда имелись почти во всех империалистических государствах, писал статьи в социал-демократических газетах, выступал на собраниях рабочих и конференциях II Интернационала, везде доказывая, что помощь эстонской буржуазии еще не означает вмешательства во внутренние дела России. Не кто иной, как Мартна, прибыл в Ревель с первыми английскими кораблями 12 декабря 1918 года.

Господство английского флота в Финском заливе в известной мере определило исход гражданской войны в Эстонии. Главнокомандующий эстонской армией генерал Лайдонер писал об этом: «Если бы в декабре 1918 года не прибыл в Ревель английский флот, судьба нашего народа стала бы совершенно другой, чем она стала теперь, — мы попали бы в водоворот большевизма. И я уверен, что и судьба других стран Прибалтики была бы другой, чем теперь».

Английский флот снабжал эстонскую сухопутную армию оружием и боеприпасами.

Белофинское маннергеймовское правительство дало эстонскому «Временному правительству», кроме военного снаряжения, займы на 10 миллионов марок и послало в Эстонию добровольческие отряды в количестве 7—8 тысяч человек, из которых в первых числах января прибыли в Ревель 2 тысячи.

Министр финансов эстонского правительства дал следующую оценку финляндской помощи, выступив на заседании Губернского земского совета в марте 1919 года: «Нало прямо сказать, что если бы мы не получили от Финляндии денежной и военной помощи, то мы вряд ли сидели бы сегодня здесь».

Балтийскую бароны организовали так называемый Балтийский батальон, состоявший из помещиков, их управляющих и лесничих, и пожертвовали 1 миллион марок на армию. 6 декабря при содействии английского консула перешел под эстонское командование разбитый Красной Армией в Пекове русский белогвардейский северный корпус.

В то время как эстонская буржуазия при активной помощи международной контрреволюции создавала свои вооруженные силы, Совет Эстонской Трудовой Коммуны и красное командование действовали медленно и недостаточно решительно. Организация тыла была слаба. Правитель-

ство ЭТК заповедало с приказом о мобилизации, которая была проведена уже после отступления лишь в южной части Эстонии. Недостаточна была связь между частями, а также между сухопутными войсками и флотом.

Медленное продвижение вперед красных частей облегчило возможность международной контрреволюции оказать помощь эстонской буржуазии. Эта помощь подняла боеспособность отступавших к Ревелю антисоветских частей. 6—7 января 1919 года, когда Красная Армия была в 25 километрах от Ревеля, белоэстонцы перешли в наступление, которое было поддержано бронепоездами, а с моря — английским флотом. Им удалось 9 января прорвать фронт красных. Белоэстонско-финский десант под Нарвой угрожал отрезать красным путь отступления. Части Красной Армии быстро отходили и остановились только за рекой Нарвой.

Это решило судьбу второго советского правительства Эстонии. В отличие от первого советского правительства, которое просуществовало в продолжение 3½ месяцев на всей территории Эстонии (за исключением Моеизундских островов, оккупированных немцами), второму советскому правительству не удалось распространить свою власть на всю территорию страны. Столица Эстонии, Ревель, оставалась в руках контрреволюции. В Нарве советская власть продержалась всего 1½ месяца, а в Юрьеве — 2 недели.

Причины второго поражения советской власти в Эстонии прежде всего заключались в благоприятной для буржуазии международной обстановке. Окончание первой мировой империалистической войны развязало руки международной контрреволюции. В странах Антанты еще не успело развернуться революционное рабочее движение. Это дало возможность интервентам блокировать страну социализма, создать интервенционистские армии для вторжения в нее и щедро помогать всем антисоветским силам, в том числе и эстонской буржуазии. Малая Советская Россия, еще слабая в военном отношении, окруженная кольцом белогвардейцев и интервентов, еще не в состоянии была оказать достаточную помощь эстонскому трудовому народу.

Большую роль в поражении советской власти в Эстонии сыграли социал-социал-демократические партии. Уже 9 ноября 1918 года «социалистический» министр Кестнер заявлял рабочим, что им «так или иначе приходится признать Временное правительство... так как оно уже признано союзниками, которые в ближайшее время оккупируют страну».

Броценоезд коммунистической дивизии. Эстония. 1919 год.

Музей революции СССР.

Социал-демократы и Эстонская трудовая партия обманывали трудящихся наглой демагогией. Они обещали, что Эстонское учредительное собрание, выборы в которое должны были состояться в апреле, осуществит «социализм на основе закона». Они пытались доказать эстонскому народу, что ему в настоящее время выгоднее быть в союзе с капиталистическими странами Запада чем с Советской Россией и утверждали, будто только капиталистические страны смогут дать Эстонии хлеб. Эта злостная пропаганда в условиях хозяйственной разрухи, созданной оккупационным режимом после первого поражения советской власти в Эстонии, нашла отклик среди отсталых слоев эстонского крестьянства, которое не было завоевано полностью на сторону советской власти.

Создание прочного союза рабочего класса и крестьянства было затруднено также промахами руководства Эстонской Трудовой Коммуны. В решающий момент борьбы, весной 1919 года, когда советская власть сохранилась только в южной части Эстонии, советы в порядке принуждения создали несколько крестьянских коммун, что противоречило ленинско-сталинской аграрной политике. Выступление одного из руководителей народного хозяйства Эстонской Трудовой Коммуны против принятой на VIII съезде РКП(б) новой программы партии, требовавшей привлечения среднего крестьянства на сторону рабочего класса, лило воду на мельницу троцкистских провокаторов, срывавших союз рабочего класса и крестьянства.

Буржуазные партии и социал-демократы между тем умело обманывали народные массы, щедро давая всякие демагогические обещания. Среднее крестьянство пошло за трудовиками и социал-демократами и таким образом превратилось на вре-

мя из союзника пролетариата в резерв буржуазии.

Мелкобуржуазные партии получили на выборах в Учредительное собрание абсолютное большинство.

Эстонской буржуазии в союзе с международной конгрессионной удалось, несмотря на героическую борьбу революционных рабочих и крестьян Эстонии, вернуть себе власть. Красноармейские части были вытеснены на территорию Советской России. Внутри страны буржуазия при активной поддержке социал-предателей учинила кровавую расправу над рабочими. Ревельский совет рабочих депутатов был разогнан, деятельность профсоюзов фактически прекратилась, военно-полевые суды работали беспрерывно, вынося смертные приговоры и посылая на долготлетнюю каторгу революционных рабочих. По словам Кингисепина, жертвами белого террора за период гражданской войны пало свыше 2 тысяч лучших сынов трудового народа Эстонии.

5

Однако героическая борьба авангарда рабочего класса Эстонии не прекратилась. Отдельные боевые и упорные антиправительственные выступления (например крестьянские восстания на островах Эзель и Моон во второй половине февраля 1919 года и ряд выступлений в армии) показали волю к борьбе лучших слоев эстонского народа. Эти выступления уже не могли изменить основную линию развития событий. Но они заставили Учредительное собрание, где «левые» эсеры, социал-демократы и трудовики имели 77 мест из 120, провести ряд реформ, чтобы в какой-то мере удовлетворить требования народных масс.

Если бы эстонское правительство защищало интересы своего народа, оно немедленно заключило бы мирный договор с советской властью как единственной властью в России, которая не на словах только, но и на деле признает право народов на самоопределение вплоть до отделения. Но эстонская буржуазия в угоду Антанте пожертвовала национальными интересами страны, жизненными интересами эстонского народа, которым война с Советской Россией наносила громадный ущерб. Эстонское правительство в середине мая 1919 года заявило, что «Эстония не может заключить мир без согласия Антанты». В интересах Антанты эстонское правительство уж в начале 1919 года организовало из белогатышей, живших в Эстонии, белые части в Юрьеве и Перну. Весной 1919 года оно начало военные действия против Советской Латвии. Этим оно фактически помогло немецким «добровольческим отрядам» установить в Латвии в мае 1919 года власть балтийских баронов. В интересах Антанты эстонское антинародное правительство не только разрешило на своей территории формировать северозападную армию Юденича, но создало для этой армии нигерманландские части. Оно поддержало походы Юденича на Петроград и нападение английского флота на Кронштадт.

Только давлением эстонских рабочих и солдат, которое приняло грозный для буржуазии характер после поражения второго похода Антанты, и возросшая мощь Красной Армии заставили эстонское правительство подписать в феврале 1920 года мирный договор с Советской Россией. Это был первый мирный договор, заклю-

ченный Советской Россией с буржуазным государством. Советская Россия явилась первым государством, которое на деле признало право эстонского народа на самоопределение вплоть до отделения.

Однако эстонская буржуазия, выполняя волю империалистов Антанты, несмотря на заключение мира провоцировала обострение отношений с Советской Россией. Это очень резко отразилось на экономике Эстонии, которая была тесно связана с народным хозяйством России. Диктатура буржуазии привела к тому, что от хорошо развитой судостроительной промышленности Эстонии почти ничего не осталось, от машиностроительной промышленности сохранились жалкие остатки. Сельское хозяйство из-за отпадения русского рынка переживало хронический кризис. Все это привело к сильнейшему снижению жизненного уровня трудящихся масс Эстонии, к обнищанию рабочих и трудящихся крестьян.

Эстонский народ в условиях чудовищного белого террора боролся за лучшее будущее в полной уверенности в близком освобождении от помещичье-капиталистического ига и воссоединении с Советским Союзом.

Эти надежды сбылись. В 1940 году эстонский трудовой народ в третий раз, и на этот раз окончательно, освобождается от своих угнетателей. Трудящиеся Эстонии, став гражданами СССР — социалистического государства рабочих и крестьян, самой мощной державы мира, — навеки избавлены от классового и национального угнетения. В дружной семье народов СССР они под руководством партии Ленина — Сталина строят бесклассовое общество.

И. Шифман

Лев Николаевич Толстой

(К 30-летию со дня смерти)

Художественный гений Л. Н. Толстого принадлежит к числу самых выдающихся явлений мирового искусства. История русской и мировой литературы знает мало писателей, которые по своей художественной силе, по всеобъемлющему и бесстрашному реализму могли бы стать вровень с Толстым.

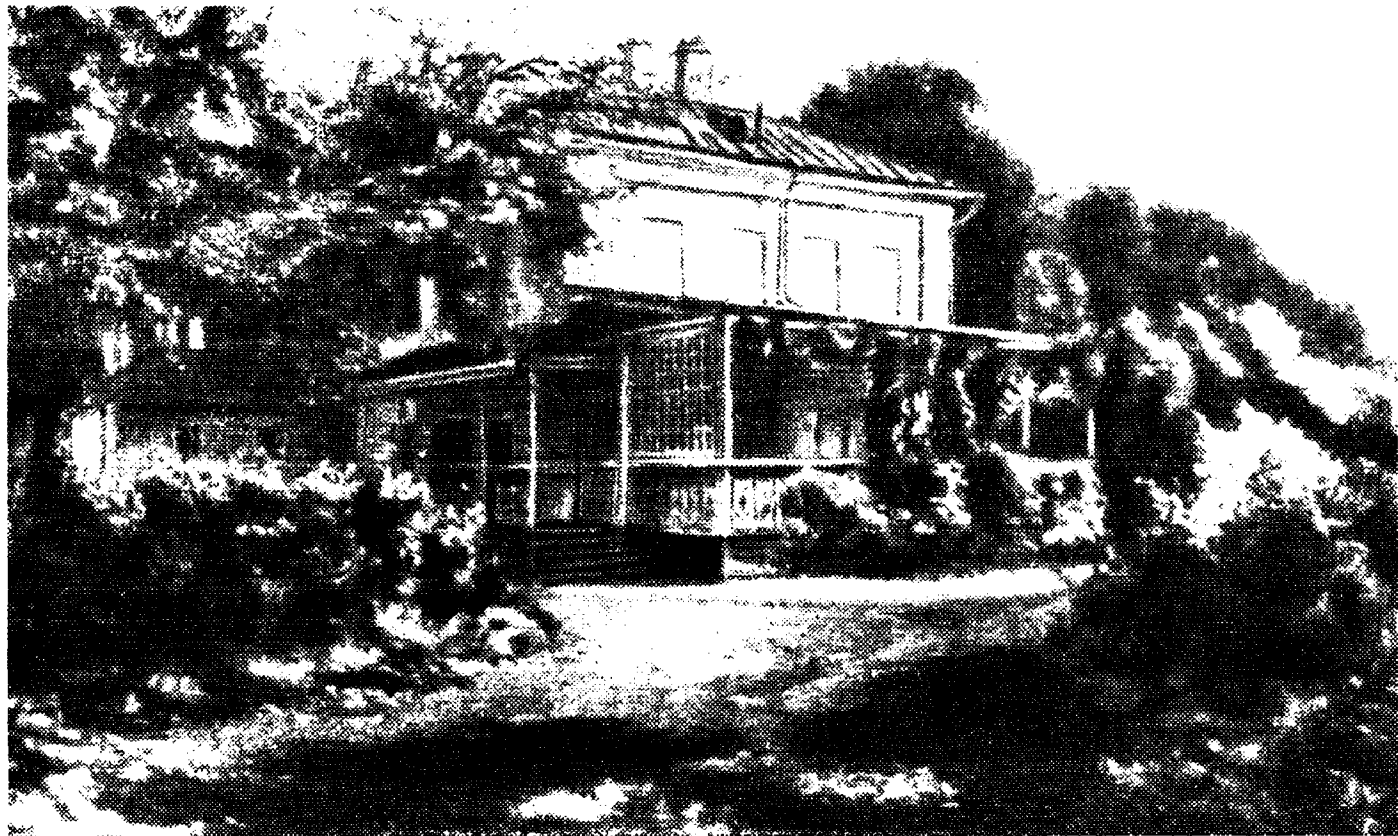
Глубокий мыслитель и художник, борец за правдивое, народное искусство, он отразил в своих произведениях самые существенные черты своей эпохи, самые глубокие противоречия своего времени. Тем самым он смог подняться до небывалых вершин художественного мастерства и занять одно из первых мест в мировой художественной литературе.

Эпоха, в которую жил и творил Толстой, отмечена двумя выдающимися датами в истории общественного развития России: 1861 годом, годом отмены крепостного права, и 1905 годом, годом первой русской революции. Именно в это время сложился Толстой как художник. Исторические особенности этого периода стали основным содержанием его творчества. Между этими датами лежит почти полувековая эпоха коренной ломки феодальных отношений в России, период наступления капитализма и подготовки первой русской революции.

Под напором наступающего капитализма трещала по всем швам старая, патриархальная деревня. Не успев вырваться из огня крепостнической кабалы, деревня попала в полыхающую капиталистическую эксплуатацию. На нее надвигался «...новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одиночество, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат и прекращением на русскую почву самонавеиших приемов грабежа, выработанных господином Купцом»¹.

Особенность этой исторической полосы заключалась в своеобразной борьбе и одновременно в «сочетании» новых, буржуазных отношений с остатками крепостничества в деревне, в мучительном процессе ломки и крушения старых, патриархальных устоев, в бурном и страстном протесте, который зрел в народе как следствие многих лет крепостной кабалы и капиталистической эксплуатации. И это историческое своеобразие эпохи со всеми ее особенностями и противоречиями выразил в своих произведениях Лев Толстой.

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 401.

«Дом Л. Толстого в Ясной Поляне».

С картины В. Батурина.

В своих статьях о Толстом Владимир Ильич показал, чьи идеи и стремления, чей протест отразил Толстой в своей критике существующего строя. «Критика Толстого, — писал Ленин, — отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, безземной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроению так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого»¹.

В своем страстном обличении современных ему порядков Толстой выразил настроения наивного патриархального крестьянина; его психологию он перенес в свою критику, в свое учение. Но реакционные идеи Толстого, его замыслы сталкивались при осуществлении с великим художественным гением Толстого-реалиста. И отсюда те противоречия, которые пронизывают все творчество Толстого.

Ленин, высоко оценивая значение Толстого как гениального художника, давшего «не только неравные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы», подчеркивал «кричащие» противоречия его творчества. «С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая притча «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, притча одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место пелов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т.-е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной пошлости»².

Литературное наследие Толстого является замечательной художественной историей эпохи становления буржуазных отношений в России и подготовки первой русской революции — историей, отражающей все сильные и слабые стороны этой революции.

1

Л. П. Толстой родился 28 августа 1828 года в Ясной Поляне, под Тулой, в

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 405—406.

² Ленин. Соч. Т. XII, стр. 332.

богатой дворянской семье. Рано лишившись родителей, он в 1841 году переехал с семьей в Казань к тетке П. И. Юшковой, взявшей опеку над осиротевшими детьми. В 1844 году он поступил в Казанский университет, на восточное отделение философского факультета, но вскоре перешел на юридический факультет. В университете он пробыл до 1847 года и, не окончив его, уехал в Ясную Поляну, чтобы заняться сельским хозяйством и улучшением жизни своих крестьян.

Годы, проведенные в Казани, годы отрочества и юности, имели огромное значение для будущей деятельности художника. Именно в эти годы формировалось мировоззрение писателя, складывались его будущие взгляды. Сохранившийся дневник последних лет жизни в Казани, а также автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество» и «Юность» дают нам яркое представление о той глубокой и сложной внутренней работе, которая происходила в это время в молодом Толстом.

Приехав в 1847 году в Ясную Поляну с грандиозными, но юношески-наивными планами личного совершенствования и служения обществу, Толстой вплотную столкнулся с крепостнической действительностью и впервые пережил крушение своих иллюзий. В написанном впоследствии рассказе «Утро помещика» (1856) он правдиво показал, как реальные условия жизни крепостной деревни вмиг развеяли его отвлеченно-гуманистические настроения.

После нескольких лет рассеянной жизни в Москве и Петербурге Толстой уехал в 1851 году на Кавказ и вскоре поступил на военную службу. Кавказ с его величественной природой и мужественным народом, героически защищавшим свою национальную независимость, произвел на него огромное впечатление. Перед молодым Толстым впервые развернулась широкая социальная панорама военно-феодальной России. Он увидел во всей ее неприглядности колонизаторскую, несправедливую войну русского царизма против горцев.

Воспоминания собственной жизни и участие в военных действиях на Кавказе дали ему материал для первых произведений.

Еще в 1850 году начинают появляться в его дневнике записи о первых художественных замыслах. Так например 8 декабря 1850 года он отмечает в дневнике свое желание написать «повесть из цыганского быта». Несколько позже Толстой записывает о своем намерении создать книгу о жизни любимой тетушки — Татьяны Александровны Ергольской, рассказы «Сон», «История охотничьего дня» и др. Но все

Л. Н. Толстой. 1855 год.
Толстовский музей.

эти замыслы остаются неосуществленными. Молодой, начинающий писатель еще не нашел своей темы и жадно ищет ее.

Свою литературную деятельность Л. Н. Толстой начал в 1851 году с повести «Детство», опубликованной в 1852 году. Вслед за тем вышли в свет «Набег» (1853), «Отрочество» (1854), «Рубка леса» (1855) и другие ранние произведения Толстого. В Севастополе, куда он приезжает в 1854 году для участия в Крымской войне, он упорно работает над «Юностью». В Крыму же он ищет и впервые два из своих «Севастопольских рассказов», принесших ему всеобщее признание.

Уже в этих произведениях, напечатанных в «Современнике», Толстой выступает как писатель жизненной правды, как самобытный художник огромной силы. Н. Г. Чернышевский, который одним из первых оценил художественный талант Толстого, писал о нем на страницах «Современника»:

«Граф Толстой обладает истинным талантом. Это значит, что его произведения художественны, то есть в каждом из них очень полно осуществляется именно та идея, которую он хотел осуществить в этом произведении. Никогда не говорит он ничего лишнего, потому что это было бы

противно условиям художественности, никогда не безобразит он свои произведения примесью сцен и фигур, чуждых идее произведения, — именно в этом и состоит одно из главных требований художественности. Нужно иметь много вкуса, чтобы оценить красоту произведений графа Толстого; но зато человек, умеющий понимать истинную красоту, истинную поэзию, видит в графе Толстом настоящего художника, то есть поэта с замечательным талантом»¹.

«Детство», «Отрочество» и «Юность» поражают читателя правдивым изображением жизни и глубоким проникновением во внутренний мир людей. С исключительным мастерством рисует автор мысли и переживания своих юных героев, их рост и становление. Николенька и Володя Иртеньевы, Любочка, Сонечка, Катенька, их учителя и воспитатели — все они предстают перед нами со своими характерными чертами и особенностями. Каждый из этих героев глубоко индивидуален, неповторим и одновременно типичен для общественных условий того времени.

Живописуя детство своих юных героев, Толстой показал, как окружающий мир несправедливости врывается в их барскую, безмятежную жизнь. «Вы богаты — у вас есть Петровское, а мы бедные — у маменьки ничего нет», — говорит Катенька, жившая со своей матерью в имении Иртеньевых. И эти слова совершают переворот в детском уме Николеньки. «Что ж такое, что мы богаты, а они бедны?.. Отчего ж нам не разделить поровну того, что имеем?»² — рассуждает он. Эти мысли являются началом большой внутренней работы, которая приведет его позже, уже в юности, к глубоким выводам и серьезным социальным обобщениям. Разговор с Катенькой о бедности и богатстве становится рубежом между детством и отрочеством Николая Иртеньева.

Воспроизводя с большой глубиной внутреннюю жизнь своих героев, Толстой показывает не только конечные результаты их раздумий и переживаний, но, что особенно важно, и самый процесс мышления. Эта глубина психологического анализа, которая проявилась у Толстого уже в его первом произведении, была отмечена Н. Г. Чернышевским как новое явление в русской литературе. «Есть живописцы, — писал Чернышевский, — которые знамениты искусством уловлять мерцающее отражение луча на быстро катящихся волнах, трепетание света на шелестящих листьях, переливы его на изменчивых очертаниях

облаков... Нечто подобное делает граф Толстой относительно таинственнейших движений психической жизни. В этом состоит, как нам кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Из всех замечательных русских писателей он один мастер на это дело»³.

«Детство», «Отрочество» и «Юность», печатавшиеся в «Современнике» в 1852, 1854 и 1857 годах, были приняты читателями с огромным интересом. Некрасов, первым получивший рукопись «Детства», написал начинающему автору, скрывавшемуся под инициалами Л. Н. Т.: «Не зная продолжения, но могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант. Во всяком случае, направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемое достоинство этого произведения»⁴. Получив «Отрочество», он писал Толстому: «Если я скажу, что не могу прибрать выражения, как достаточно похвалить вангу последнюю вещь, то, кажется, это будет самое верное, что я могу сказать...»⁵. А после «Юности» и «Севастопольских рассказов» он провозгласил Толстого великой надеждой русской литературы и крупнейшим писателем русской земли.

2

В 1854 году Толстой переехал в Севастополь. Оборона Севастополя от объединенных сил Англии, Франции и Турции принадлежит к числу самых героических страниц истории России. Одинадцать месяцев держался севастопольский гарнизон, осажденный с трех сторон огромной армией, значительно превосходившей его по численности и боевому снаряжению.

Толстой оставался в Крыму до последнего дня обороны Севастополя. Как артиллерийский офицер, он находился на самом опасном месте — на четвертом бастионе, который подвергался особенно интенсивной бомбардировке. Севастопольской обороной и посвящены его знаменитые «Севастопольские рассказы».

Первый из этих рассказов — «Севастополь в декабре месяце» — посвящен описанию жизни защитников этого города в первые дни обороны. Автор как бы берет за руку читателя и ведет его по всем местам, где русские солдаты просто и буднично делали свое благородное патриотическое дело.

³ «Современник» № 12 за 1856 год.

⁴ Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» за 1898 год, № 2, стр. 340.

⁵ Альманах «Круг» за 1927 год, кн. 6-я, стр. 189—196.

¹ «Современник» № 12 за 1856 год.

² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 2, стр. 14. Госиздат. 1930.

Вот перед нами рыжий русский солдат, каких были тысячи и десятки тысяч во всех крымских лазаретах. О своем ранении он рассказывает просто и бесхитростно: «На 5-м бакионе, выше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, этаким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет»¹. Подшедшая женщина рассказывает о том, как этот солдат, тяжело раненый, попросил остановить носилки, чтобы посмотреть на залы наших батарей, как он просился снова на бастион, чтобы учить молодых солдат. И мы убеждаемся, что перед нами подлинный народный герой, представитель той самой солдатской массы, которая на своих плечах выдержала все ужасы непрерывных бомбардировок и своею кровью расплачивалась за преданность и бездарность высшего командования.

Из лазарета автор ведет нас на знаменитый четвертый бастион. Беспрерывный ураган огня и смерти. С ревом и визгом летят над головой чугунные ядра. Но на лицах солдат нет ни тени уныния. Спокойно и деловито, но с огромным внутренним подъемом делают они тяжелое дело войны: возводят укрепления, чинят пушки, заделывают амбразуры — и стоят у своих орудий, не уступая неприятелю ни пяди земли.

Что движет этими людьми? Какие чувства и мысли, какие побуждения лежат в основе их тяжелого, нечеловеческого труда, их потрясающего бесстрашия?

«Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, также спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди непрерывного труда, бедствия и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина»².

Причина эта — любовь к родине и ненависть к ее врагам. Только потому, что народ дрался «не за город, а за родину», невозможно было «поколебать где бы то ни было силу русского народа». «Надолго, — заключает Толстой свой рассказ, — оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»³.

Второй рассказ — «Севастополь в мае» — описывает Севастополь таким, каким он был через шесть месяцев после начала осады. Попрежнему непоколебим боевой дух русских солдат и матросов. Попрежнему проявляют они невиданный героизм в борьбе за родину. В центре внимания автора на сей раз стоит верхушка дворянского офицерства, представители военной аристократии, руководившей обороной Севастополя.

Молодой Толстой, принадлежавший по своему рождению к высшим кругам дворянства и сам офицер, прекрасно знал офицерскую среду. Пустота, чванливость, тщеславие, а главное, полная отчужденность от солдат и равнодушие к делу родины — такой предстала перед Толстым верхушка русского офицерства в Крымской войне.

Штабс-капитан Михайлов, адъютант Калугин, князь Гальцин, подполковник Нефердов, ротмистр Праскухин, юнкер барон Пест — все они принадлежат к той привилегированной касте дворян, в чьи руки была отпана судьба Севастополя и судьба родины. Но какими убогими, ничтожными выглядят они по сравнению с «вверенными» им солдатами! Офицеры, за редким исключением, озабочены личной карьерой и честолюбием. Защита Севастополя является для них, по существу, чуждым делом.

Огромное общественное значение этого рассказа состояло в том, что в нем впервые в русской литературе и притом в самый разгар войны была высказана горькая правда о разложении командной верхушки русской армии. До Толстого никто о войне так не писал.

Третий севастопольский рассказ — «Севастополь в августе 1855 года» — посвящен последним дням обороны. Верный исторической правде, Толстой точно воспроизводит события этих героических и вместе с тем трагических дней. Как живые, встают перед нами русские солдаты и матросы, до последней минуты защищавшие Малахов курган, пятый бастион и другие ответственные участки фронта. Оглушенные непрерывной бомбардировкой, без продовольствия и боевых припасов, они оставались у своих развороченных батарей, не думая об отступлении. Штыками и врукопашную они дрались против превосходящих сил врага. И, все-таки, приказ о сдаче Севастополя они встретили с недоумением и возмущением.

Ярко и правдиво рисует Толстой чувство горечи и обиды, охватившее русских солдат при отступлении из Севастополя. В то время, когда аристократическое офицерство смотрело на отступление, как на долго-

¹ Л. Н. Толстой «Севастопольские рассказы», стр. 7. Гослитиздат. 1937.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 19—20.

Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин,
А. Н. Островский. 1856 год.

жданное избавление от опасности, солдаты и матросы переживали его как глубокую личную трагедию. «Это было чувство, — пишет Толстой, — как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам»¹.

На фоне этой огромной всенародной трагедии Толстой рисует образы двух честных офицеров — братьев Козельцовых, отдавших свою жизнь за дело родины.

Старший Козельцов — честный русский человек, который любит свою страну, свой народ и готов защищать их своей грудью. Но он видит полное разложение командной верхушки и чувствует свое бессилие. Вот почему в его душе уже нет подъема, энтузиазма, веры в победу. В противоположность ему его младший брат — Володя Козельцов, юнкер, почти мальчик, — полон юношеского энтузиазма и задора. Война рисуется ему в розовом свете, как сплошная цепь побед и подвигов. Воодушевленный

любовью к родине, он идет в бой впереди солдат и погибает.

Образ молодого Козельцова — юношески чистого и честного защитника родины — принадлежит к числу лучших образов Толстого. В нем запечатлены мысли и чувства самого Толстого, когда он ехал на Крымскую войну. Тогда и он пребывал в состоянии душевного подъема, и победа казалась ему несомненной. Толстой возвращался из Севастополя исцеленным от многих иллюзий. Горечь обиды за беспечные жертвы переполняла его сердце. Свой страстный протест против войны и свой нафос патриотизма он вложил в «Севастопольские рассказы».

«Севастопольские рассказы» остаются до сих пор единственным по своей художественной силе произведением русской классической литературы, в котором запечатлена историческая правда о Крымской войне.

3

21 ноября 1855 года Толстой приехал из Севастополя в Петербург и был радужно встречен передовыми писательскими кругами. В эти дни Некрасов писал Бот-

¹ Л. Н. Толстой «Севастопольские рассказы», стр. 148.

кину: «...приехал Л. Н. Т., то есть Толстой... Что это за милый человек, а уж какой умища! И мне приятно сказать, что, являсь прямо с железной дороги к Тургеневу, он объявил, что желает еще видеть меня. И тот день мы провели вместе и уж наговорились! Милый, энергичной, благородной юноша, сокол... а может быть — и орел. Он показался мне выше своих писаний, а уж и они хороши»¹.

Орел защитника Севастополя и слава талантливому писателю открыли перед ним двери редакций петербургских журналов. Толстой близко сошелся с кружком «Современника», становится другом Некрасова, Манасова, Тургенева. С большой теплотой относится к нему и Чернышевский. Здесь, в Петербурге, Толстой продолжает работу над «Юностью» и пишет ряд рассказов, навеянных кавказскими воспоминаниями: «Встреча в отряде с московским знакомым» (1856), «Мятеж» (1856), «Два гусара» (1856). Работает он в это время и над давно начатым «Романом русского помещика», который превращает затем в рассказ «Утро помещика» (1856).

«Утро помещика» — отклик Толстого на актуальнейший в то время вопрос об отмене крепостного права. Поражение царского самодержавия в Крымской войне дало мощный толчок массовому крестьянскому движению и поставило в центре общественной жизни страны вопрос о ликвидации крепостного права. С каждым днем росло число крестьянских восстаний. Перепуганный Александр II, только что вступивший на престол после смерти Николая I, трепетал перед нараставшей крестьянской революцией и всячески торопил своих сенаторов с реформой. Попытка Толстого договориться со своими крестьянами, убедила его в том, что крестьянство, доведенное до крайней степени разорения и нищеты, ни на какие компромиссы и полумишачьи решения не пойдет. И это свое представление о крепостной деревне накануне реформы Толстой отразил в рассказе «Утро помещика».

Л. Н. Толстой уже тогда был решительным противником крепостного права, как и всего военно-феодального строя России. Раньше его дневники полны горячего протеста против «зла правления Русского» и самого отвратительного его проявления — крепостного рабства. Но в своих взглядах на разрешение крестьянского вопроса он в это время был близок не к революционной демократии, а к дворянскому либерализму. Методы насильственного переворота и расправы с помещиками, к которым призывали революционные демократы во главе с

Чернышевским, остались чужды Толстому. И это обстоятельство привело его к разрыву с Чернышевским и Некрасовым, со всей редакцией «Современника», которая все больше становилась идеологическим центром и боевой трибуной крестьянской революции.

В январе 1857 года Толстой отправился за границу. Путешествуя по Франции, Италии, Германии, Англии и Швейцарии, он пристально вглядывался в жизнь Запада. Буржуазная Европа глубоко разочаровала его. За фасадом ее показной демократии он разглядел хищный скелет капитализма, а за речами о всеобщей свободе и благополучии — бесправие и нищету народа. Свое разочарование в европейском прогрессе и отвращение к буржуазной цивилизации он вложил в рассказ «Люцерн» (1857), который и сейчас звучит суровым приговором капиталистическому обществу.

В 1860—1861 годах Толстой снова побывал за границей. В Лейпциге, Дрездене, Женеве и Марселе он изучал постановку школьного дела. В Лондоне он познакомился с Герценом, слушал чтения Диккенса о воспитании. В Брюсселе он познакомился с Прудоном. По возвращении на родину он окончательно поселился в Ясной Поляне, где отдался педагогической деятельности.

Чтобы осуществить на практике свои педагогические взгляды, сложившиеся в результате глубокого изучения школьного дела в России и на Западе, Толстой основывает в Ясной Поляне школу для крестьянских детей и начинает выпускать специальный педагогический журнал «Ясная Поляна». Здесь он печатает свои педагогические статьи «О народном образовании», «О методах обучения грамоте», «Воспитание и образование» и др.

В 1862 году Толстой женился на дочери московского придворного врача — Софье Андреевне Берс. Следующее десятилетие было порой необычайного расцвета его таланта. До этого он пишет ряд замечательных по своей философской глубине рассказов: «Альберт» (1858), «Три смерти» (1859), роман «Семейное счастье» (1859) и др. В Ясной Поляне он заканчивает большую повесть «Казак» (1863) и создает свою грандиозную художественную эпопею «Война и мир» (1863—1869 годы).

4

Роман «Война и мир» занимает выдающееся место среди произведений мировой литературы. По широте охвата исторических событий, по яркости и правдивости художественных образов этот роман не имеет себе равного во всей мировой литературе.

Глубокая и всепроникающая любовь к народу определяет содержание и тон всей

¹ Альманах «Круг» за 1927 год, кн. 6-я, стр. 198.

этой непревзойденной эпохи. С большим мастерством рисует Толстой эпоху отечественной войны 1812 года и тот всенародный подъем, который был ответом на наполеоновское нашествие. Замечательное чувство Толстого-художника сказалось в том, что он показал эту войну как народную, как кровное дело многомиллионных масс крестьянства. Великий, свободолюбивый русский народ — вот главный герой отечественной войны и главный герой романа «Война и мир».

Ярко и правдиво показывает Толстой беззаветную храбрость русской армии на полях сражений. Голодные, оборванные и залупанные мужики, припущенные веками брестского рабства, едва получив шинель и винтовку, проявили чудеса героизма. Французские боевые генералы, выдавшие перед собою не одну европейскую армию, вынуждены были отдать должное стойкости и храбрости русских солдат.

Но не только русское войско дралось с неприятелем. На помощь армии поднялось в стране массовое партизанское движение, сыгравшее огромную роль в разгроме наполеоновской армии. «Партизаны уничтожали великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего дерева — французского войска, и иногда трясли это дерево»¹.

Порожденное народным гневом, партизанское движение выделило из своей среды десятки талантливых вожаков, сотни и тысячи храбрых и героев. Таков командир партизанского отряда Денисов, отличавшийся невероятной отвагой, таков замечательный своей находчивостью и храбростью мужик Тихон Щербатый, такова крестьянка Василиса, побившая сотни французов, и многие другие. Показывая с любовью и теплотой этих людей, Толстой уподобил их «глубине народной войны», которая поднялась со всей грозной, величественной силой и гвоздила французов до полного сокрушения. «И благо тому народу, — пишет Толстой, — который, не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передает ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью»².

Одним из лучших исторических образов романа является образ Кутузова. Кутузов знает тяжелую солдатскую жизнь, он тысячами нитей связан с армией. Тесными узами связан он и со всем народом, и в этом великая сила Кутузова, тайна его полководческого искусства.

Толстой противопоставляет Кутузова Наполеону. Не признавая за Наполеоном даже общепризнанных заслуг великого полководца, автор «Войны и мира» изображает его хвастливым, самозлюбленным позером. В противовес ему Кутузов показан простым и мудрым русским человеком. «Кутузов, — пишет Толстой, — никогда не говорил о 40 веках, которые смотрят с пирамид, о жертвах, которые он приносит отечеству, о том, что он намерен совершить или совершил: он вообще ничего не говорил о себе, не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком и говорил самые простые и обыкновенные вещи»³. И тем не менее, по мнению Толстого, никто так не воплотил в себе дух патриотизма, дух русского народа и армии, цель и смысл народной войны, как этот скромный, невзрачный старик.

«Трудно себе представить, — пишет Толстой, — историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была бы направлена к одной и той же цели. Трудно вообразить себе цель более достойную и более совпадающую с волею всего народа»⁴.

Изображая во всем величии цельную натуру Кутузова, Толстой одновременно показывает моральное ничтожество русской аристократии во главе с Александром I. Глубокое равнодушие к делу родины, прикрываемое салонной болтовней, страх перед собственными крестьянами, больший чем перед войсками Наполеона, стремление отсидеться подальше от огня и поближе к орденам — таков «патриотизм» военно-аристократической знати. Толстой беспощаден в реалистическом изображении развращенной до мозга костей дворянской «золотой» молодежи: умственного убожества и моральной низости одних (Пшюлит, Анатоль и Элен Курагины), беспринципности, светской пошлости и грубого карьеризма других (Борис Друбецкой).

Многочисленным псевдопатриотам из среды дворянской аристократии Толстой противопоставляет образы людей, возвышающихся над своим классом, чувствующих глубокую неудовлетворенность окружающей действительностью. Таковы Андрей Болконский и Пьер Безухов. Горячо жаждущий деятельности князь Андрей острее других ощущает пустоту и лице-

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 12, стр. 121. Гихл. 1933.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Там же.

седеть в стонках елики Верижано
 Мишиковичи надвсадит, еликим
 цушко в козунидривши Вуманию
 Благодарю его тошноту влжиса ур
 мору стар в мучнесто сабнидвесе
 предвездившиа в мучидарде
 Овднереврестушиа алооритр фод
 шель вв Дамшкельу стратирфидас ...
 гдетимнокурвударисвиршиую враси
 шудорку. в сдору шведоводуру
 свуден оди вудидуб. рики приу
 врасова драу. ну воти кону
 враси вдрешури вумисидувверно
 свасишом вадившиу ввмалашо
 сидори пророчиши шуду рудеу
 ду шуду валики прудеуши. рв. шуду
 шуду амашио.
 враси насом дракиши на шовис
 врасиде шуду шудово шудкисшио,
 др свадиде врасишуду шудешио.
 аловов врасишуду шудешио.
 ну шудешио враси шудово шудешио
 шудово шудешио вврасишуду шудешио
 шудешио врасишуду шудешио?
 шудешио врасишуду шудешио.
 ну шудешио шудешио врасишуду шудешио
 шудешио врасишуду шудешио шудешио
 шудешио врасишуду шудешио шудешио
 шудешио врасишуду шудешио шудешио
 шудешио врасишуду шудешио шудешио
 шудешио врасишуду шудешио шудешио

Страница черновой рукописи Л. Н. Толстого «Война и мир».

Всероссийная библиотека имени В. И. Ленина.

мерно великосветского общества. «Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество, — поворит он, — вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти»¹. Волевой и способный человек, с высокими представлениями о долге и чести, он прекрасно разбирается в событиях и больше других чувствует глубокую пропасть между своими мечтами и действительностью. Вся его жизнь проходит в страстных поисках правды и смысла жизни.

Не менее страстны и мучительны духовные искания Пьера. Внутренне глубоко одаренный, томимый социальными вопросами своего времени, Пьер Безухов столь же одинок в своей среде, как и Андрей Болконский. Воспитанный за границей, увлеченный идеалами французских просветителей XVIII века, Пьер Безухов стремится применить свои силы на благо общества. Жизнь Пьера Безухова проходит в душевных метаниях, в непрерывных поисках нравственного идеала. Эти поиски приводят его к мужицко-патриархальной философии Платона Каратаева.

В образах Андрея Болконского и Пьера Безухова отражены искания самого Тол-

стого, его глубокие размышления над судьбой своего народа и своего класса, над дальнейшими путями человечества. В этих образах предугаданы предшественники будущих дворянских революционеров. В бытие романа Толстой приводит Пьера в среду декабристов.

Великой художественной правдой дышат и другие образы романа. Пленительна своей душевной красотой Наташа Ростова, в лице которой Толстой создал поэтический образ русской женщины, обаятельной в своей простоте, искренности и любви ко всему народному. Внутреннюю стойкость и твердость духа проявляют перед лицом врага и Николай Ростов и Мария Болконская. В образе старого князя Болконского Толстой дал яркий образ представителя отживавшей, екатерининской эпохи.

«Война и мир» поражает читателя грандиозностью своего материала и одновременно замечательной стройностью своей композиции. Глубоко правдивы не только картины, в которых описывается внутренняя жизнь людей, но и массовые, батальные сцены. Нарисованные Толстым картины битв под Шенграбеном, Аустерлицем и Бородиным являются непревзойденным образцом литературного мастерства.

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 9, стр. 35.

Отдельно следует остановиться на исторических взглядах Толстого и той философии истории, которую он проводит в романе «Война и мир».

Глубокий интерес к истории проявился у Л. Н. Толстого еще в ранней юности. Уже тогда исторические произведения являются его излюбленным чтением наряду с художественной литературой. 19-летним юношей в Казани читает он «О духе законов» Монтескье, увлекается Руссо, с большим усердием работает над разбором «Наказа» Екатерины II, обнаруживая при этом серьезные познания в области истории России и Европы.

Псевдоисторическая дребедень, которая под видом русской истории преподается в Казанском университете, вызывает у него глубокое возмущение. «История... — говорит он с негодованием своему товарищу по университету, — это ничто иное, как собрание басен и бесполезных мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имен. Смерть Игоря, змея, ужалившая Олега, что же это, как не сказки, и кому нужно знать, что второй брак Иоанна на дочери Темрюка совершился 21-го августа 1562 года, а четвертый на Анне Алексеевне Колтовской в 1572 году, — а ведь от меня требуют, чтобы я запомнил все это, а не знаю, так ставят единицу. А как пишется история? — Все пригоняется к известной мерке, измышленной историком. Грозный царь, о котором в настоящее время читает профессор Иванов, вдруг с 1560 года из добродетельного и мудрого превращается в бессмысленного, свирепого тирана. Как и почему, об этом уже не спрашивайте...»¹.

Дневники Толстого последующих лет изобилуют записями, свидетельствующими о его глубоких занятиях историей. Так например 14 апреля 1852 года Толстой записывает: «Читал «Histoire d'Angleterre» и не без удовольствия. Я начинаю любить историю и понимать ее пользу». 16 апреля того же года: «Читал... предание о Петре Великом». 11 июня: «Читал Историю Гума Карла I. Лучшее выражение философии есть история». Увлечение молодого Толстого историей настолько велико, что он даже задается целью написать историю Европы XIX века. «Читал историю войны 13-го года, — записывает он в дневнике 22 сентября 1852 года. — Только лентяй или идиот на что не способный человек может говорить, что не нашел занятия. — Составить петинскую прав-

дивую Историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь».

Читая многочисленные исторические труды, Толстой крайне недоволен в них трактовкой общественных явлений. Большинство этих трудов выражает его негодование малозначительных фактов из жизни царей и умалчиванием о важнейших событиях в жизни народов. «Каждый исторический факт, — записывает он в своем дневнике 17 декабря 1853 года, — необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений. Эпиграф к Истории я бы написал: «ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая».

Войны на Кавказе и в Крыму еще больше привлекли интерес Толстого к истории. Наряду с «Историей Англии» Юма и «Историей Людовика XVI» Тьера он читает в эти годы «Описание отечественной войны 1812 г.» Михайловского-Данилевского, «Историю государства Российского» Карамзина, «Русскую историю» Устрялова и другие исторические труды.

Занятия историей продолжают у Толстого в течение всей его жизни. Общеизвестно, какую огромную, поистине титаническую работу по изучению исторических источников проделал Толстой во время работы над «Войной и миром». С такой же глубиной изучал он эпоху Николая I для своей повести «Хаджи Мурат», историю XVII—XVIII веков — для неосуществленного романа о Петре I, эпоху декабристов — для романа «Декабристы» и ряд других этапов истории России.

Свой глубокий интерес к истории Толстой сохранил до конца жизни. Выработанные им в результате его многолетних занятий историей взгляды изумляют исторической эрудицией, но в основе своей они, как и все мировоззрение Толстого, глубоко противоречивы. Впервые они были ярко выражены в романе «Война и мир».

Через весь роман «Война и мир» красной нитью проходит мысль, что ход исторических событий предопределен высшими, нам неизвестными силами. Человек — только игрушка в руках высших сил, направляющих его деятельность по своим путям. Самый великий человек, вождь и полководец, неспособен изменить что-либо в немалом ходе исторического процесса и даже мало способен понять его.

Критикуя буржуазных историков за фальсификацию исторического процесса, требуя, чтобы объектом истории была не только жизнь царей, полководцев и героев, но и жизнь народа, Толстой в резком противоречии с действительностью и наукой полностью отрицает роль личности в истории.

¹ См. «Исторический вестник» за 1890 год, ноябрь, стр. 410.

«Ибока историческое море спокойно, — пишет Толстой, — правителю-администратору... должно казаться, что его усилиями движется корабль, в который он упирается. Но стоит подняться буре, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда уж заблуждение невозможно. Корабль идет своим громадным, независимым ходом, шест не достает до движущегося корабля, и правитель вдруг из положения властителя, источника силы, переходит в ничтожного, бесполезного и слабого человека»¹.

Именно таким ничтожным и ограниченным человеком рисует Толстой Наполеона. Толстой всячески подчеркивает бессилie его попыток направлять ход войны, ничтожность его влияния на развивавшиеся события. Приказы Наполеона, по мнению Толстого, не только ничего не меняли в ходе сражений, но даже не доходили до солдат. «Наполеон, представляющий нам руководителем всего этого движения (как диким представлялась фигура, вырезанная на носу корабля, силою, руководящею корабль), Наполеон во все это время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит»².

Всю историю жизни Наполеона, его бурное восхождение и гибель, его блестящие победы и тяжелые поражения, Толстой объясняет случайностью. Лично Наполеон, по мнению Толстого, ничего не мог изменить в своей судьбе, не мог предотвратить свой трагический конец, как не был он «виновен» в своем стремительном восхождении. «Случайность, миллионы случайностей дают ему власть, и все люди, как бы сговорившись, содействуют утверждению этой власти»³. С большим сарказмом издевается Толстой над Наполеоном, мнящим себя тверцом событий. Кутузов же, по мнению Толстого, велик именно тем, что он понимает предопределенность исторического процесса и «умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое»⁴.

Какова же сила, которая, помимо воли людей, движет историю? Кем же предопределен весь ход исторического развития? В своих ответах на этот вопрос Толстой обнаруживает всю слабость своих философских и исторических взглядов. Не понимая диалектики исторического развития, отрицая единство исторической необходимости и лич-

ной свободы, Толстой вынужден объяснять все сверхъестественной силой, волей божества: «Только выражение воли Божества, не зависящее от времени, может отнестись к целому ряду событий, имеющему совершиться через несколько лет или столетий, и только Божество, ничем не вызванное, по одной своей воле, может определить направление движения человечества»⁵.

Этот религиозный мистицизм и исторический фатализм в объяснении общественного развития привели Толстого к возмущению в романе патриархально-крестьянской идеологии Платона Каратаева. Ибо если человек не волен в своих действиях, если он лишен всякой роли в историческом развитии, то ему ничего не остается, как быть пассивным и покорным созерцателем событий. Таким и является Платон Каратаев. Отсюда пойдут в дальнейшем у Толстого и отрицание активно-действенного отношения к жизни, и неприятие классовой борьбы, и проповедь «непротивления злу насильем».

Учение Толстого Ленин называл «идеологией восточного строя». «Вот именно, — писал В. И. Ленин, — идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насильем, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все — материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работорник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д.»⁶.

Толстой-художник велик правдивым изображением исторических событий. Чутье исторической правды, глубокий историзм — неотъемлемая черта его художественного гения.

Толстой-историк беспомощен в своих попытках объяснить исторический процесс. Мистика, исторический фатализм — составная часть его реакционного учения, его религии.

6

Крупнейшим произведением Толстого после «Войны и мира» является роман «Анна Каренина», написанный в 1873—1877 годы. Время, отделяющее этот роман от «Войны и мира», составляет новый этап литературной и школьно-педагогической деятельности Толстого. В эти годы он пишет свою «Новую азбуку» (1871—1872 годы) и создает свои первые народные

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 11, стр. 342.

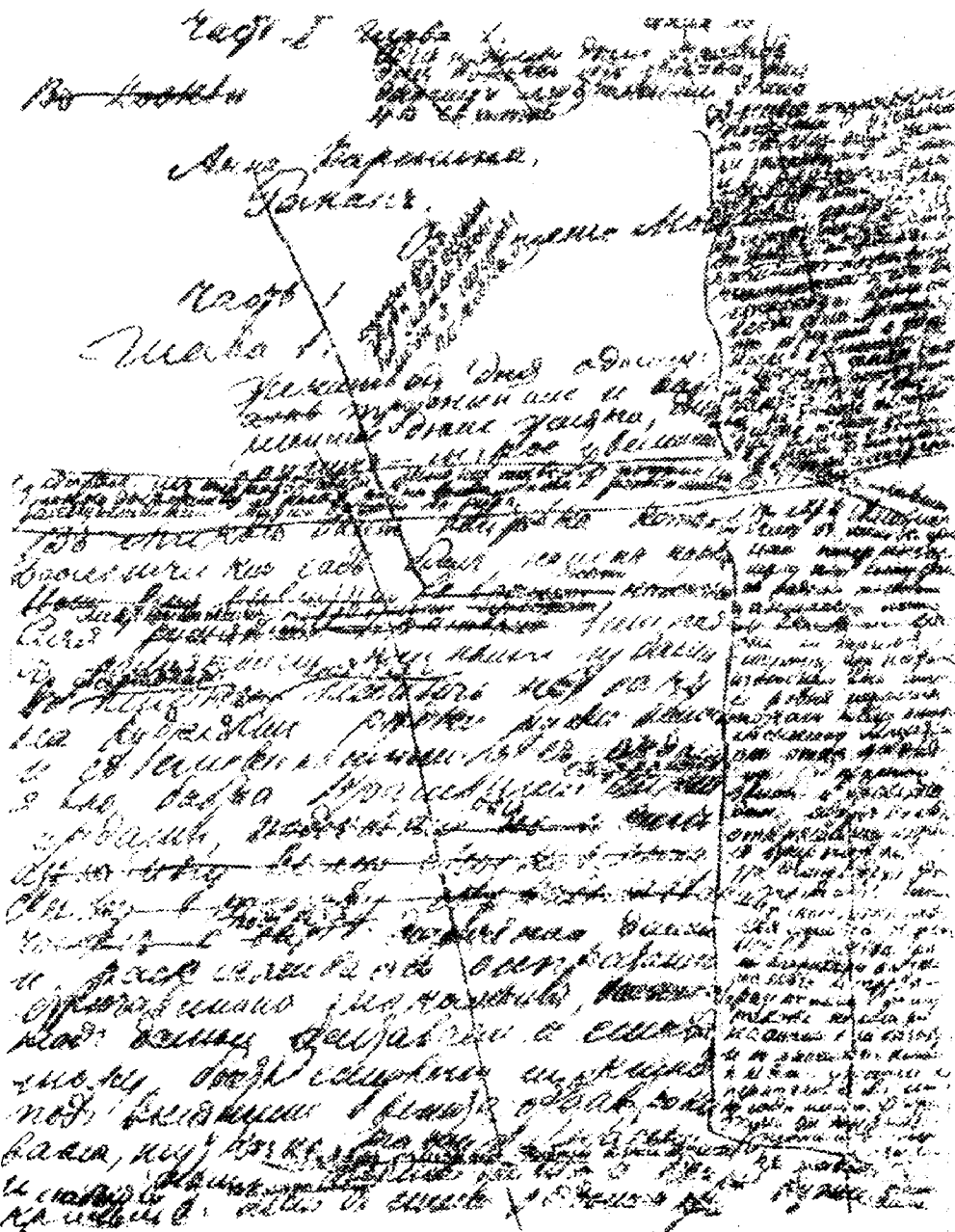
² Там же, Т. 12, стр. 92.

³ Там же, стр. 242.

⁴ Там же, Т. 11, стр. 173.

⁵ Там же, Т. 12, стр. 316.

⁶ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 101.

Черновая рукопись четвертого по порядку начала «Анны Карениной». 1873 год, март.
Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина.

рассказы. К этому же времени относится его усиленная работа над историческими темами («Декабристы», роман из эпохи Петра I и др.). Однако работа над «Анной Карениной» настолько увлекает его, что все другие творческие замыслы остаются неосуществленными.

«Анна Каренина» — роман огромного социального содержания. Он посвящен переходному периоду в истории России, лучшим выразителем которого Ленин считал Толстого, — времени после буржуазных реформ 1861 года и до 1905 года. Особенность этого периода, как было отмечено выше, заключалась в той зыбкости и развороченности, неустойчивости всех общественных отношений, которые Толстой охарактеризовал устами Левина: «Все это перевернулось и только укладывается». Владимир Ильич, цитируя эти слова из романа Толстого, прекрасно показал сущность этого исторического этапа. «Перевернулось» крепостное право и весь связанный с ним феодально-патриархальный

порядок. «Укладывается» капитализм со всей своей системой буржуазных отношений.

Ярко и правдиво рисует Толстой общественные противоречия и социальные конфликты этой эпохи. Он показывает, как вслед за крушением фундамента феодальной экономики рушатся и все его надстройки: идеология, быт, семья, мораль, — все вековые устои жизни.

Глубокая трагедия Анны Карениной заключается в том, что она вступила в тяжелый конфликт с окружающей ее действительностью, с господствующими законами этики и морали. Толстой рисует обаятельный образ Анны, раскрывает ее душевные богатства. Анна правдива и честна в каждом своем помысле и поступке. Но пути крепостнической идеологии еще настолько крепки, что они обрекают ее на одиночество и гибель.

Большое место в романе занимает образ Левина. В этом образе много авторбиографического, многое из того, что передумал

и пережил сам Толстой. Как и все любимые герои Толстого, Левин ищет правду жизни и пути к возрождению общества. Жизнь его проходит в непрерывных духовных исканиях, в заблуждениях и прозрениях, в бесконечных душевных метаниях. Причина их заключается в том, что при всем своем глубоком моральном отрицании эксплуатации сам, как помещик, не мог не быть эксплуататором. Глубокое противоречие между личным сознанием Левина и его общественным бытием помещика-эксплуататора — вот основа его душевного разлада.

Толстой глубоко симпатизирует Левину и с теплотой изображает его душевную чистоту, честность и жажду истины. Но, правдиво отобразив сложный путь его духовных поисков, Толстой приводит Левина к идее самоограничения и фатализма, к той наивно-патриархальной вере крестьянина, которая в эти годы стала основой учения самого Толстого.

7

80-е годы являются началом резкого перелома в сознании Толстого. Пережив глубокий духовный кризис, Толстой со всей энергией отдается созданию своего религиозного учения, переосмысливая под углом зрения этого учения все свои философские, социальные и эстетические воззрения.

В начале 80-х годов он пишет потрясающую своей искренностью и бесстрашием «Исповедь» и ряд других статей, в которых формулирует сущность своего учения. Сводится оно к восстановлению христианства в его «первобытной чистоте», к отрицанию всяческого насилия, к проповеди всеобщей любви, смирения, покорности и «непротивления злу насилем». Одновременно он резко обрушивается на государство и все его основы: армию, суд, полицию, тюрьмы, на частную поземельную собственность и казенную церковь, на буржуазную культуру. Написанные им на протяжении трех последующих десятилетий произведения: роман «Воскресение», повести «Смерть Ивана Ильича», «После бала», «Хаджи-Мурат», «Отец Сергей», пьесы «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп» и многочисленные народные рассказы — содержат в себе страстный протест против социального неравенства, против всех основ дворянско-буржуазного общества.

Однако при всей своей силе этот протест был очень далек от революционной борьбы широких народных масс. Толстовское отрицание поземельной собственности

было в основе своей глубоко утопично. Оно отразило стремление крестьянства «места до основания и казенную церковь и помещиков и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на месте полицейско-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...»¹.

Не была действительной и толстовская критика государства. Учение Толстого, его отрицание политики и классовой борьбы, не вооружало, а разоружало трудящихся. «Борьба с крепостническим и полицейским государством, с мспархией, — писал Ленин, — превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг.»².

Таково же социальное содержание толстовской борьбы против казенной церкви. Разоблачая с опромной силой ложь и лицемерие казенной церкви, этой верной служанки царизма и крепостничества, Толстой, однако, целиком стоит на почве религии, культивирует самую утопическую и потому особенно омерзительную поповщину.

Учение Толстого, его религия и философия ничего общего не имеют с наукой и полностью противоположны мировоззрению и философии социалистического пролетариата. Владимир Ильич неоднократно выступал против реакционного влияния толстовщины. «Учение Толстого, — писал Ленин, — безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова»³.

«...толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудящихся в переднюю Столыпина, кланялись, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока их не выгнали тинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскоруждой трусливости «хозяйственного мужичка»⁴.

Толстовская проповедь «непротивления

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 333.

² Там же, Т. XIV, стр. 401—402.

³ Там же, Т. XV, стр. 102.

⁴ Там же, Т. XII, стр. 333—334.

Л. Н. Толстой и Максим Горький. 1900 год.

злу» была, как указывает Ленин, «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании»¹.

8

Крупнейшими произведениями последнего этапа творчества Толстого были роман «Воскресение» (1899) и повесть «Хаджи-Мурат» (1904). В «Воскресении» Толстой дал правдивую картину капиталистической эксплуатации и полицейского произвола, царившего в России. Уничтожающей критике подверг он «комегию» суда и государственного управления, казенную церковь и тюремный режим, весь полицейский, бюрократический аппарат. Толстовский бесстрашный реализм достиг здесь небывалых вершин.

С большой психологической глубиной и правдивостью нарисованы центральные образы романа — Пехлюдов и Катюша Маслова. Показывая их в окружении представителей самых различных классов, проводя их через мытарства царского суда, тюрем и ссылки, Толстой дает широкую панораму общественных отношений пореформенной России. В глубоком проникновении во внутренний мир героев, в высоком мастерстве описания людей и явлений снова сказался великий художественный гений Толстого. Роман «Воскресение» является вершиной критического реализма в русской

литературе. Вместе с тем в этом романе больше чем в любом другом из своих художественных произведений Толстой проповедует свое реакционное учение. К религии всеобщей любви и «непротивления злу насилием» приводит он и главного героя романа — Пехлюдова.

Написанная Толстым в глубокой старости повесть «Хаджи-Мурат» поражает читателя своей юношеской свежестью. Толстой рисует в ней сильных, ветвистых и свободолюбивых вождей освободительного движения народов Кавказа — Шамиля и Хаджи-Мурата, — противопоставляя их сапавной челяди Николая I. Симпатии автора на стороне горцев, защищавших свой край от порабощения и свои аулы — от разорения и смерти.

* * *

Жизнь Толстого на последнем этапе была полна кипучей общественной деятельностью. В 1882 году он принял активное участие в трехдневной московской переписи и дал потрясающее описание жизни городской бедноты. В начале 90-х годов он возглавил движение в помощь голодающим и написал свои знаменитые письма о голоде. В эти же годы он развернул ожесточенную борьбу против казенной церкви и «святейшего» синода (статьи «Религия и нравственность», «Царство божие внутри вас» и др.). За это Толстой был отлучен от церкви и подвергся дикой травле со стороны реакционных газет. Не осмеливаясь тронуть самого писателя, царское правительство запретило многие произведения Толстого и обрушилось репрессиями на его единомышленников.

Столь же резко и открыто выступил Толстой в эти годы и против царизма, разоблачив в ряде статей русское самодержавие. Особенной остроты достигали его выступления против самодержавия в дни русско-японской войны и революции 1905 года. В ответ на многочисленные смертные приговоры военно-полевых судов революционерам он выступил с резким и страстным протестом — статьей «Не могу молчать» (1908), в которой открыто называл царских правителей палачами. Однако Толстой не примкнул к революции. В своих статьях он одинаково осуждал и реакцию и революцию, совершенно не понимая и отрицая революционное рабочее движение — единственную силу, которая могла до конца противостоять самодержавию и капитализму и уничтожить их. У Толстого, говорят Ленин, «Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе,

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 334.

*Варошину и мотуш нависли,
Человек, свет дождя*

Фотография Л. Н. Толстого с его надписью А. Н. Чехову. 1903 год.

Толстовский музей.

которую ведет международный социалистический пролетариат»¹.

28 октября 1910 года 82-летний Толстой тайно от семьи покинул Ясную Поляну и после короткого пребывания в Шамардинском монастыре направился на Кавказ. Однако настигшая его в пути тяжелая болезнь принудила его сойти на станции Астаново, Рязано-Уральской железной дороги (ныне «Лев Толстой»), где он 7 ноября (старого стиля) умер.

9

Л. Н. Толстой прожил большую жизнь, полную исканий и творчества.

Родившись в дни когда еще не отзывчало эхо пушечных залпов на Сенатской площади, он умер в дни, когда по всей стране шла расправа царских сатрапов с героями революции 1905 года. Современник Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Чернышевского и Щедрина, участник Крымской войны и свидетель буржуазных реформ 1861 года, он дожил до начала нашего века и стал современником Горького и Чехова, свидетелем первой русской революции.

Никому из русских писателей XIX века не удалось сопутствовать таким великим, переломным этапам в истории своего народа, никому из них не удалось так, как Толстому, отразить в своем творчестве су-

щественнейшие черты первой русской революции. Владимир Ильич говорил о Толстом как о «зеркале русской революции».

«Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»².

Владимир Ильич Ленин высоко ценил художественный гений Толстого и любил перечитывать его произведения. А. М. Горький в своих воспоминаниях рассказывает об одной своей беседе с Лениным о Толстом:

«Как-то пришел и вижу: на столе лежит том «Войны и Мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочесть сцену охоты, да, вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечине! Вот это, батенька, художник... И, — знаете, что еще изумительно! До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

¹ Ленин и. Соч. Т. XIV, стр. 402.

² Ленин и. Соч. Т. XIV, стр. 400.

Handwritten text in Russian, likely a draft or a page from a manuscript. The text is dense and appears to be a continuation of the article's content.

Handwritten text in Russian, likely a draft or a page from a manuscript. The text is dense and appears to be a continuation of the article's content.

Рукопись Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Никого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный»¹.

В своих статьях о Толстом Владимир Ильич многократно подчеркивал огромное мировое значение Толстого-художника. «Л. Толстой,— писал Ленин,— сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»².

«Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»³.

Одновременно Ленин считал реакционное «учение» Толстого — толстовщину — величайшим тормозом для дела революционного воспитания рабочих и крестьян. Ленин писал Горькому, что Толстому «ни «насилие», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя»⁴.

Художественный гений Толстого оказал огромное влияние на русскую и мировую литературу. Воздействию Толстого испытали на себе такие художники, как Ромэн Роллан, Анатоль Франс, Анри Барбюс. Его благотворное влияние чувствуется и в произведениях многих советских писателей (А. Фадеев, М. Шолохов и др.).

Художественное наследие Толстого представляет собою неувядаемую культурную ценность человечества. Тридцать лет тому назад Владимир Ильич писал по поводу смерти Толстого: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот»⁵. Тогда же Ленин предсказывал, что произведения Толстого будут особенно «ценны и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни»⁶. Это пророчество Ильича полностью сбылось.

Произведения Толстого стали любимыми книгами советских людей. За годы советской власти они изданы у нас громадным тиражом, свыше 20 миллионов экземпляров, на 57 языках народов СССР. Пьесы Толстого не сходят со сцены советских театров. Литературное наследие великого художника широко изучается в школах и вузах, музеях и научно-исследовательских институтах.

Литературное наследие Толстого является красой и гордостью русского искусства. Народы СССР горячо любят и высоко ценят художественные творения писателя. В замечательном художественном гении Толстого отразились высокая талантливость русского народа, слава и величие нашей родины.

¹ М. Горький «В. И. Ленин», стр. 40—41. ГИХЛ, 1933.

² Ленин, Соч. Т. XIV, стр. 400.

³ Там же.

⁴ Ленинский сборник I, стр. 114.

⁵ Ленин, Соч. Т. XIV, стр. 400.

⁶ Там же.

Последние дни жизни и смерть Л. Н. Толстого

1

29 октября (старого стиля) 1910 года в крупнейших газетах Петербурга и Москвы появилось следующее сообщение:

«В Туле распространился престрашный слух. Приехавший из Ясной Поляны посланный рассказал, что вчера, 28 октября, в 5 ч. утра, Лев Николаевич Толстой ушел из дома с доктором Маковицким и вторые сутки неизвестно где находится; графиня Софья Андреевна в отчаянии. Лев Николаевич Толстой оставил ей письмо, что он решил последние дни своей жизни провести в одиночестве. Соседи подтверждают этот слух».

Сообщение было подписано старинным другом семьи Толстых — князем Дмитрием Дмитриевичем Оболенским.

Оболенский тотчас же отправился в Ясную Поляну. Он застал обитателей Ясной в страшном смятении. Жена Льва Николаевича Софья Андреевна два раза пыталась утопиться в пруду. Вызванные срочными телеграммами, съезжались сыновья Толстого. О том, куда скрылся Толстой, никто не знал, кроме младшей дочери. Но Лев Николаевич взял с нее слово, что она будет молчать. В новой телеграмме, разосланной в газеты, Оболенский сообщал, что Толстой просил «не искать его и не приезжать, если откроется его местопребывание, и простить причиняемое огорчение».

С тех пор прошло тридцать лет. О причинах ухода Толстого из Ясной Поляны за это время написаны горы бумаги.

Известно, что личная жизнь гениального художника была в последние десятилетия несчастлива. Ему становилось все тяжелей и тяжелей оставаться в кругу своей семьи. В дневнике Толстого за 1910 год есть строки, проникнутые глубоким отчаянием: «Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших» (запись от 26 октября 1910 года).

Но нельзя понять подлинных причин ухода Толстого, если все свести к семейному раздору.

Ясная Поляна не была изолированным островом. Сюда доходили вести о жестоких насилиях самодержавия над рабочими и крестьянами, о непрекращавшейся народной борьбе, о стачках и восстаниях. Узнав о расправе с крестьянами в Лебедянском уезде Тамбовской губернии (шесть человек было убито и пятнадцать ранено, из них трое смертельно), Толстой был потрясен и не смог сдержать рыданий. Но его положение в семье было таково, что он сам как бы становился участником насилий над мужиками. Обездчик-черкес Ахмет, нанятый Софьей Андреевной для охраны графских владений, приводил в Ясную Поляну пойманных голодных крестьян. После одного такого случая Толстой

записал в дневнике: «ужасно стало тяжело. Прямо думал уйти» (запись от 4 июня 1910 года).

Толстой был измучен до крайней степени. Но этот «матерый человечине», как называл его Ленин, продолжал ежедневно писать, совершать дальние верховые прогулки, интересоваться автомобильными гонками и техникой кинематографа. В апреле 1910 года он говорил Леониду Андрееву, что намерен писать для кино. В конце июля близкие друзья узнали от Льва Николаевича, что он задумал художественное произведение в новой форме: «ни повесть, ни стихотворение, ни роман». А через несколько дней Лев Николаевич отмечает в дневнике: «Суета не дает работать».

Жить для Толстого — значило творить, а творить в Ясной Поляне уже нельзя было.

Приняв решение, Толстой действовал с необыкновенной твердостью и быстротой.

В три часа утра 28 октября он разбудил своего друга — доктора Душана Петровича Маковицкого — и велел собираться. Потом пошел к младшей дочери. «Я никогда не забуду его фигуру в дверях в блузе, со свечой в руках, освещающей его светлое, прекрасное и вместе с тем полное решительности и твердости лицо», — писала впоследствии А. М. Толстая в своих воспоминаниях. Отъезд должен был произойти в тайне от Софьи Андреевны.

Была темная, сырая осенняя ночь. Толстой пошел искать кучера, по дороге поскользнулся, упал и потерял шапку. Раздосадованный, он вернулся домой, торопливо надел другую шапку и снова пошел на конюшню, захватив по настоянию дочери электрический фонарик (Толстой не хотел брать с собой ничего, кроме самопишущего пера, дневника, палки с раскладным сиденьем и необходимой одежды). Дрожащими руками он помогал кучеру запрягать лошадей.

Пролетка, в которой сидели Толстой и Маковицкий, выехала за усадьбу. В деревне уже топились печи, в избах светились огни. Заслышав стук пролетки, несколько крестьян вышло на дорогу. Впереди скакал верховой с факелом, освещая путь. Крестьяне узнали в пролетке Толстого, укрытого армяком.

Пролетка остановилась у вокзального здания станции Щекдино.

Прежде всего Лев Николаевич решил известить свою сестру Марью Николаевну — монахиню, жившую в женском монастыре Шамордино, в Козельском уезде, Калужской губернии. До Козельска надо было добираться через Горбачево. Поезд на Горбачево отходил только через полтора часа. Толстой разволновался. У него мелькнула мысль поехать сначала в Тулу (противо-

положное направление), а оттуда — в Горбачево. Маковицкому с трудом удалось отговорить Льва Николаевича от этого плана.

До Горбачева Толстой ехал во втором классе, а оттуда — в переполненном и накуренном вагоне третьего класса. Дергался он бодро. Увидев, что в проходе стоит женщина с ребенком, он охотно подвинулся, освобождая ей место. Через некоторое время вышел на переднюю площадку подышать свежим воздухом. Рядом с Толстым стояли крестьянин и крестьянка с девочкой. Толстой уселся на свою палку с раскладным сиденьем и с удовольствием вдыхал морозный воздух. Обеспокоенный Маковицкий сказал что-то насчет встречного ветра, простуды. Лев Николаевич с улыбкой ответил, что встречный ветер бывает и при верховой езде и что это ему несколько не мешает.

Вернувшись на место, Лев Николаевич разговорился с публикой. Многие его узнали. Вскоре разгорелся спор.

Толстой пытался доказать правильность своего отрицательного взгляда на науку. «Лев Николаевич горячился, — пишет в своих воспоминаниях доктор Маковицкий. — Как ни тихи были слушатели, все-таки надо было напрягать голос. Я несколько раз хотел его попросить перестать, но некогда было вставить слова, возражения ему так и сыпались. Говорили больше часа.

Лев Николаевич вышел на площадку. Землемер и гимназистка пошли за ним с новыми возражениями: гимназистка — за полезность науки, указывая Льву Николаевичу на электрический фонарик, которым он себе посветил, ища рукавицу на полу вагона».

Со станции Козельск Толстой отправил младшей дочери письмо, в котором описал дорогу: «Пришлось от Горбачева ехать в 3-м классе, было неудобно, но очень душевно приятно и поучительно». В этом же письме Лев Николаевич просил привезти ему книги, «штучку для зарядки пера (чернила взяты)» и сообщал, что хочет «написать сюжеты снов и просящихся художественных писаний». Мысль о возобновлении плодотворного литературного труда не оставляла его ни на минуту.

Ночь с 28 на 29 октября Толстой переночевал в гостинице монастыря «Оптина пустынь» (в 5 верстах от Козельска).

Утро провел он за работой. Здесь была дописана статья против введенной царским правительством смертной казни, начатая еще в Ясной Поляне. В шесть часов вечера Толстой покинул «Оптину пустынь», не поговорив со «святыми отцами» (что не помешало, однако, церковникам распространять потом слух, будто Толстой, отлученный от церкви, приезжал в монастырь просить о снятии с него отлучения).

29 и 30 октября Толстой провел у сестры в Шамордино. Сюда же приехали из Ясной Поляны Александра Львовна и ее подруга Феокритова, работавшая у Толстого переписчицей. Их рассказы о том, что произошло за эти дни в Ясной, повергли Льва Николаевича в мрачное со-

стояние. Он написал Софье Андреевне письмо, кончавшееся словами: «Прощай, милая Соня... Жизнь не шутка и бросать ее по своей воле мы не имеем права. И мерить ее по длине времени тоже неразумно. Может быть, те месяцы, которые нам осталось жить, важнее всех пережитых годов и надо прожить их хорошо».

Утром 31 октября, сидя в вагоне поезда, уносившего его на юг, Толстой попросил газету. Его дочь вышла на ближайшей станции и вернулась с целым ворохом газет. Прочитав их, Лев Николаевич сказал упавшим голосом:

— Все уже известно... Все газеты полны моим уходом...

Он пожаловался на озноб. Его укрыли поддевкой и пледом, но озноб не проходил.

Толстой почувствовал себя совсем худо. Решено было прервать поездку. Поддерживаемый под руки, он вышел на перрон незнакомой пустынной станции. Это было Астапово.

Когда Толстой, не снимая шубы, сидел в гостинице в домике начальника станции Озolina, ожидая, пока ему приготовят постель, он был, видимо, далек от мысли, что пришел к концу своего жизненного пути. Несколько раз повторял он, что завтра надо будет ехать дальше.

Он долго не хотел ложиться. Попросил, чтобы на столик поставили свечу, положили свички, записную книжку, перо...

Его раздели и уложили в кровать. Ночью он бредил.

— Удрать... удрать... догонят, — шептал он в забытьи.

2

В скромной комнате начальника станции, на простой железной кровати, умирал гениальный человек, проживший большую, творческую, трудную жизнь.

Мучительные противоречия, которыми проникнута была вся его духовная жизнь, терзали его ум и сердце и в последние минуты.

Толстовско-христианская мораль превозносила страдания и требовала смиренного, покорного ожидания смерти. А Толстой хотел жить. Ближние Льва Николаевича, заражаясь его настроением, были уверены, что и на этот раз его могучий организм (как это бывало неоднократно раньше) одолеет болезнь.

Но болезнь (воспаление легких) не отступала.

Ночью 5 ноября больно неожиданно приподнялся на подушках и потребовал, чтобы ему прочитали то, что он продиктовал. Дежуривший врач ничего не мог прочесть: он слышал лишь стоны и бессвязные слова...

Наутро, выслушавшая больного, врачи констатировали расстройство ритма сердца.

Толстой все еще сохранял сознание. То, что было главным делом его жизни, — творчество — Лев Николаевич пытался делать и у порога смерти. Иногда, в забытьи, он начинал писать пальцами по одеялу...

За день до смерти Толстой снова пытался диктовать. Снова, как в прошлую ночь, он сел на кровати. К нему подошли дочери.

— Поправить подушки?

— Нет, — отчетливо сказал больной, — нет... Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва...

Лев Николаевич Толстой скончался 7 ноября 1910 года, в шесть часов пять минут утра. У его постели были родные и близкие. Друг Толстого, пианист А. В. Гольденвейзер (ныне директор Московской консерватории), подошел к окну, за которым дежурили корреспонденты, и сказал в форточку одно слово: «Скончался». Через несколько минут телеграф разнес весть о смерти Толстого по всей России и по всему миру.

3

С первого же дня своего ухода Толстой не без основания опасался, что его выследят, не оставят в покое, начнут преследовать по пятам. Эти опасения не обманули его.

Уже 30 октября в Ясную Поляну явился помощник начальника Тульского сыскного отделения Жемчужников. Сей господин постарался проявить максимум филерской оперативности. Разузнав на станции, куда были взяты билеты, он догнал Толстого в пути и сел в поезд.

Спутники Толстого рассказывали, как по вагону прохаживался человек с рыжими усами. Человек этот появлялся то в штатской одежде, то в форме железнодорожного служащего. На одной остановке рыжеусый вдруг исчез, но потом снова появился. Кондуктора сообщили спутникам Толстого, что подозрительный субъект выходил на телеграф. Телеграмму он подавал на имя тульского губернатора.

Телеграммы адресовались не только в Тулу: в курсе событий был и Петербург. Когда в министерстве внутренних дел стало известно, что Толстой остановился на станции Астаново, туда был срочно командирован сам вице-директор департамента полиции Харламов. На другой день в Астаново прибыли представители высшего духовенства (Толстой, как известно, даже не разговаривал с ними).

Буржуазная пресса немедленно сделала из ухода Толстого сенсацию. Газетные полосы залестрели крикливыми афишами о «драме в Ясной Поляне», о «трагедии яснополянского мудреца», о «великой совети мира», и т. д., и т. п.

В Астаново мчались репортеры «Речи», «Утра России», «Газеты-Копейки», «Киевской мысли» и др. Даже черносотенное «Новое время», которое совсем недавно обливало со своих страниц Толстого грязью, озаботилось посылкой своего корреспондента к месту, где «угасала великая жизнь...» Одна газета стремилась перецеловать другую.

Вся эта шумиха была не беспричинна. Дело происходило осенью 1910 года.

Ленин писал об этом времени: «Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема»¹. Уже с лета появились признаки нового оживления протетарской борьбы. Возрастало число забастовщиков. Волновалось студенчество.

Использовать последние дни великого писателя земли русской для борьбы с революцией — этого добивались и правительственный лагерь и лагерь либеральной буржуазии. Разница между первым и вторым при осуществлении этого плана заключалась лишь в методах. Черносотенцы рубили сучеца. Был нужен шумный слух, что Толстой «раскается» и хочет вернуться в «лоно православной церкви». Либералы действовали тоньше и подлее: лицемерно скорбя о смерти Толстого, захлебываясь в потоке льстивых, цветистых фраз о «толстовской совести», они замалчивали, утаивали его беспощадную критику существующего строя.

Но все эти попытки оказались тщетными. Вопреки стараниям властей и полиции, церкви и прессы, вопреки желаниям самого Толстого события, начавшиеся 23 октября 1910 года, оказали немаловажное влияние на рост революционного сознания масс.

Едва в поселке Астаново и в окрестных деревнях стало известно о смерти Толстого, как к маленькому домику, окруженному липами и ветлами, потянулся народ. Железнодорожники убрали комнату, где лежал покойный, словыми ветвями и цветами. Какой-то рабочий предложил спеть «Вечную память». Раздалось дружное пение сильных простых голосов. Десятки людей в первый раз в жизни принимали участие в гражданской панихиде.

Астановский телеграф принял телеграмму из Петербурга, от социал-демократической фракции Государственной думы. Социал-демократическая фракция, говорилось в телеграмме, «выражая чувства Российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга голых»².

8 ноября желтый, без крестов, гроб с телом Толстого был установлен на помосте в багажном вагоне. Траурный поезд тронулся к станции Засека (Ясная Поляна). Обгоняя поезд, летели распоряжения жандармов о высылке отрядов стражников и полиции и о «воспрепятствовании демонстраций».

Толстого хоронили 9 ноября в Ясной Поляне.

В этот день в столичных газетах печатались отчеты о происходившем накануне заседании Государственной думы. Когда было предложено почтить память Толстого вставанием (предложение нешло от со-

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 392.

² См. Ленин. Т. XIV, стр. 557, прим. 213-е.

циал-демократической фракции), депутат Пуринкевич демонстративно развалился в своем кресле. А депутат Замысловский сказал: «Деятельность Толстого за последнее время была разрушительной, а наша деятельность должна быть созидательной».

Пролетариат думал на этот счет иначе. Во всех больших городах России, как писал Ленин, рабочие откликнулись на смерть писателя, «который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира», на смерть мыслителя, «который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства»¹. Московское профессиональное общество рабочих-мануфактуристов в принятой резолюции выражало «свою глубокую печаль по поводу кончины великого таланта, неутомимого и смелого разоблачителя и обличителя лжи и насилий нашей жизни и борца против смертной казни...» Другая рабочая организация отправила близким Толстого такую телеграмму: «Московское профессиональное общество столяров, ткачей и плотников разделяет скорбь об утрате великого писателя, мыслителя и борца за освобождение человечества от насилия и гнета...»

9 ноября 1910 года в Москве было беспорядочно.

Рабочие завода Густава Листа, придя на работу в семь часов утра, через час бросили ее и разошлись по домам. То же самое произошло на заводе Бромлея, электрическом заводе Вестингауза, типографии Бури и других предприятиях. Многие книжные лавки были закрыты. На полдня прекратили торговлю многие потребительские общества. В одиннадцать часов утра конная полиция разогнала на Моховой толпу студентов и курсисток. Как сообщал в охранку ротмистр Вахнин, толпа направлялась в Хамовники, к дому Толстого. Все студенты шли без фуражек. Толпа пела «Вечную память».

¹ Ленин, Т. XIV, стр. 404.

На Курском вокзале скопились тысячи людей, желавших понасть на похороны в Ясную Поляну. Там и здесь мелькали венки. Один из венков был украшен лентой с надписью: «Льву Николаевичу Толстому социал-демократическая фракция Государственной думы от российского пролетариата». По решению фракции, два депутата были делегированы для участия в похоронах писателя.

Вокзал был оцеплен полицией. Ждали дополнительных поездов. Но в последнюю минуту стало известно, что по распоряжению из Петербурга дополнительные поезда поданы не будут.

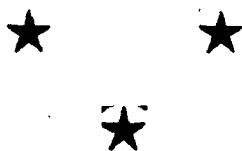
Тело Толстого было предано земле в три часа дня. Речей на могиле не было. Когда гроб был засыпан землей, толпа начала понемногу расходиться...

По всей России прокатилась волна забастовок и манифестаций. Впервые за годы реакции так открыто проявилась ненависть масс к самодержавию; смерть Толстого была поводом для проявления этой ненависти. В Киеве и Харькове для подавления студенческих беспорядков в помощь полиции были вызваны войска. В Варшаве состоялось уличное шествие с пением «Вечной памяти». Повсюду звучали речи против царского правительства. Через два дня после похорон Толстого в Петербурге произошла бурная антиправительственная демонстрация с пением и флагами.

Так провожало Толстого в последний путь молодое поколение России. К рабочему классу, к революционной учащейся молодежи обращал свои проникновенные слова Ленин в статье по случаю смерти Толстого: «Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат»².

М. ГОЛЬДБЕРГ

² Ленин, Т. XIV, стр. 403.

А. Николаенко

Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев

1

В 1773 году на Урале вспыхнуло крупнейшее крестьянское восстание, во главе которого стал донской казак — Емельян Иванович Пугачев.

Восстание это переросло в подлинную крестьянскую войну, направленную против крепостнического гнета и эксплуатации, доведенных дворянской империей Екатерины II до предела. При Екатерине, как известно, были изданы указы, по которым помещикам было дано право ссылать крепостных по своему усмотрению, а всякая жалоба на помещика каралась каторгой.

Иван Грязнов, пугачевский полковник, в своем воззвании так описывает тяжелое положение крепостных крестьян и рабочих людей уральских заводов: «Сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж — вам самим то не безызвестно: Дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе Божиим и написано, чтобы оне крестьян так же содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали псов своих, с которыми гоняли за зайцами. Бонпанейшики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в сылках твою никогда не бывало, да и нет»¹.

¹ Централхив. «Пугачевщина». Т. I, стр. 74. Госиздат. М. и Л. 1926.

Действия восставших были смелыми и энергичными. В течение 2 недель Пугачев прошел больше 300 верст, овладел несколькими крепостями, увеличил свою армию до 3 тысяч человек и затем подступил к главному городу края — Оренбургу. Пугачев занял лежащую в 7 верстах от Оренбурга Бердскую слободу и расположился зимовать в ней.

Отсюда он развернул широкую агитацию среди населения, рассылая свои воззвания, манифесты и эмиссаров во все концы края.

При первых же известиях о появлении Пугачева и о восстании русских крестьян башкирский народ стал подниматься на вооруженную борьбу против царизма. В своем показании Пугачев сообщает, что когда он пробыл под городом Оренбургом 3 суток, «то пришел в его толпу башкирец Еман-Сарай и привел с собою башкирцев пять сот человек. Через сутки после сего пришел еще старшина башкирский Кинжа и привел с собою так же пять сот человек». Сопратник Пугачева — Зарубин — в своем показании указывает, что с Кинзей Арслановым пришло «башкирцев тысяч до пяти». Под Оренбург привел свой отряд и Салават Юлаев.

Башкиры так быстро и дружно присоединились к восставшим потому, что их положение, как и положение других национальных меньшинств, было особенно тя-

желым из-за двойного гнета: царизма и местной эксплуататорской верхушки.

Насильственный захват земель у туземного населения, усиленное обложение ясаком, произвол и взяточничество администрации, насильственная руссификация местного населения, религиозный гнет и многие другие притеснения — вот та зверская, хищническая политика, которая проводи-

лась царскими властями по отношению к «инородцам».

Башкирские земли в царской России были объектом самого беззастенчивого колониального захвата и грабежа.

Русские заводчики «покупали» башкирские земли и строили на них заводы. О том, как происходила эта так называемая «покупка» земель, принадлежавших башкирам, свидетельствует таблица¹:

Годы	Название заводов, для которых „покупалась“ земля	Количество „купленной“ земли (в десятинах)	Уплата за „купленную“ землю	
			За всю землю	За 1 десятину
1750	Пресображенский . . .	100 000	100 руб.	1 10 коп.
1754	Нязепетровский . . .	70 000	30 „	1 25 „
1762	Белорецкий	300 000	300 „	1 10 „
1767	Камбарский	36 000	120 „	1 3 „
1769	Авзяно-Петровский и Кагинский	180 000 (аренда на „вечные времена“)	20 „	1 90 „

Расхищая башкирские земли и леса, царское правительство разоряло башкир, обрекало их на нужду, голод и вымирание. Царские чиновники довершали разорение башкир взяточничеством, поборами и вымогательством.

Вместе с заводчиками и чиновниками в Башкирию шло духовенство — этот верный помощник колонизаторов, рьяно участвовавший в ограблении и разорении башкир. В докладе о положении национальных меньшинств, представленном Екатерине II чиновником Свечным, говорится: «А если бы поведением случались не из монахов, а из протопопов и священников, то, ездя по быим новокрещенским жителям с женами и с детьми, сами обирали деньгами, скотом, овчинами, а жены их — холстами, пряжей, шерстью и льном, также и всякою живностью, бывши во время тех своих проездов на их, новокрещен, содержания»².

Насилие, притеснения и грабежи не раз вызывали восстания башкир, но каждый раз эти восстания жестоко подавлялись царским правительством.

В 1662 году в Башкирии под предводительством старшины Сента вспыхнуло восстание, охватившее всю Башкирию. К восстанию присоединились киргизы, казанские татары, калмыки и другие народы.

Восставшие дрались упорно. Окончательно восстание было подавлено только в 1683 году, после 20-летней борьбы.

В 1707 году вспыхнуло новое восстание, во главе которого стали старшины Ногайской, Казанской и Осинской дорог³. Вместе с башкирами действовали татары, мещеряки, каракалпаки и представители других угнетенных народов. Восставшие осадили Уфу, Бирск, Мензелинск и были в 30 верстах от Казани. Боярин князь Петр Хованский вступил даже с восставшими в мирные переговоры. В 1711 году восстание было подавлено, но в 1721 году оно вспыхнуло вновь.

Закладка Оренбурга в 1735 году послужила сигналом к новому всеобщему восстанию в Башкирии. Постройка города в центре Башкирии означала, что башкиры теряют всякую самостоятельность и независимость. Восстание продолжалось до 1741 года и стоило башкирам больших жертв.

Восстание, непосредственно предшествовавшее пугачевскому, было возглавлено муллою Батыршей Алеевым. Подготавливая восстание, он выпустил от своего имени воззвание к башкирам с призывом подняться против угнетателей. Вся работа по организации восстания проводилась строго конспиративно, но восстание началось

¹ Цифры взяты из статьи Сигова «Народ и помещичьи владения на Урале», «Русское богатство» № 3 за 1899 год, стр. 195.

² Централхив. «Пугачевщина». Т. III, стр. 6.

³ Дорогами назывались те административные подразделения, на которые была разделена Башкирия со времени построения Уфы. Всего Башкирия была разделена на четыре дороги: Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую.

Известно, что Салават был удалым наездником, мастерски владел оружием и был необычайно храбр и силен. По преданию, Салават обладал богатырской силой еще совсем в молодом возрасте. Башкирская песнь о Салавате отмечает это:

«Сколько лет Салавату...

Зеленая шапка на его голове...

Если спрашиваешь о летах Салавата,—

Четырнадцать лет он стал богатыр-
рсм...»¹.

Салават был образованным для своего времени и своего круга человеком: он был грамотен, писал и читал по-татарски, понимал Коран, знал русское законодательство. Кроме того Салават Юлаев обладал и поэтическим талантом. О Салавате как о певце и поэте народная память сохранила много преданий. Она сохранила и песни, автором которых считается Салават.

Отец Салавата Юлаева также участвовал в восстании Пугачева. В литературе отмечается, что Юлай и раньше пугачевского движения принимал участие в восстаниях башкир. Так, Юдин в статье «Суд и казнь Салаватки»² указывает на участие Юлая в восстании Батырши в 1755 году, что вполне возможно.

Пушкин в «Истории Пугачева» указывает, что «старый их (башкир.— А. Н.) мятежник Юлай, скрывшийся во время казни 1741 года, явился между ними (в период восстания Пугачева.— А. Н.) с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящей силой»³.

Утверждение Пушкина о том, что Юлай участвовал в восстании Карасакала, вряд ли можно считать правильным потому, что, по показанию Юлая в следственной комиссии в начале 1775 года, ему было 45 лет от роду. Следовательно, во время подавления восстания 1741 года ему было не больше 11—12 лет.

Интересные обстоятельства, при которых Салават примкнул к восстанию.

Когда армия Пугачева подступила к Оренбургу, генерал-губернатор Рейнсдорп приказал мобилизовать в помощь городу из ближайших селений башкир, калмыков и татар, разослав об этом циркулярное предписание.

Осенью 1773 года одно из таких циркулярных предписаний было получено и старшиной Юлаем Азалиным⁴. Старшине приказывалось немедленно собрать отряд баш-

кир и отправить его на Стерлитамакскую пристань к находившемуся там командиру Павлу Богданову. Старшина выполнил это распоряжение. Во главе отряда Юлай поставил своего сына Салавата.

В своем показании Салават говорит, что он «ехал до одной крепости пятнадцать дней и, по приезде в оную, явился с командою своею у того Богданова»⁵.

Богданов приказал ему следовать с отрядом под общим командованием князя Уракова в деревню Биккулову на помощь идущему к Оренбургу генералу Кару, поставленному Екатериной II во главе вооруженных сил, направленных против восставших.

Пугачев, узнав о приближении Кара к Оренбургу, послал ему навстречу отряд казаков под начальством самых лучших и деятельных своих соратников: атамана Овчинникова и казака Зарубина,— приказав не допускать Кара до Оренбурга. По дороге к ним присоединился Хлопуша⁶,шедший с Авзяно-Петровского завода с набранным им ополчением.

9 ноября Овчинников, Зарубин и Хлопуша атаковали Кара около деревни Юзеевой. Не выдержав атаки, Кар начал отступление: «...отступал 17 верст и отстреливался восемь часов»⁷. При отступлении Кар надеялся соединиться с отрядом башкир, посланных к нему со Стерлитамакской пристани, но отряд башкир перешел на сторону восставших.

О присоединении башкирского отряда к восставшим Зарубин в своих показаниях говорит, что, «будучи в деревне Биккуловой, увидели в стороне идущих башкирцов команду, тысячи с полторы», под начальством князя И. Г. Уракова, а перед этим «во оной деревне поймали наперед приехавших из той команды башкирской пять человек, которых обо всем расспросили», а потом послали в отряд к тем башкирцам «из пяти трех человек», да одного от себя. Посланные в отряд сделали свое дело: команда была подготовлена к переходу на сторону Пугачева, а «князь Ураков, видя в его команде замешательство, сам третей от них ушел, а башкирцы все передрались...»⁸.

⁵ Центрархив. «Пугачевщина». Т. II, стр. 277.

⁶ Заводский крестьянин, содержащийся в оренбургском остроге. Посланный Рейнсдорпом с указами к войску Пугачева, Хлопуша перешел на сторону Пугачева, став одним из самых лучших и мужественных его помощников.

⁷ И. Дубровин «Пугачев и его сообщники». Т. II, стр. 104. СПб. 1894.

⁸ Центрархив. «Пугачевщина». Т. II, стр. 134.

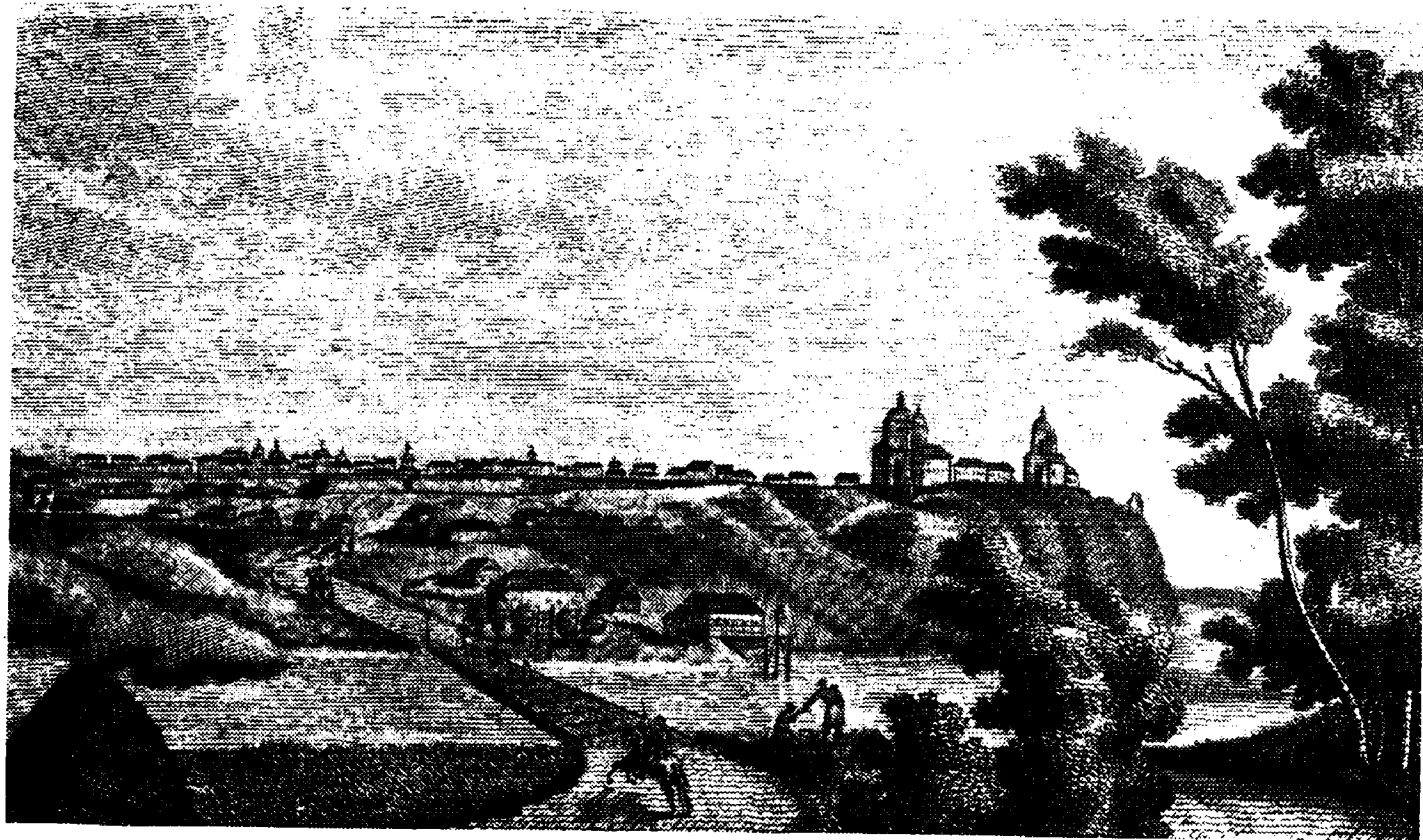
¹ «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», стр. XLVIII. «Academia». 1935.

² «Исторический вестник», Т. LXXIII. Август 1898 года.

³ А. С. Пушкин. Полное собр. соч. Т. IV. Гл. VI, стр. 475. «Academia». 1936.

⁴ В архивных документах фамилия Юлая пишется и «Азналихов».

Оренбург. С гравюры XVIII века.

Гос. исторический музей.

Юлай примкнул к пугачевскому восстанию вместе с другими жителями деревни Юлаевки, когда туда прибыл (в том же, 1773 году) пугачевский отряд под предводительством полковника Ивана Грязнова. Через двое суток Юлай соединился с Салаватом, который передал ему письмо от Пугачева с приглашением вступить к нему на службу с чином полковника¹.

Потемкин в своем донесении Екатерине характеризовал Салавата и отца его Юлая как «самых главных башкирского народа предводителей».

3

Оказавшись под Оренбургом, Салават активно участвовал в его осаде. За свою деятельность под Оренбургом Салават получил от Пугачева чин полковника. Но ему недолго пришлось оставаться при Пугачеве, так как вскоре Салават был послан в глубь Башкирии, чтобы поднять движение среди населения.

Приехав в свою родную деревню — Юлаевку, Салават наткнулся на организованное сопротивление группы зажиточных башкир, пользовавшихся рядом привилегий от русского самодержавия, которое создавало себе таким путем опору среди местной знати. Три брата Аптраковы, желая выслужиться перед царским правительством, решили поймать Салавата и выдать его.

¹ Игнатьев «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор», стр. 25. Казань. 1894.

Завязалась вооруженная борьба, из которой Салават вышел победителем.

После этого Салават, как рассказывали очевидцы, «по всей Башкирии разослал письма, устраивая, что если кто другие таковые же неповиновения ему, Салавату, будут чинить, таковых таким же образом, как оные три брата, истребит, по которому устрашению прочие больше препятствовать и не отваживались»².

В своей деятельности Салават уделял много внимания организации армии, ее усилению, созданию в ней дисциплины, борьбе с предательством и дезертирством.

В то время когда Пугачев вел осаду Оренбурга, восстание в Башкирии стало принимать все более и более широкий размах. Генерал Декалонг в своем рапорте сибирскому губернатору Чичерину доносит: «...словом всей Оренбургской губернии башкирский народ генерально взбунтовался и сущим неприятелем сделался...»³.

25 декабря 1773 года Салават Юлаев вместе с Иваном Басовым с отрядом в 800 человек повел наступление на село Сарapul. Во время боя из рядов сарapulцев многие стали переходить на сторону восставших. Наступление продолжалось целый день, и к концу дня село было занято восставшими. После этого они двинулись к Уфе, где в это время действовал

² ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, стр. 344.

³ А. И. Дмитриев-Мамонов «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири», стр. 21. СПб. 1907.

яицкий казак Чика-Зарубин, а Иван Басов «остался в Сарангуле для управления»¹.

В начале 1774 года Салават Юлаев и Канзафар Усаев подошли к Красноуфимску. Воевода Красноуфимска сдал крепость без боя.

В занятом городе Салават и Канзафар пробыли с неделю. Они организовали управление городом и охрану жителей от произвола и насилия.

Организуя власть на местах, восстановленные переименовали мирскую избу в станичную и вместо старых властей назначили, по казачьему образцу, атамана и есаула. Произведя такую замену в Красноуфимске, Салават в своем указе жителям города пишет: «... ослушности им не иметь, и повиноваться под опасением за неисполнение тяжчайшего штрафа»².

Назначенной же новой власти он предлагает: «Напротиву ж того и вам, атаману Иванову и есаулу Чигвинцову, подтверждается равным образом со здешними гражданами поступать добропорядочно: поборов, притеснений и налог ни под каким видом никому не чинить, ко взяткам не касаться... В случае же и вашей оплошности и нерачительности, не минуете и вы по состоянию дела смертной казни»³.

Еще до занятия Красноуфимска Салават Юлаев и Канзафар Усаев, развертывая дальнейшие военные действия, отправили к Кунгуру и Екатеринбург у два отряда под начальством пожалованных полковников: Батыркаю и Белобородова.

Назначенный Зарубиным «главным российского и азиатского войска предводителем», казак Иван Степанович Кузнецов отправился из Чесноковки под Красноуфимск, чтобы принять начальство над всеми сгруппировавшимися там силами башкир.

Прибыв в Красноуфимск, Кузнецов узнал, что Салават уже отдал распоряжение о занятии Кунгура и Екатеринбурга.

Направленный для занятия Кунгура, Батыркаю 31 декабря 1773 года занял селения, находившиеся в 15—20 верстах от Кунгура, и начал осаду города.

Вскоре Салават, Канзафар и принявший общее начальство над войсками Кузнецов отправились на помощь Батыркаю. В первую очередь они составили и отправили в Кунгур «увещания», в которых требовали выдачи воеводы, сдачи города, пушек, оружия, пороха и преклонения знамен. Они предлагали покориться добро-

вольно, а иначе «поступлено будет военной рукой». Подписаны были эти «увещания» Кузнецовым, а также «командующими азиатских народов».

Но Кузнецов и Салават Юлаев не очень рассчитывали на добровольную сдачу города и поэтому активно пополняли свои ряды. Они написали наставление «определенному от нас к набору казатского российского войска казакам атаману Гавриле Ситникову» о том, что «всевозможным старанием вспомоществованием около Кунгура в селениях бесповинный народ увещевать и набирать к себе верно приклонившихся его императорскому величеству казатского войска добродельных с пристойным оружием и доброконных казаков, и по наборе вокруг всего того города Кунгура окружить, и стараться против воли его императорского величества противящихся искоренить;...»⁴.

На «увещания», посылаемые ими в Кунгур, они ответа не получили, и 23 января 1773 года, в 7 часов утра, Кузнецов с армией в 2 тысячи человек подошел к Кунгуру и открыл по городу огонь. Во время перестрелки Салават Юлаев был ранен и вынужден был уехать домой. Это значительно ослабило силы восставших.

Приближение царских войск во главе с майором Гагриным заставило их отступить. 30 января произошел бой. Восставшие сражались упорно, но, как доносил Мальцев, назначенный незадолго до этого события начальником отряда восставших, «по несчастию нашей армии того города Кунгура армия, осилев нашу артиллерию, а именно 18-ть пушек и при них снаряд весь отбили, так же и всю армию с поражением разбили».

Мальцев, объясняя причины поражения, пишет: «По только башкирская армия, состоящая при селах Сабарском и Сукеунском, по многим моим чрез почту требованиям на ту баталию, неведома для чего, не приступила; оставшейся вместо раненого господина башкирского полковника Салавата Юлаева старшина Чорю Ясулев (не выполнил требования Мальцева) — так от того много, почесть за измену, и урону армии причинилось»⁵.

После двух крупных поражений, под Татищевской крепостью и Сакмарским городком, Пугачев с небольшим числом своих приближенных ушел в село Ташлы, а оттуда в Башкирию. Собрав новое ополчение, он пришел на Вознесенский завод.

В это время Башкирия сделалась центром деятельности Пугачева.

¹ И. Блинов «Сарангуль», стр. 26. Сарангуль. 1887. Фамилию Басова Блинов пишет, как Власов или Власьев.

² Централхив. «Пугачевщина». Т. I, стр. 135.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 79, 80.

⁵ Там же, стр. 155.

Оренбургский генерал-губернатор Рейндорп в своем донесении сенату о размахе восстания в Башкирии писал:

«Как он, злодей, от посылки сик войск внутрь в вверенной мне губернии удалился, так возымел способ башкирской... народ вяще поколебать, который тотчас попустился в генеральный бунт, от коего такой распространился огонь, что к крайнему сожалению, как по линии, так и внутри губернии неописанные злодейства приключены»¹.

Выздоровевший к этому времени Салават весной 1774 года повел наступление на Симский завод.

Михельсон, назначенный командующим отрядом, действовавшим против восставших в Башкирии, поставил своей главной задачей разбить Салавата и Белобородова, который стоял на Саткинском заводе.

Салават, находясь около Симского завода, вел большую работу, собирая распыленные силы восставших. В своем донесении полковник Бибииков писал, что Салават неустанно формировал отряды и успел «пабрать до 10 тысяч мятежников, искавших соединения с Белобородовым, находившимся в Саткинском заводе»².

Салавату пришлось выдержать несколько сражений с Михельсоном, прежде чем он пробился к Саткинскому заводу на соединение с Белобородовым.

Уже в начале мая Салават узнал, что против него, несмотря на распутицу и плохие дороги, двинулся из Уфы подполковник Михельсон. Салават пошел ему навстречу, и 6 мая в 7 верстах от Симского завода Салават с 500 башкирами перерезал путь Михельсону, намереваясь занять ущелье между горами и остановить движение отряда Михельсона. Но это Салавату не удалось, и он отступил в деревню Ераль (Юраль).

Михельсон занял Симский завод и, оставив в нем обоз, в ночь с 7 на 8 мая двинулся к селу Ераль, где не нашел уже восставших. От жителей он узнал, что восставшие собрались в открытом поле, в 4 верстах от деревни, и там в полной боевой готовности ожидают его прихода. Отряд насчитывал до 1500 человек, расположившихся отдельными группами. Михельсон учел это расположение и приказал майорам Харину и Тютчеву атаковать левый фланг восставших, а сам пошел на них с правого фланга. Произошел бой. После боя Михельсон доносил в своем рапорте: «Мы на-

шли такое сопротивление, какого не ожидали: злодей, не уважая нашу атаку, прямо пошли нам на встречу; однако, по Божию, по немалом от них сопротивлении были обращены в бег»³.

О плане дальнейших своих действий Михельсон писал в рапорте: «Не усмирив здешних башкир, коих может собраться тысячи с три, в здешних местах должен буду обращаться несколько дней, пока все усмирю».

К началу мая у Пугачева опять была уже армия от 4 до 5 тысяч человек. Считая себя достаточно сильным, он начал военные действия.

Находясь на Златоустовском заводе, Михельсон узнал, что Пугачев спешит к Саткинскому заводу, где его ожидают Салават, Антуган (один из наиболее смелых и энергичных помощников Салавата) и Белобородов со значительным отрядом.

Но когда 27 мая 1774 года Михельсон пошел к Саткинскому заводу, то Салават, уклоняясь на этот раз от сражения, отступил оттуда на Симский завод, — и Михельсон потерял его след.

Священник Симского завода и плотничный мастер решили организовать сопротивление Салавату. Они собрали отряд из крестьян Катавского и Симского заводов и дали бой отряду Салавата, но были разбиты восставшими, а население Катавского и Симского заводов перешло на сторону Пугачева.

Взяв завод, Салават «табуны заводские отогнал и потом разослал от себя письма», призывая людей быть в его повиновении и присоединиться к восставшим. «Повиновавшихся ему и усердовавших учреждал начальниками»⁴.

Михельсон решил преследовать Салавата и 30 мая выступил к Симскому заводу. Салават ожидал преследования Михельсона и, видя невозможность удержать завод в своих руках, сжег его, а чтобы не оказаться застигнутым врасплох, уничтожил переправу на реке Ай, изрубил паром и укрепил свои позиции в горах. Когда Михельсон подошел к переправе, то обнаружил, что и переправа и паром уничтожены, а горы на противоположном берегу заняты отрядом в 800 человек под начальством Салавата. 31-го, утром, Михельсон начал переправу через реку Ай; он отыскал место, удобное для переправы вброд, приказал срыть часть берега, выставил все орудия, бывшие при отряде, и под прикрытием их огня начал переправу. Переправившись на другой берег, Михельсон приказал пехоте штурмовать горы, а кавалерии — зайти отряду Салавата в тыл. После

¹ ГАФКЭ, разр. VI, д. 512, ч. 1-я, стр. 446.

² А. И. Дмитриев-Мамонов «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири», стр. 104. СПб. 1907.

³ Н. Дубровин «Пугачев и его сообщники». Т. III, стр. 19.

⁴ ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, стр. 373.

уверенного боя Салават вынужден был оставить свои позиции и уйти¹. Салават и Белобородов поспешили в деревню Киги к Антугану.

За успешную деятельность, развернутую Салаватом в Башкирии, Пугачев назначил его бригадиром².

Чтобы обеспечить подступы к Казани, Салават стал организовывать захват Бирска.

Салават поручил провести эту операцию Бахтияру Канкаеву и Аладину, которые и повели наступление на Бирск, но, потерпев поражение от правительственных войск, принуждены были отступить к деревне Пулевке, «куда приехали от башкирского старшины Салавата башкирцев и казаков человек с 200, с оными соединясь пошли опять под Бирск, куда от него, Салавата, еще пришло человек с 300»³.

Салават зорко следил за ходом осады Бирска, своевременно помогая осаждавшим войсками; он организовал сторожевую службу и потребовал, чтобы командование присылало к нему сведения о движении войск противника.

Бирск был взят. Салават, собрав свои силы, направился за Пугачевым, продвигавшимся к городу Осе.

18 июня Пугачев подошел к Осе и потребовал сдачи города. После нескольких штурмов Оса сдалась. Путь на Казань был открыт.

В бою под городом Осой Салават был ранен в «правую ногу ружейною пулею» (это—второе ранение Салавата) и отпущен домой «для излечения»⁴.

4

Пугачев, перейдя реку Каму, направился к Казани. Движение перебросилось в Поволжье.

Со своей стороны правительство стягивало свои силы. Екатерина II в своем письме к графу Панину от 30 июля 1774 года писала: «И так кажется противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была»⁵.

26 августа 1774 года Михельсон у Сальникова завода нанес Пугачеву последнее и решительное поражение. Пугачев ушел в степь; там он был схвачен зажи-

точными казаками и выдан царскому правительству. 10 января 1775 года Пугачев был казнен в Москве, на Болотной площади.

Борьба в Башкирии после ухода Пугачева за Волгу продолжалась, фронт восстания расширялся. Башкиры отстаивали тыл Пугачева, горнозаводский Урал.

Салават в это время возглавил всю борьбу восставшей Башкирии, являясь теперь основным руководителем восстания, вождем движения.

Башкирский старшина Кулей Болтачев, верный царскому правительству, так показывал об этом периоде действий Салавата в следственной комиссии:

«Когда уже злодей Пугачев был пойман и находился под караулом, а потом и все тамошние селения пришли уже в должное повиновение, то и тогда оный Салават от произведения своего злодейства не отказался, а набрав подобных себе бездельников чинил разорения, столь промкие, что имя его, Салавата, в тамошних местах везде слышно было, а посему для поимки его и посланы были военные команды, с которыми он неоднократно сражался»⁶.

Одно из таких сражений произошло у Салавата 22 сентября 1774 года с отрядом подполковника Рылеева около Едьяцкой крепости, в районе которой Салават развернул свою деятельность.

В Едьяцкой крепости Салават так же, как и в Красноуфимске, организовал управление по казацкому образцу.

«В Едьяцкой крепости атаманом одного казака Шелягова учредил он [Салават] для того, чтоб привержцы казакам обид делать не могли, да и черемисина Зибая полковником он наименовал, но только над одними черемисами»⁷.

Это указание очень важно. Салават был народным вождем, передовым человеком своего времени, его взгляды не были узко националистическими, он старался сгладить национальную рознь среди восставших, понимая гибельность ее для дела восстания.

Имя Салавата наводило страх и трепет на феодалов-крепостников и их приверженцев, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Сохранился интересный рапорт, поданный в Уфимскую провинциальную канцелярию, от башкирских и мещеряцких старшин, где они от имени «живущих в Едьяцкой округности» «почтенных» и «добророго состояния» людей просят, чтобы господин подполковник Рылеев с командою своею «находился в нашем жилище», и если Рылеев, «не приведя народ в хороший порядок, уедет, то де дома и дети

¹ См. Н. Дубровин «Пугачев и его сообщники». Т. III, стр. 40—41.

² Военный чин XVIII века, среднее между полковником и генерал-майором.

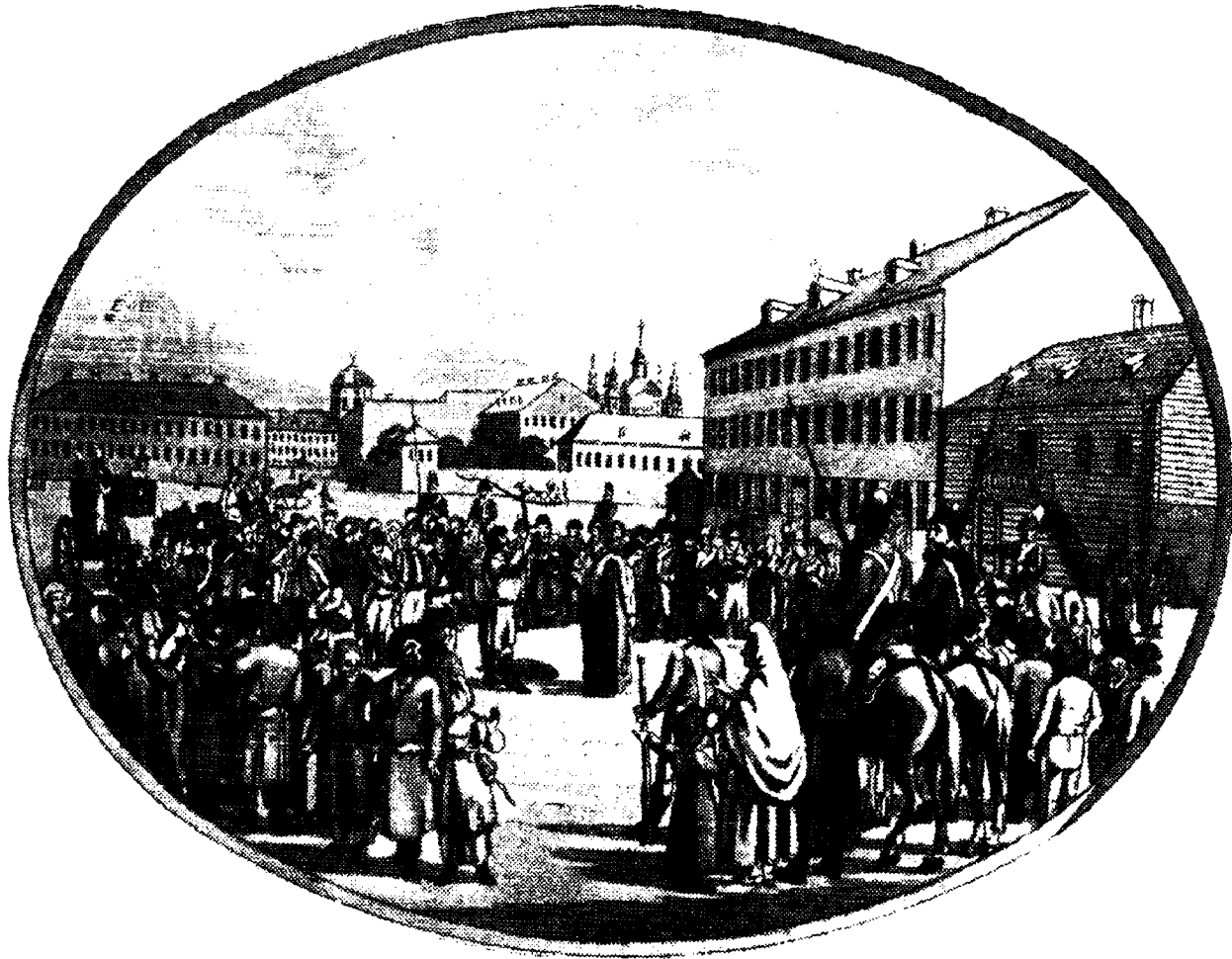
³ ГАФКЭ, разр. VI, д. 427, стр. 5.

⁴ Централхив. «Пугачевщина». Т. II, стр. 279.

⁵ «Сборник Русского исторического общества». Т. VI, стр. 86. СПб. 1877.

⁶ ГАФКЭ, разр. VI, д. 427, л. 23, об. 24.

⁷ ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, л. 368.

Наказание кнутом. С гравюры XVIII века.

Музей революции СССР.

наши приведены будут в сущее разорение»¹.

Узнав, что Рылеев следует со своей командой к Еддяжской крепости, Салават собрал отряд и поскакал на выручку крепости. Недалеко от крепости он выступил навстречу Рылееву и в поле дал ему бой. Рылеев в своем рапорте отмечает, что с «башкирцем Салаваткою имел жестокое сражение». Отряд Салавата был «до трех тысяч человек»².

Но Рылеев, будучи технически лучше вооружен, разбил Салавата, и восставшим пришлось отступить.

Царское правительство рассылало по Башкирии воззвания и увещания, в которых обещало «милости» в случае прекращения восстания, угрожая жесточайшими карами в случае сопротивления. Для обсуждения этих воззваний башкиры собирались на сходы. На такие собрания Салават посылал своих эмиссаров и агитаторов, которые убеждали население не верить царскому правительству. Если же агитация не помогала и собравшиеся все же хотели принести повинную, то отряды Салавата их просто разгоняли.

Так, Юлай Азналин в первых числах августа 1774 года собравшихся «команд Сирекской дороги старшины для принесения

подлиннического повиновения... разогнал и в повиновение прийти не допустил»³.

29 октября 1774 года Потемкин послал Салавату Юлаеву и Кинзе Арсланову специальное увещание с обещанием всяких льгот в случае их покорности.

В этом увещании Потемкин писал Салавату: «... покайся, познай вину свою и приходи с повинным», и «уверяю тебя, что получишь тотчас прощение. Но если укоснешь еще за сим увещанием, то никакой уже пощады не ожидай»⁴.

Но Салават так же, как его отец и соратники, не склонил гордой головы, не пришел с повинной, а продолжал борьбу, вкладывая в нее все свои силы.

В ноябре 1774 года Потемкин в дописании к Екатерине II писал: «Из башкирского народа с повинным явились ко мне до 200 старшин. Имя известных башкирских бунтовщиков осталось только шестеро человек, а именно: Кинзя, Салават, Каранай, Кюркей, Хникей, Илчигул»⁵.

Салават Юлаев после ухода Пугачева за реку Каму продолжал еще почти в течение полугода вести активную борьбу против царского правительства.

³ Показания коллежского советника Тимашева. ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, л. 364.

⁴ ГАФКЭ, разр. VI, д. 489, стр. 166; см. также Дубровин Т. III, стр. 317.

⁵ ГАФКЭ, разр. VI, д. 512, ч. 2-я, стр. 185.

¹ ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, л. 299.

² Рапорт Рылеева. ГАФКЭ, разр. VI, 593, л. 291.

Борьба против революционной деятельности Салавата в Башкирии потребовала от царского правительства большого напряжения сил.

Правительственные войска все туже и туже стягивали кольцо вокруг восставших. Салавату с его небольшим отрядом пришлось уйти в лес, но при приближении к реке Ай он был окружен царским войском, значительно превосходящим его по численности, и захвачен.

Подполковник Аршеневский в своем рапорте о поимке Салавата, писал: «Прошлого 1774 года, ноября 24 дня, в деревне Миглишикшичи, отряженный от меня сильной партией под командой поручика Лесковского, в лесу Салават Юлаев 25 числа пойман...»¹.

При допросе Салавата выяснилось, «что он, наконец, не имея уже другого средства к избавлению, укрываться намерился в лесу, с тем, что как скоро услышит о приближении войска, уйти прямо лесами и горами в Киргизию, к чему все его товарищи согласны были»².

Пойманный Салават был доставлен Аршеневским в Уфу. Потемкин, сообщая о поимке Салавата Екатерине II, в своем донесении писал: «...третьего дня вступил ко мне рапорт о поимке и последнего уже из главных предводителей минувшего бунта, башкирца Салаватки... оного Салаватку, так и отца его... приказал я вести под самым крепким караулом в Казань; Вашего Императорского Величества всеподданнейше исполняваю повеления, что предписать о них изволите, яко вечно о самых главных башкирского народа предводителях»³.

Юлай Азналиев был взят так же, как и Салават, с оружием в руках. Аршеневский в своем рапорте отмечает, что за несколько дней до прибытия его отряда, под заводом Катавским Юлаем был дан бой и кроме того он имел около этого завода всегда пикет.

Исчерпав всякую возможность дальнейшей борьбы, зная, что он окружен со всех сторон и что кроме того на его усмирение из Уфы высланы еще войска, Юлай вынужден был сдаться и, как он показывает, «у советника Тимашева явился сам собою».

Из Уфы Салават и Юлай были отправлены в Казань, в секретную комиссию, где они пробыли 7 дней. На донесение об этом

¹ Рапорт подполковника Аршеневского. ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, л. 335.

² Там же.

³ «Сборник Русского исторического общества». Т. VI, стр. 195. СПб. 1871 (подчеркнуто мною.— А. Н.).

Потемкина последовало «высочайшее повеление», которым Екатерина II «предписать изволили»: «Салаваток обоих прикажите привести сюда (в Москву) в Тайную Экспедицию при Сенате». Куда они и были привезены и сданы в руки известного палача и кнутабойца XVIII века Шешковского.

Приняв Салавата и Юлая в свои руки, Шешковский повел следствие. 25 февраля 1775 года они были первый раз допрошены. Показания Салавата скупы, сжаты, общи.

Шешковскому пришлось ввиду «запирательства» и «нераскаянности» Салавата прибегнуть к очным ставкам, и вряд ли дело ограничилось только очными ставками, так как Шешковский не был разборчив в средствах для получения «чистосердечного признания».

Материалы допроса Шешковский представил на усмотрение генерал-прокурора князя Вяземского, который приказал отправить Салавата и Юлая обратно в Оренбург на доследование.

Наказание, или, как его характеризует Вяземский, «тягчайшее нестяжание», было назначено Салавату уже в Тайной экспедиции и санкционировано Екатериной II.

При отправлении Салавата и его отца из Тайной экспедиции в Оренбург под «накрепчайшим караулом» Рейнсдорпу предлагалось: «наказать его (Салавата) во всех тех башкирских селениях, где от него злодейства и убийства происходили, кнутом и, наконец, в последнем из оных селений, вырвав ноздри и поставя знаки «ворья убийца», послать для употребления в тяжкую каторжную работу вечно в Ротенвик...»⁴.

Путь их из Москвы в Оренбург был рассчитан на 20 дней. На дорогу было выдано каждому по 3 копейки в день.

В Оренбурге они были переданы генерал-губернатору Рейнсдорпу, который отправил их в Уфу в распоряжение Уфимской провинциальной канцелярии. Для ведения следствия был назначен чиновник Третьяков.

12 мая 1775 года Третьяков, получив инструкцию, выехал на места действий Салавата. В результате своей поездки Третьяков представил в Уфимскую провинциальную канцелярию 200 показаний, отобранных им у местных жителей⁵, и привез с собой из Уфы 17 человек как «обличителей» Салавата.

Салават находился в строгом одиночном заключении, но он сумел завязать связи с волей; несмотря на запрещения и обыски.

⁴ ГАФКЭ, разр. VI, д. 427, л. 29—30 (подчеркнуто мною.— А. Н.).

⁵ Игнатьев «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор». стр. 37. Казань. 1894.

у него в камере были чернила и бумага, он вел переписку с товарищами и родственниками, оставшимися на свободе. Салават зорко следил за ходом следствия и пытался влиять на ход событий. На места, куда ездил Третьяков, Салават, опережая его, послал из тюрьмы письмо. В этом письме он писал: «...нас же не опасайтесь, мы на живущих ныне в домах народ никакого показания не делали, а желаем оному благополучия, напротив чего и нас бы оный народ из благих своих молитв не выкидал»¹.

6 июля 1775 года Уфимская провинциальная канцелярия, закончив следствие по делу Салавата Юлая, представила оренбургскому генерал-губернатору сводку из следственного дела и свое заключение, в котором Юлаю назначалось то же наказание, что и Салавату.

Рейсдорп назначил места экзекуции и число ударов кнутом каждому из наказуемых.

В реестре, выданном Третьякову, которому было поручено привести в исполнение постановление, указывается, что «Юлаю и Салавату надлежит учинить наказание кнутом, а по сколько ударов значится под сим, а именно:

Ю л а й к е	Ч и с л о у д а р о в
На Симском заводе	45
На Катавском	45
На Усть-Катавском	45
В деревне Орловке	40

А отколь его, Юлая, вырвав поздри и поставив знаки, отправить обратно сюда в гор. Уфу.

С а л а в а т к е	Ч и с л о у д а р о в
На Симском заводе	25
В деревне Юлаевой	25
В деревне Лак	25
В Красноуфимске	25
В Кушгуре	25
В Осе	25

В том месте, где он, Салават, с подполковником Рылеевым близ Елдяка имел сражение: — 25 и тут, поставя ему знаки, вырвав поздри, возвращаться сюда»².

Для совершения экзекуции Третьякову давался заплочных дел мастер Матвей Сулов.

Отправляя Салавата и Юлая на места наказания, начальство боялось, как бы «на дороге их кто отбить не покусился»³.

Поэтому от генерал-майора Фреймана был вытребован усиленный конвой.

Получив добавочный конвой, кортеж двинулся в места, назначенные для наказания.

Около двух месяцев продолжались «наиптягчайшие по человечеству истязания» Салавата, которые он вынес без всякой медицинской помощи (сведения о том, что Салават не вынес истязаний и покончил жизнь самоубийством⁴, ни на чем не основаны).

После отбытия наказания Салават и Юлай должны были быть отправлены в Рогервик — бухту в западной части Финского залива.

В конце сентября того же года, во время подготовки к отправке их в Рогервик, обнаружилось, «что у них поздри и темень уже совсем заросли, а у Юлайки ставленные знаки почти не видны». Уфимская канцелярия нашла, что в таком состоянии их в такую даль «отправить не можно», так как нужно, чтобы знаки в случае «плачевания могущей быть утечки всякому были видны, а не так, как есть темень». В своем заключении Уфимская канцелярия отмечает, что необходимо при собрании «народной публики их, Юлаю и Салавату, те поздри подчистить вновь, а Юлаю и знаки поставить явственнее», и потом уже «в Рогервик отправление учинить». Салавату и Юлаю вторично пришлось пройти через эти мучительные операции.

2 октября 1775 года все приготовления к отправке их в каторжные работы в Рогервик были окончены. Их, «заклейменных, в ручных и ножных железях», отправили по месту назначения.

После нечеловеческого истязания Салавату и Юлаю предстояло проделать несколько тысяч верст тяжелого пути в условиях наступающей зимы, причем на прокормление в дороге им отпускалось по 2 копейки в день. В таких условиях продолжался путь Салавата и Юлая до места назначения.

Но недюжинная натура Салавата сказала и здесь: ни истязания, ни пытки не сломили народного героя. Измученный, скованный кандалами, он сохранил всю свою страстную любовь к свободе и волю к борьбе за дело народа.

* * *

В богатом и красочном фольклоре башкирского народа образ Салавата Юлаева занимает одно из первых мест. Сохранились песни, речи и поговорки, авторство которых народное предание приписывает Салавату

¹ ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, стр. 350.

² Реестр о наказании Салавата и Юлая. ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, л. 388.

³ Наставление Третьякову. ГАФКЭ, разр. VI, д. 593, л. 387.

⁴ «Малая советская энциклопедия». Т. X, стр. 376; «История СССР». Краткий курс под ред. Шестакова, стр. 22. 1938; III. Титов «Очерки по истории Башкирии». стр. 66. Башгиз. 1930.

Юлаеву. В народе бытует очень много рассказов, сказок, песен, легенд, героем которых является Салават.

В сохранившемся предании о речи Салавата Юлаева, с которой он обращался к своим соотечественникам — пугачевцам, говорится о том, как относился Салават Юлаев к самозванству Пугачева: «Является ли Пугач царем или нет, — это нас не интересует. Пугач — против русских чиновников, генералов и бояр, — для нас это достаточно»¹.

Это же предание рассказывает нам и о том, кого надо считать, по мнению Салавата, борцом, героем своего народа: «Борцом является не тот, кто всех побеждает на свадьбах и иных сборищах, а тот, кто завоевывает себе славу умением вести за собой свой народ и отержать победу над врагами за свободу своей родины»².

Салават звал свой народ к упорной борьбе за волю и свободу Башкирии: «Разве имеется готовая для Башкирии воля — без того, чтобы выбранная тобой красавица не пролила слезы с кровью, и родители твои не согнули с горя свои спины?»³.

Но, несмотря на энтузиазм и героизм, которые проявили восставшие и их вожди в борьбе с царским правительством, несмотря на громадный размах движения, кре-

стьянское восстание XVIII века было подавлено.

Армии повстанцев были многочисленны, но не имели прочной и крепкой организации, не представляли себе ясно той политической цели, которой надо добиваться. Была и национальная рознь в лагере восставших, которая ослабляла и раскалывала их фронт. Движение носило раздробленный и локальный характер. Сказывалось отсутствие рабочего класса, который один способен возглавить национально-освободительную борьбу угнетенных народов и привести их к тому, чтобы «народы-парии, народы-рабы в первые в истории человечества поднялись до положения народов, действительно свободных и действительно равных»⁴.

«Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, — говорит товарищ Сталин, — если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»⁵.

В крепостной России XVIII века таких условий не было.

⁴ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 243. Госполитиздат. 1939.

⁵ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 24. Партиздат. 1937.

Проекты превращения Северовосточной России в английскую колонию в XVII веке

«Когда наши купцы заметили, — гласит отчет о плавании Ричарда Ченслора к русским берегам в 1553 году, — что английские товары имеют мало спроса у народов и в странах вокруг нас и близ нас... некоторые почтенные граждане Лондона, люди большой мудрости и заботящиеся о благе своей родины, начали раздумывать между собой, как бы помочь этому тяжелому положению»¹.

Эти «мудрые лондонцы» иначе именовались «merchants-adventurers», то есть буквально «купцами-авантюристами» (авантюристами в данном случае именовались люди, ведущие крайне рискованные дела). Достойные собратья испанских и португальских конкистадоров, эти дерзкие и предприимчивые хищники не отделяли торговли от пиратства и войны, а о родине они вспоминали главным образом тогда, когда нуждались в поддержке английских военных сил для политического подчинения отдаленных территорий.

«...Видя, как удивительно растет богатство испанцев и португальцев, вследствие открытий новых стран и поисков новых торговых рынков, — гласит тот же отчет, — они предположили, что могут добиться того же самого, и задумали совершенно новое и необыкновенное морское путешествие»².

Как известно, начальник этой экспедиции, Уиллоуби, и большинство участников ее погибли, но Ричарду Ченслору удалось достичь устья Северной Двины, а оттуда он был привезен в Москву, к Ивану Грозному.

С этого времени устанавливаются дипломатические и торговые отношения между Англией и Московским государством. Иван Грозный стремился к союзу с Англией, пытаясь опереться на нее в тяжелой борьбе против Швеции и Польши (позднее Польско-Литовского государства), за Прибалтику. Русский царь надеялся получить от Англии политическую и военно-техническую помощь и, в частности, вооружение для своего войска.

¹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 47. Союзгиз, 1937.

² Там же.

Однако правительство королевы Елизаветы на протяжении ряда лет вело двойную игру. Не отказываясь прямо от заключения военного союза с Московским государством и добиваясь от него все новых торговых льгот, английское правительство вело одновременно тайные переговоры с врагом Москвы — польским королем Сигизмундом.

Иван Грозный в одном из посланий к Елизавете писал с негодованием: «А ты то дело (о заключении союза. — В. В.) отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре все о торговых делах, а владели всем делом твои гости (то есть купцы. — В. В.)...»³.

Монопольных привилегий на ведение торговых и промышленных дел в Московском государстве добились при помощи лондонской дипломатии так называемая Московитская компания (Muscovy company), изредка именуемая также «Русской». Эта компания выделилась в 1555 году из организованной в Лондоне «Компании английских купцов-авантюристов для открытия неизвестных и до этого обычно не посещаемых морским путем стран, областей, островов, владений и княжеств». Во главе компании вначале стоял известный мореплаватель Себастьян Кабот.

Московское государство должно было, по мысли лондонских капиталистов и английского правительства, вознаградить Англию за то, что ее опередили Испания и Португалия при дележе колоний в Америке и Азии. Россия интересовала англичан не только в силу своих богатств, но и как кратчайший путь в Закавказье, Персию и Среднюю Азию (право на торговлю с Ближним Востоком было предоставлено англичанам в 1567 году). Она лишь экспедиция в Персию в 1568—1573 годах принесла англичанам 40 тысяч фунтов стерлингов дохода.

Англичане вели торговые операции главным образом на Севере России. Опорные пункты Московитской компании («потворья») существовали в Архангельске, Хол-

³ Документ приводится у Ю. Толстого «Первые 40 лет сношений между Россией и Англией», стр. 109. СПб, 1875.

могорах, Нарве, а также в Ярославле и в ряде других волжских городов, вплоть до Астрахани. География, экономика, военно-стратегические особенности этих районов были самым тщательным образом изучены представителями компании, которые неустанно вербовали агентов и шпионов среди русских должностных лиц и купечества, извлекавшего выгоды из торговли с Англией.

По Волге английские купцы направлялись до Астрахани, откуда перед ними открывались пути на Кавказское побережье и в Персию. Каспийское море в английских документах нередко именуется Персидским.

Наибольших привилегий Московитская компания добилась к 1569 году: ей было дано монопольное право беспопытной торговли по всему Московскому государству и монопольное же право торговли с Ближним Востоком; компании разрешалось основывать железные, канатные и другие заводы с использованием русской рабочей силы (Иван Грозный хотел перенести в Россию английский производственный опыт), позволялось учреждать свои дома, конторы, склады и даже чеканить английскую монету.

Но когда выяснилось, что в вопросе о военном союзе Англия обманывала московское правительство, что никакой технической помощи англичане оказывать русским не собирались, а интересовались исключительно наживой и шпионскими сведениями, Иван IV отнял у англичан часть торговых привилегий. Правда, путем новых дипломатических обманов англичанам удалось их временно восстановить, но после смерти Грозного, при царе Федоре, английские привилегии были снова урезаны и никогда больше не достигали объема 1569 года. В частности была прервана торговля англичан с Ближним Востоком.

За помощь в получении торговых привилегий Московитская компания оказывала английскому правительству ценные услуги в области военной и экономической разведки, а также дипломатической деятельности. Дело в том, что компания располагала обширной и хорошо подготовленной сетью агентов. Это были одновременно и торговые доверенные, и военные разведчики, и агенты по секретным дипломатическим поручениям. Они старались завербовать русских людей из различных слоев населения — прежде всего среди должностных лиц, — действуя подкупом, шантажем, интригами.

Иван Грозный в свое время упрекал Елизавету в зависимости не только от влиятельных «гостей», но и от темных дельцов неизвестного происхождения.

В начале XVII века Московитская компания, а также и лондонское правительство были представлены в России несколькими энергичными агентами во главе с Джоном Мерриком, отец которого, Уильям Меррик, также в свое время был агентом Московитской компании. Прекрасно владея русским языком, Меррик имел широкие связи в различных кругах русского общества, где был известен под именем «Ивана Ульяновича».

После смерти английской королевы Елизаветы новый король, Яков I Стюарт (1603 год), послал в Москву к царю Борису Годунову своего представителя, капитана Томаса Смита. Одновременно сэр Смит являлся управляющим Московитской компании и в течение ряда лет возглавлял также Вест-Индскую компанию.

Не случайно сам глава компании отправился в Россию, тогда как на протяжении предельного полувека даже рядовые члены компании, как правило, оставались в Лондоне, посылая в Россию лишь своих агентов: подобное изменение в действиях Московитской компании свидетельствовало об усилении активности Англии в русских делах.

Со времени первого путешествия Ченслора и английское правительство и лондонские капиталисты не переставали мечтать о превращении Московского государства в английскую колонию полностью или хотя бы частично. Ченслор, тонкий наблюдатель-разведчик, писал в своем отчете: «Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними»¹. Англичане считали, что надо спешить, пока русский народ своей силой не осознал.

Крестьянская война начала XVII века в России и польско-шведская интервенция обеспокоили Московитскую компанию (выражение этих опасений мы находим и в приводимых ниже документах) и одновременно открыли перед Англией новые возможности для вмешательства в русские дела в целях экономического и политического порабощения страны. Сэр Смит, развив энергичную деятельность, добился в 1605 году подтверждения Борисом Годуновым английских привилегий, но лишь в том же объеме, что при Федоре: прежней свободы торговли с Персией добиться англичанам не удалось. Не было речи и об английских заводах на русской территории.

После воцарения Алексея I Джон Меррик встретился с самозванцем (Смит в это время лично занимался делами компании на Севере) и получил не только новое подтверждение английских прав, но и обещание расширить их.

¹ «Английские путешественники...», стр. 61.

Вообще «цесарь» Лжедмитрий не скупился на посулы англичанам. Меррик в письме именовал самозванца «несомненным сыном старого императора Ивана», что не мешало тому же Меррику позднее выпустить специальную книгу о Лжедмитрии под названием «Русский обманщик».

17 мая 1606 года самозванец был убит, а 4 июня Меррик добился у нового царя, Василия Шуйского, подтверждения прав компании и отправился в Англию с письмом от Василия к Якову I и с подробным секретным докладом о русских делах.

Между тем на Севере англичане действовали все более открыто. Воспользовавшись тем, что в условиях разгоравшейся крестьянской войны и новой польской (тушинской) авантюры связи Москвы с северными городами были ослаблены, англичане и голландцы в Вологде и других северных городах стали участвовать в политической борьбе, стремясь всячески укрепить свое влияние.

В 1609 году Василий Шуйский заключил со Швецией договор о «помощи» против тушинцев. Шведы давно с крайним беспокойством следили за успехами польской интервенции: они хотели сами принять участие в разграблении Московского государства. Договор о «помощи» являлся формальным поводом для шведского вторжения на русскую территорию.

Пятнадцатитысячный отряд шведов, англичан, шотландцев и иных иностранных наемников под командой шведского полковника Якова Делагарди перешел границу и стал занимать земли в районе: Тихвин — озеро Ильмень — Старая Русса — Порхов — Парва. Захваты эти производились, разумеется, отнюдь не для того, чтобы, изгнав тушинцев, вернуть эти земли Василию.

Яков Меррик, возвратившись осенью 1610 года в Архангельск, узнал о последних событиях: о «свелепии» Василия Шуйского с престола, измене боярской олигархии в Москве, присяге польскому королевичу Владиславу и установлении диктатуры польского тетмана Жолковского. Новгород был захвачен шведами, которые заставили новгородских бояр признать шведского принца Карла-Филиппа кандидатом на царский трон.

Агенты Московитской компании во главе со Смитом и Мерриком сочли момент подходящим для обужения проекта открытого вмешательства Англии в русские дела и превращения по крайней мере северовосточной части Московского государства в английскую колонию. Для этого они вошли в контакт с представителями английских наемников в шведском отряде Делагарди (следует иметь в виду, что и в других частях страны было немало английских наемников).

Наибольший интерес представляет обширный и, вероятно, не единственный проект этого рода, явившийся результатом, как указано в самом документе, совещаний капитана из отряда Делагарди, Томаса Чемберлена, с «сэром Томасом Смитом, управляющим Московитской компанией, который был здесь посланником, и с некоторыми другими купцами, которые долго вели дела в этой стране»¹.

Проект этот относится ко второй половине 1612 года. В Лондон он был доставлен, по видимому, Джоном Мерриком. Проект написан от имени военного человека, вероятно, для того, чтобы показать королевскому правительству, что за проектом стоят не одни лишь купцы Московитской компании, но и другие силы, которые могут поддержать его осуществление вооруженной рукой.

Авторы начинают с анализа положения в Московском государстве. «Бедственное и горестное состояние населения Московии хорошо известно, — говорится в проекте, — либо 8 или 9 истекших лет были таковы, что не только королевская династия, но в известной мере и вся знать его истреблена, большая часть страны по направлению к Польше разорена, выжжена и занята поляками; другая часть, по направлению к шведским владениям, захвачена и удержана шведами под предлогом помощи».

Народ предоставлен самому себе, без волея и в большом замешательстве. Но между тем он достаточно способен оказывать сопротивление, если будет сплочен и хорошо руководим».

Но вслед за этой трезвой оценкой положения дел (особенно удачна характеристика шведской политики) следуют выводы, не делающие чести принципиальности всеведущей агентуры Московитской компании.

В проекте всерьез утверждается, что русский народ, способность к сопротивлению которого Томасу Чемберлену пришлось констатировать, «желает и даже вынужден необходимостью отлечь в руки какому-нибудь государю, способного защитить его, и [желает] подчиниться правлению иностранца, видя, что никого не осталось из его собственных [государей], могущих взять это дело на себя».

И это писалось как раз в те месяцы, когда великое патриотическое движение

¹ Проект цитируется по полному тексту, опубликованному П. И. Любименко в «The English Historical Review» V. XXIX. № 14. pp. 249—253. Разрядка и дополнения в скобках всюду наши. — В. В.

направленное против польских и всех иных интервентов, было накануне победы, когда войско Пожарского и Минина было уже под Москвой, захваченной поляками («Русские взбунтовались и осадили Москву с 100 тысячами человек и, насколько известно, находятся еще под нею», — указывает документ)!

Томас Чемберлен и его советники пытаются доказать, что ненависть русского народа, особенно в северных областях, направлена лишь против поляков и шведов; англичане же, наоборот, будут рассматриваться как избавители.

«А теперь, — пишет Чемберлен, — не видя ничего, кроме враждебных действий со стороны Польши и кроме бесчестности со стороны Швеции, северные части этой империи, пока еще находящиеся в целостности и нетронутые войною, но не свободные от ожидания и страха войны, поддерживающие давно спешения с нашей нацией ко взаимному благу обеих сторон и благодаря долговременному общению получившие вкус к нашей натуре и условиям жизни, особенно же привлекаемые славою о великой мудрости и доброте его величества, — гораздо более желают отдаться в его руки, чем в чьи-либо иные». Эти уверения, по меньшей мере, малоубедительны.

Отметим кстати, что Яков I, достойный основатель династии Стюартов, которая своей реакционнейшей внутренней и внешней политикой ускорила взрыв английской буржуазной революции, пользовался столь же дурной славой в своей стране, как и за границей.

«В этих целях, — продолжает документ, — они (представители северных русских областей. — В. В.) вели прошлым летом переговоры с агентом английской компании в этой стране (как он сам сообщил мне) и отправили бы послов к его величеству при возвращении последнего флота, если бы агент мог ползать им какую-либо надежду или поощрение, что их желание может быть удовлетворено».

Эти факты говорят лишь о том, что, по видимому, какие-то представители дворянства и купечества северных городов вели уже изменнические переговоры с английским агентом, которым, по всем данным, являлся тот же «Иван Ульянович» Меррик, пытавшийся инсценировать народное «волеизъявление» в пользу Англии.

Затем документ переходит к подробному географическому и экономическому описанию как Севера России, так и бассейна Волги вплоть до Каспийского моря. Осведомленность составителей проекта не оставляет желать лучшего. Например: «...От Устюга, оставив берега Двины, вы понадеете к другой реке, именуемой Сухона (Sowona), по которой лежит путь до го-

рода, называемого Тотьюмою, а оттуда до Вологды — в лодках [подымающих] различный груз от 40 до 150 тонн» — и т. д.

Детально перечисляются все товары, вывозимые англичанами «из этой части страны», а именно: «лен, пенька, канаты, смола, деготь, сало, мачтовый лес (необходимый материал для нашего флота), меха всех сортов, воск, мед, бобровые шкуры для шапок, воловьи, коровьи и буйволодые кожи, погаш, льняное и конопляное масло, охра и т. д.».

Из Англии же, по словам авторов проекта, ввозятся сукно, олово и свинец на сумму 40 тысяч фунтов стерлингов ежегодно.

«Когда же мы представим себе, насколько более значительные количества сукна, олова и свинца легко могли бы найти сбыт вниз по течению Волги и других рек этих отдаленных восточных и северных краев, которые везут с нами торговлю лишь через несколько посредников, и какой доход мог бы быть получен от всех тех богатых восточных товаров, которые мы получаем сейчас лишь через Турцию, по дорогой цене и с бесконечными опасностями от пиратов и врагов, особенно в случае возникновения конфликта с Испанией, то мы должны прийти к следующему решению.

Если бы у нас представилась возможность любыми средствами установить и наладить обеспеченную торговлю по этому пути, то она оказалась бы не только более доходной и благотворной для нашей страны, чем для любой иной, но (кроме того) в этом случае наше королевство превратилось бы в складочное место для вышеуказанных восточных товаров, из которого они могли бы распространяться во Францию, Германию, Нидерланды и Данию, [способствуя] большей загрузке нашего флота и значительному приращению ввозных и вывозных пошлин его величества.

Таким образом, даже если бы не существовало иных важных доводов, кроме [собоображений] пользы, и то для его величества и нашей страны имелось бы достаточно оснований, чтобы взять в свои руки защиту этого народа и протекторат над ним на условиях, могущих обеспечить и оградить свободу торговли, которую мы уже ведем и которую предпримем в дальнейшем, как было изложено».

Затем в проекте рассматриваются перспективы, могущие возникнуть в случае победы польско-литовской интервенции. Сигизмунд III характеризуется как король, зависящий от Австрии, уже расположенный неприязненно к Англии «и направляемый иезуитами». По мнению авторов

проекта, Сигизмунд отнимет у англичан привилегии на бесполошленную торговлю и передаст их голландцам, которые поддерживают польско-литовскую интервенцию «исключительно в предвидении того, что он [Сигизмунд] покорит эту страну». А в этом случае голландская мощь чрезвычайно возрастет, так что голландцы «могут стать единственными арбитрами и хозяевами морей».

Детально остановившись на опасностях, грозящих в этом случае Англии со стороны Голландии, составители проекта делают следующий вывод: «Из всех этих соображений о явной выгоде в одном случае и явной опасности в другом я делаю заключение, что если бы ваше величество получило предложение суверенитета над той частью Московии, которая лежит между Архангельском и рекой Волгой, вместе с путем по этой реке до Каспийского или Персидского моря, или, по крайней мере, управления (commandments) и протектората над нею, с [установлением] свободы и гарантий торговли — это было бы величайшим и счастливейшим предложением, которое когда-либо делалось какому-либо королю нашей страны, с тех пор как Колумб предложил Генриху VII открытие Восточной Индии. Этот последний пример, еще свежий в нашей памяти, учит нас не быть небрежно-расслабленными, когда такие предложения нам делаются...»

Призывая правительство не повторять ошибки Генриха VII, отвергнувшего Колумба, который заложил основы испанской колониальной империи, Чемберлен и его советники разрабатывают конкретный план действий:

«Пусть его величество соизволит дать полномочия одному или нескольким осмотрительным лицам, которые отправятся туда (на Север России.—В. В.) при ближайшей посылке флота в мае, чтобы вести переговоры с населением, если оно того пожелает (!), и заключить с ним договор на условиях суверенитета или протектората, как это будет указано в инструкциях его величества. После этого московиты могут также отправить сюда послов при возвращении флота в сентябре, чтобы утвердить договор, а тем временем пусть они приготовят для передачи в руки английских компаний, находящихся там, такое количество сокровищ и товаров, которое покрыло бы издержки вооружения и транспортировки того количества людей, какое они желают».

Таким образом, изменники, которые заключили бы «договор» с англичанами, должны были бы выжать из народа достаточное количество богатств для снаряжения оккупационной английской армии.

Таким образом, даже расходы по покорению Северо-восточной России должно было, по мнению английских захватчиков, взять на себя само русское население, притом не задним числом, а непременно авансом!

Здесь ясно проявляется характер столь же пафких ша захваты, сколь и расчетливых советников Томаса Чемберлена. Видно, не так уж они были уверены в благополучном исходе экспедиции и в преданности архангельских, вологодских и холмогорских жителей Якову I Стюарту, как об этом указывалось в проекте.

«Таким же образом будут поступать время от времени [и в дальнейшем], если понадобится подкрепления». В том, что подкрепления понадобятся, авторы проекта не сомневались. Они в равной степени были озабочены тем, «какие города или крепости» перейдут в руки англичан, как будет налажено снабжение английских войск в русских землях, и т. д. Все эти пункты должны были войти в «договор».

Проект Чемберлена, доставленный Мерриком в Лондон, подвергся серьезному изучению. Канцлер казначейства сэр Джулиан Сизар (Julius Caesar), видный юрист своего времени, оставил следующие записки, очевидно, относящиеся к данному проекту¹:

«Московия, 14 апреля 1613 года.

Проект, касающийся Московии, северную часть которой предложено [передать] под королевский протекторат.

1. Действительно ли она будет предложена?

2. Следует ли ее принять?

Денежные ресурсы короля.

Средства короля удержать ее.

Какое употребление король из нее сделает.

Какая зависть может возникнуть среди северных государей, если король примет суверенитет над нею,

или согласится на эту их просьбу (то есть просьбу русских, «жаждущих» перейти под скипетр Якова I.—В. В.),

или вступит в оборонительный союз.

Первое лучше всего».

Как мы видим, возжелания и сомнения обуревали почтенного тезку Юлия Цезаря. С одной стороны, его крайне соблазняло полное превращение Севера России в английскую колонию. Но, с другой стороны, у сэра Сизара, знающего цену «любви» эксплуатируемых английскими купцами народов к английской «натуре и условиям жизни» (как писалось в проекте Чемберлена), возникло сомнение, действительно ли Северная Россия «будет предложена».

¹ Документ найден И. И. Любименко и полностью опубликован в этом же номере «The English Historical Review», стр. 254—255.

А если несколько подкупленных агентами Компании дворян и купцов и подпишут «договор», подсунутый им Джоном Мерриком или иным «осмотрительным лицом», то следует ли принять подобный «договор»? Не придется ли содержать в стране такую оккупационную армию, что в королевской казне не хватит денег? При этом, кроме ожесточенного сопротивления русского населения (Сизар так прямо и ставит вопрос о средствах «удержать» страну), можно ожидать войны со Швецией, да и голландцы постараются причинить возможно больше вреда своему заклятому врагу — Англии.

Поэтому Сизар в той же записи, далее, меланхолически замечает, заранее ставя под сомнение всякие «договоры», сфальсифицированные агентами Московитской компании: «Афинское правило [гласит], что не следует слишком доверять дружбе народа в беде».

Впрочем, Сизар составляет перечень необходимых сведений об Архангельском порте, о том, можно ли обойтись при захвате и обороне этого порта одной тысячей англичан, и т. д.

В то время как Сизар обсуждал все детали интервенции с Яковом I, которому затея весьма понравилась, в Англии стали формироваться отряды добровольцев, пока еще не столько для завоевания Московии, сколько для расхищения богатств Архангельска, Соловецкого монастыря и т. д. В отряды вступали самые отчаянные головорезы. Наиболее нетерпеливые из этих висельников в офицерских и солдатских мундирах, отличавшиеся от капитана Чемберлена лишь малограмотностью и более узким пониманием проблемы грабежа России: Артур Астон, Джейкоб Джиль, Маргарет и др., — уже приехали в Архангельск. По их словам, они горели желанием вступить на русскую службу, чтобы сражаться против Польши. Но, по совету князя Пожарского, успешно справлявшегося в это время с польско-литовскими интервентами, английских «добровольцев» попросту не пустили в Архангельск.

Между тем Сизар договорился с королем. На уже известном нам документе имеется приписка: «Инструкции даны купцам, состоящим на этой службе, сэру Меррику и г-ну Расселю 19 апреля 1613 года».

Джон Меррик, получивший к этому времени за свои заслуги перед Лондоном дворянское достоинство, вместе с Уильямом Расселем, одним из членов правления Московитской компании, были возведены в ранг чрезвычайных королевских посланников (официальным послом оставался сэра Смит) и уполномочены на ведение переговоров о превращении Северовосточной России в английскую колонию.

Но сделано это было, разумеется, в чрезвычайной осторожной форме. Верительная грамота, выданная послам Яковом I в мае 1613 года, гласила:

«Мы достоверно извещены нашим верным и возлюбленным слугою Джоном Мерриком, бывшим резидентом в Московии, о бедственном и затруднительном положении этой славной страны и народа, ныне подвергнутого неминуемой опасности как вторжения врагов извне, так и внутренних беспорядков и мятежей.

По этому случаю вышесказанному Джону Меррику прошлым летом от различных значительных и главенствующих лиц этой страны были сделаны представления и предложения, клонящиеся к благу и безопасности этой страны и восстановлению в ней мира и власти при нашем посредничестве и вмешательстве, каковые предложения он не мог поддержать, как он бы хотел, ибо он не знал нашей воли.

Знайте же, что поскольку они (предложения. — В. В.) ныне переданы нам, мы не мало тронуты, чувствуя нежное сострадание к бедствиям столь цветущей империи, к которой мы и наши августейшие предшественники всегда испытывали особое расположение».

Таким образом «предложения», сделанные в проекте Томаса Чемберлена (вероятно, были представлены и иные аналогичные проекты), были приняты и Яковом I.

Как мы помним по записке Сизара, первым актом водворения мира в России «нежным» английским королем должен был явиться захват Архангельска тысячей английских солдат.

После еще нескольких прочувствованных фраз верительная грамота переходит к более конкретным вопросам: королевским уполномоченным, Меррику и Расселю, предоставляются полномочия «вести переговоры, совещаться, договариваться и заключать соглашения с вельможами (lords), [представителями] сословий, военачальниками, дворянством и общинами или с теми лицами, которые ныне правят и представляют государственные органы, какими бы именами и титулами они ни назывались, или с соответствующими представителями и уполномоченными по повелу вышеупомянутых представлений и предложений»¹.

В дальнейшем тексте английские предложения с тем щепетильным лицемерием, ко-

¹ Английский текст документа приводится в книге Н. П. Лыжина «Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие», стр. 137—138. СПб. 1857.

торым проникнут весь этот характерный документ, именовались «клонящимися к защите и покровительству русской страны».

Совершенно ясно, что среди столь широкого круга лиц, как перечисленный выше, посланникам Якова I нетрудно было найти несколько пролажных «значительных и главенствующих лиц», склонных подписать любой договор.

Но, к величайшему разочарованию английского короля, его агенты опоздали: народная рать Минина и Пожарского уже покончила с польским гарнизоном в Москве. Хотя польско-шведская интервенция и продолжалась, но она была обречена на гибель.

В январе 1613 года в Москве был созван Земский собор. Первым же постановлением собора было: «А литовского и свейского короля и их детей за их неправды и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать».

На царство был избран Михаил Романов. Новое правительство было признано различными частями Московского государства, в том числе и северными краями.

Меррик и Рассель, узнав об этих, крайне досадных для них событиях, предусмотрительно задержались в Архангельске. Меррик, он же «Иван Ульяпович», развил активную деятельность по собиранию агентурных сведений и в то же время слал в Москву одно письмо за другим. Он, понятно, поздравлял Михаила с благополучным восшествием на престол и заодно опровергал некоторые дошедшие до царя слухи о намерениях англичан. По заверениям Меррика, слухи, что Англия собирается предательски использовать бедственное положение Московии в своекорыстных целях, совершенно не соответствовали действительности.

Собрав все нужные сведения и пока что не заезжая в Москву, Меррик отправился обратно в Англию. Там ему была вручена новая верительная грамота. Меррик лестью, интригами и подкупом сумел войти в доверие при дворе. Он добился того, что при ведении мирных переговоров со Швецией, закончившихся Столбовским миром 1617 года, «Яган Мерик, рыцар» (неутомимый разведчик получил к этому времени звание кавалера), именуемый в официальных русских документах «доброшляхетным и грозным, чести одержательным господином»¹ и даже почему-то «князем (!) Иваном Ульяновичем», был посредником между Московским государством и Швецией².

¹ Н. П. Лыжин «Столбовский договор...», стр. 112, 129 и т. д.

² Впоследствии Джон Меррик стал главой «Московитской компании».

Но это было не то «вмешательство», о котором мечтали и агент Московитской компании Джон Меррик, и ландскнехт Чемберлен, и сэр Томас Смит, и их повелитель «Якуб король».

* * *

Попытки превращения Северовосточной России в английскую колонию потерпели неудачу. Однако стремления англичан к экономическому подчинению России не прекратились: «купцы-авантюристы» и владельцы мануфактур уступили место промышленникам и коммерсантам периода победы и утверждения капитализма, а эти последние — заправилам монополистических объединений эпохи империализма, жалкие взоры которых были неизменно прикованы к естественным богатствам Севера и других краев нашей страны.

Попрежнему не только русские богатства сами по себе интересовали Англию, но и пути, лежащие через Россию на Ближний Восток. В деле экономического проникновения английским капиталистам удалось добиться в России больших результатов. Перед первой мировой войной в промышленности царской России были вложены больше английские капиталы. Из экономической зависимости проросла и политическая. «Вспомните, — говорил товарищ Сталин, — 12-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистических фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов»³.

Через три с лишним века после описанных выше событий, когда Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда покончила с капитализмом в нашей стране, англичане вместе с другими иностранными интервентами попытались восстановить власть капиталистов и помещиков и одновременно захватить в свои руки богатства нашей родины.

«Англо-французы высадили войска на севере России, заняли Архангельск и Мурманск, поддержали там белогвардейский мятеж, свергли власть Советов и создали белогвардейское «правительство севера России»⁴. Английские агенты действовали и на Северном Кавказе, и на Волге, и в Сибири. Позднее англичане стали хозяйничать и на юге России, в частности в Закавказье и Закаспье. Но освобожденный народ покончил как с внутренней контрреволюцией, так и с интервентами всех мастей.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 5. 11-е изд.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 217.

Путешествие Плано Карпини и Рубруквиса в Монголию в XIII веке

1

В середине XIII века из Франции было отправлено первое в истории европейское посольство к татарам. Этим событием начинается целая историческая полоса проникновения европейцев сухим путем в дальние восточные страны: Монголию, Китай и Индию. Растянувшись почти на 2½ века, эта полоса занимает в мировой истории внешнеполитических отношений особое место между эпохой крестовых походов и эпохой Колумба.

За эти 2½ века в восточных странах перебывало около полутора десятка путешественников, следовавших почти непрерывно друг за другом.

Среди них встречаются самые различные фигуры: купцы, миссионеры, послы и люди военного звания. Объединяет их всех стремление установить связи с могучей державой того времени — Монголией, — опасным врагом, а в случае удачных переговоров — сильным союзником в борьбе с арабами и сарацинами.

Слова «татары», «Татария», «Великая Татария» и равнозначные им — «монголы», «монгалы», «Монголия» на разные лады склоняются на протяжении двух с лишним веков в записях путешественников этого периода. Понятие «Татария» почти вытесняет понятие «Азия». И это не случайно. Дело в том, что куда бы ни направлялись путешественники того времени на восток: в собственно ли Монголию, в Персию, в Китай или Индию (если сухим путем), — везде они попадали в «Татария» — обширную и могущественную державу, созданную монголами в Азии¹.

Европа стремилась завязать связи с монголами. Это стремление диктовалось той исторической обстановкой, которая сложилась в Азии и в Восточной Европе в первой половине XIII века в результате монгольских завоеваний.

Какова же была эта обстановка?

¹ О возникновении владычества монголов см. статью проф. А. Якубовского «Монгольская империя» в № 3 «Исторического журнала» за 1940 год.

В 1227 году умер основатель монгольской империи Чингис-хан. Сын и наследник его хан Угедей с неослабной энергией продолжал покорение мира, начатое великим «потрясателем вселенной». При Угедее наступление шло не только на восток, но и на западные страны. Внук Чингис-хана Батый прошел через приволжские степи, подчинил русские княжества и, разгромив Польшу, опустошил Венгрию.

Со смертью Угедая в наступательном движении монголов на запад произошла некоторая задержка, но планы завоевания запада не были оставлены правящими кругами татар. Монгольское вторжение продолжало висеть угрозой над Европой.

Для западноевропейских народов из этой обстановки вытекала вполне ясная внешнеполитическая задача: необходимо было, вступив в сношения с татарами, во-первых, постараться оградить себя от опасности новых вторжений, а во-вторых, выяснить возможности привлечения их в качестве союзников для совместной борьбы против арабов и турок.

Кто мог взять на себя это дело? Политически средневековая Европа была раздроблена на множество королевств, герцогств и княжеств, но она была объединена католической церковью под главенством римского папы. Именно папа и его кардиналы взялись за разрешение татарской проблемы, окутав политические задачи борьбы против татар в религиозные облачения. Татары были язычниками, и это представляло нежелательный край для деятельности христианских миссионеров. Послы слухи, что где-то далеко на востоке существовало уже христианское государство, возглавляемое легендарным «пресвитером Иоанном». Все это, естественно, приводило на мысль о том, что монгольские владыки могли бы променять своих идолов на «истинную веру», как то сделал за 250 лет перед тем в Киеве славянский князь Владимир. В случае удачи власть папского престола распространилась бы до крайних восточных пределов земли.

Идея Чингис-хана о военном владычестве монголов над западным миром средневековой Европа противопоставила не менее обширный план религиозной экспансии на

восток: начиная от русских равнин до территорий в неведомой дали пределов монгольских владений. Потому-то на протяжении последующих двух веков преобладающую роль среди путешественников на восток играют миссионеры, монахи и проповедники.

В 1245 году, на третий год после ухода из Западной Европы Батыея, во Франции, в Лионе, собрался церковный собор и обсудил среди других вопросов предложение папы Иннокентия IV об отправлении послов в татарские земли. Собор одобрил мысль папы.

Поездка европейцев на восток, в неведомые страны, к монголам, после кровопролитных битв и походов татар в Европу была предприятием очень рискованным. Иннокентий IV решил поэтому послать не одно посольство, а два, поручив им идти к цели различными путями. Во главе одного посольства он поставил францисканца Карпини, другое — возглавлял доминиканец Асцеллин.

В состав каждого из посольств вошло по несколько монахов из нищенствующих орденов. Это были наиболее подходящие для такой миссии люди, так как многие из них действительно вели непритязательную жизнь, полную странствований, и привыкли к лишениям. К тому же монахи были люди грамотные и нередко высокообразованные по своему времени.

Характер поставленной перед ними задачи послы хорошо понимали. «Хотя мы боялись, — писал Карпини, — чтобы Татары и другие народы нас самих не убили или не ввергли в вечное рабство, также страшились голода, жажды, стужи, зноя, обид, тяжких и непомерных трудов (что все, кроме смерти и вечного рабства, мы испытали неоднократно, и даже более, нежели могли думать), однакоже, ни мало не щадя себя, желали только, по повелению святейшего отца, исполнить волю Божию и быть чем либо полезными для Христиан, и именно тем, что узнав настоящим образом о намерениях и помышлениях Татар, открыть оные Христианам, дабы они не сделали внезапного на них безоружных нападения и не произвели между Христианами великого кровопролития... К тому же, мы имели повеление от святейшего отца, все узнавать и рассматривать внимательно, что усердно и выполнили...»¹.

¹ Д. Языков (издатель) «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях», стр. 3 и 5. СПб. 1825 (разрядка наша. — М. А.).

Угедей, сын Чингис-хана.

С китайского рисунка XIII века.

Добраться до татарских владений из Европы можно было двумя путями: северным — через русские земли и черноморские степи к низовьям Волги — и южным — от берегов Средиземного моря через Сирию и Армению в Персию. Первым путем отправился Плано Карпини, по второму — пошел Асцеллин.

2

В апреле 1245 года группа Карпини двинулась из Лиона через Германию, Богемию и Польшу в Русские земли. Нельзя сказать, что папские послы проявляли большую поспешность на этом первом этапе своего путешествия: из Франции в Польшу они шли с весны до поздней осени. Монахи останавливались в городах, в замках владетельных князей, в больших помещичьих усадьбах. «Святая цель» везде находила одобрение, а послы — пищу, кров и поддержку деньгами и приношениями. По совету опытных людей послы старались запасти мехами, так как было известно, что татарские начальники очень падки на такого рода подарки и что без приношений у них ничего не добьешься.

В Польше послы застали русского князя Василько Волынского, который как раз в это время приехал погостить к польскому владетельному князю Конраду Ленчицкому. По просьбе поляков «герцог русский Василько», как его называет Карпини, взял папских послов под свое покровительство и повез к себе на Волынь. Дело было уже в разгар зимы 1246 года. Зимнее путешествие для не привыкших к сильным холодам европейцев было очень тяжелым. В тогдашнюю столицу Галицкой Руси «Дани-

小童騎馬
大似麒麟
此畫
乃
宋
時
所
繪

Татарский всадник.

С китайского рисунка XIII века.

лон» (город Данилов, позднее исчезнувший) они прибыли «изнеможенные почти до смерти». Тем не менее послы не преминули начать уже здесь свое дело. По их просьбе Василько собрал своих епископов, и Карпини прочел им грамоту папы, призывавшую к воссоединению церкви под главенством римского апостольского престола. Русские выслушали грамоту, но ответа не дали...

Погостив у князя Василько, послы направились в Киев. Был январь, снег лежал глубокий, и стояла сильная стужа.

Карпини был первым европейцем, приехавшим в Русскую землю после недавнего их разгрома татарами.

Страна была жестоко опустошена. То и дело вдоль дорог посольству попадались груды человеческих костей, лежавших кучами «подобно помету», как пишет Карпини. Вокруг царило безлюдье. Жители были перебиты или уведены в рабство монголами. Кое-где мелькали остатки разрушенных и разоренных селений. Уцелевшая часть населения подвергалась постоянным налетам разбойничьих шаек, являвшихся из соседней Литвы.

Литовцы, по словам Карпини, представляли главную опасность для путешественников. Со стороны русских, отмечает он тут же, опасность не угрожала благодаря ехавшим с посольством до Киева княжеским провожатым.

Киев, когда-то цветущая столица Южной Руси, представлял печальную картину. В течение последнего столетия он шесть раз был жертвою княжеских междоусобий и подвергался неоднократным разгромам. Особенно памятным был разгром 1204 года, когда один из князей в борьбе за власть призвал к себе на помощь из степей половцев. Татары в 1240 году довершили разорение Киева. Когда папское посольство прибыло, «мать русских городов» представляла собой деревню в 200 домов с населением, жестоко угнетаемым татарскими ставленниками.

Из Киева, сменив русских лошадей на татарских, умеющих добывать корм из-под снега, послы двинулись 3 февраля в Канову (нынешний Канев, в 120 километрах от Киева). Это был последний город Русской земли.

20 февраля 1246 года послы окружили вооруженные всадники. «Что за люди?» — кричали татары, осаживая на всем скаку коней. Получив ответ, что прибыли послы какого-то папы, татарский разезд ускакал обратно, не забыв прихватить кое-что из съестных припасов посольства. Наутро с тем же вопросом явился начальник заставы. Карпини обратился с речью к татарам: «Мы послы государя нашего папы, который есть отец и государь Христиан. Он послал нас к вам (татарскому. — М. А.) царю, и князьям, и ко всем Татарам, желая чтобы все Христиане были друзьями татар и жили с ними мирно. Сверх этого желает он, чтобы они (татары. — М. А.) возвеличены были пред Богом на небесах, а потому убеждает их как чрез нас, так и своею прамотою, сделаться Христианами и принять веру Господа нашего Иисуса Христа... Кроме этого, он удивляется ужасному кровопролитию, произведенному Татарами, особливо в христианских землях¹. более же всего в Венгрии, в Моравии и в Польше, где живут его подданные, которые ничем их не оскорбили и не помышляли оскорблять»². И так как господь бог тяжело разгневался на это, то папа увещевает их остерегаться этого впредь, а «за содеянное принести покаяние». Кроме того послы прибавили от имени папы просьбу к татарам ответить письменно, «что они делать будут и какое их намерение».

Как мы видим, перед татарами Карпини дал совершенно иное освещение целей посольства чем в обращении «ко всем верным христианам», где упор делался на том, чтобы выведать планы врагов. Тата-

¹ Необходимо помнить, что в глазах католического монаха Карпини истинно христианскими землями были только земли, признававшие духовную власть римского папы.

² Д. Языков. Цит. соч., стр. 13, 15.

лась «Куманская земля» — половецкие степи, тогда уже занятые татарами. От Днепра до Яика Карпини насчитывает четыре больших татарских кочевья, раскинутых по Днепру, Дону и Волге. За Яиком шла земля кангитов — остатков некогда обитавших здесь печенежских племен. Здесь, так же как и в причерноморских половецких степях, повсюду лежали «груды костей, подобно помету» — следы истребительных походов татар.

Обойдя с севера Аральское море, послы повернули на юго-восток и вошли в какое-то разрушенное царство. «В этой земле нашли мы бесчисленное множество разоренных городов с замками и много пустых селений»¹. Это была южная окраина нынешнего Казахстана, еще недавно цветущий Хорезм², павший в 1220 году под ударами войск Чингис-хана. Теперь даже названия «Хорезм» послы не слышали, и разоренное царство именуется у Карпини просто «землей Бисерминов».

Около того места, где в настоящее время находится город Чимкент, послы повернули на северо-восток и вошли в область каракитаев (черных китаев). Дорога пролегла между отрогами Тяньшаня и озером Балхаш. Оставив это озеро далеко в стороне, путешественники, повернув к востоку, вошли в конце июня в высокогорную страну найманов. В горах несмотря на разгар лета выпал глубокий снег, замедливший движение путешественников.

Из области найманов повернули еще на восток и вошли в землю собственно татарских племен. Здесь проводники заторопились, чтобы успеть доставить послов к готовящемуся празднеству провозглашения нового великого хана, Куюка. Началась бешеная скачка. Провожатые меняли лошадей до пяти раз в день. После трех недель этой усиленной гонки послы приехали 22 июля 1246 года в ставку великого хана, находившуюся на расстоянии полдня пути от Каракорума, столицы и единственного города Монголии.

* * *

Монгольская империя, созданная за четверть века перед тем Чингис-ханом, была в расцвете могущества. На торжество из-

¹ Д. Языков. Цит. соч., стр. 27.

² Средневековый собственно Хорезм (область Мавераннахр государства Хорезмшахов), древняя Трансоксания — пространство между реками Оксусом (Джейхунум, Аму-Дарьей) и Яксартом (Сейхунум, Сыр-Дарьей). В настоящее время северная половина его на наших картах лежит в Казахстане (на территории Кызыл-Ордынской и Южно-Казахстанской адм. обл.), а южная занята Узбекистаном (территория Узбекской ССР).

брания нового хана явились многочисленные посольства из разных стран. По уверению приговорных хана, свита и служители этих посольств насчитывали до 4 тысяч человек. Целые караваны верблюдов и сотни возов, груженных драгоценными дарами: коврами, тканями, золотой и серебряной посудой, — стояли отдельным табором недалеко от ханской палатки. В числе прибывших, отмечает Карпини, было немало султанов и герцогов, которые сами пришли покориться, и таких, за которыми татары посылали. Были герцоги китайские и соланжские (манчжурские), был посол калифа Багдадского и больше десяти других султанов сарацинских. Здесь же оказались два сына царя грузинского и русский князь Ярослав Суздальский³.

Только через месяц, 25 августа, состоялось долго подготавливавшееся торжество. Все татарские знатные люди и военачальники, «бароны», как их называет Карпини, собрались в ханскую палатку. Перед посаженным на простой войлок Куюком положили меч и сказали: «Мы хотим, просим и приказываем, чтобы ты владел всеми нами». На это будущий повелитель отвечал: «Если вы хотите, чтобы я владел вами, то готов ли каждый из вас исполнять то, что я ему прикажу, приходить когда позову, идти туда, куда пошлю, убивать того, кого велю?» И все ответили на это: «Готовы». «Тогда впредь слово уст моих да будет мечом моим», — сказал новый избранный хан. Затем «бароны» напомнили ему, что он должен чинить правосудие, соблюдать справедливость и чтить вельмож своих каждого по достоинству. Хана и его главную жену громкогласно объявили повелителем и повелительницей всех татар. На войлок насыпали груды золота, серебра и драгоценностей — наследство умершего хана, — и новый хан оделил ими своих приближенных «по достоинству». Вслед за тем начался веселый пир. Иностранцы и простой народ стояли во время торжества за оградой. Для них на телегах тоже привезли угощение — вареное мясо без соли: соль была изысканной приправой. В ханской палатке соли давалось сколько угодно. Пиршество длилось несколько дней.

Замышляя в ближайшее время новый поход на христианские земли, Куюк-хан неторопился с приемом манских послов. Наконец он потребовал их к себе, ознакомился с грамотой и приказал составить ответ. Хан был непрочь со своей стороны отправить с папскими посланными несколько доверенных людей в Еврону. Но

³ Ярослав II Всеволодович (1190 — 1246) — князь Новгородский, позднее великий князь Владимирский, отец Александра Невского.

монахи искусно уклонились от поручения, не желая приводить с собой татарских соглядатаев в христианские земли.

13 ноября 1246 года Куюк-хан отпустил послов папы, наградив их шубами и дав по куску дорогой ткани.

Обратно ехали всю зиму. В степях часто спали в снегу и поутру вставали из-под нанесенного за ночь сугроба. В мае 1247 года прибыли снова к Батыю и получили от него пропуск на выезд. 14 июня киевляне радостно встретили вернувшееся посольство. Монахов поздравляли, точно воскресших из гроба. Так же встречали послов и дальше по всей Руси. Князь Василько и его брат князь Даниил Галицкий устроили роскошный пир и почти силой продержали гостей больше недели. Даниил и Василько снова созвали своих приближенных и духовные власти, чтобы еще раз обсудить вопрос о слиянии церквей в присутствии папских послов. Получив, по словам Карпини, благоприятный ответ¹, послы выехали в Европу.

Осенью 1247 года Карпини вернулся во Францию, в Авиньон, где в то время была резиденция папы.

* * *

Две вещи привез с собой Карпини из путешествия: ханскую грамоту и свою книгу, которую он написал по пути из русских земель до Авиньона. Точное содержание грамоты до нас не дошло. Книга же «История Монголов» сохранилась во многих списках, в нескольких вариантах.

Выполняя поручение «все узнавать и высматривать», Карпини сосредоточил свое внимание в трех направлениях: географическом, этнографическом и военно-политическом. В наименее благоприятных условиях находился путешественник для собирания географических данных. Путешествие и туда и обратно совершалось с чрезвычайной быстротой. Все вокруг мелькало как в калейдоскопе. К тому же Карпини языка не знал, а переводчики были невежественны. Несмотря на все это, и в географическом отношении путешествие дало ощутительные результаты, так как Карпини усиленно старался фиксировать географическое положение всех основных участков пройденного им пути. Единствен-

¹ «Даниил и Василько... совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми... и единодушно ответили нам... что желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь властью и учительницей...» (Иоанн де Плано Карпини «История Монголов». Вильгельм де Рубрук «Путешествие в восточные страны монголов». Перевод А. И. Маленина, стр. 61. СПб. 1911).

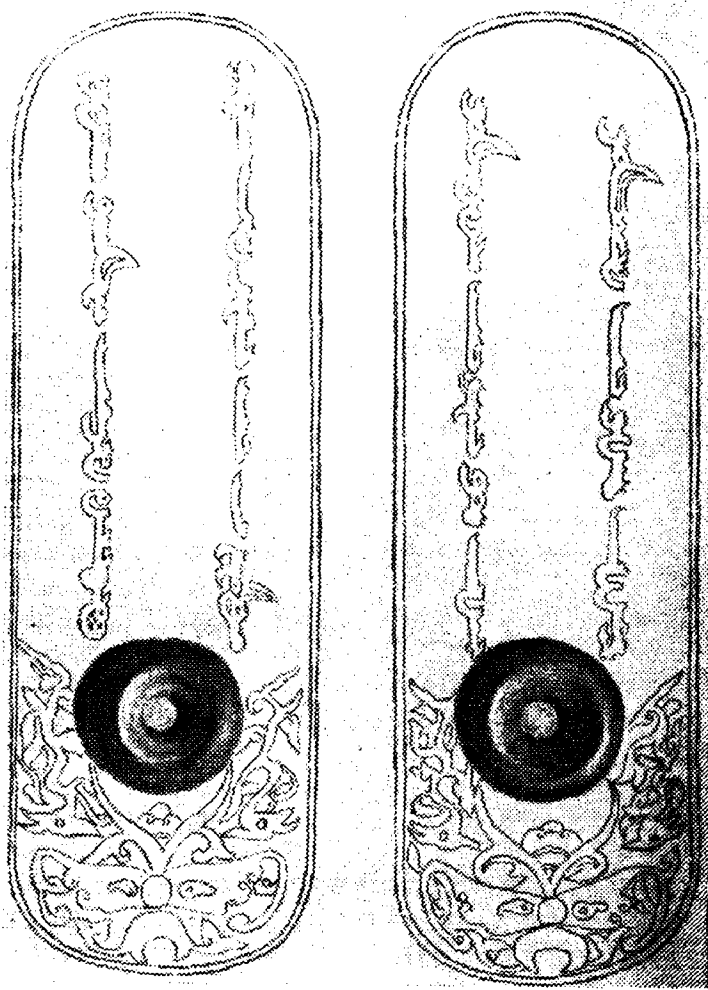
Куюк-хан.

С китайского рисунка.

ным средством для этого в то время, при отсутствии карт и градусной сетки, было перечисление окружающих племен и народов. Таким именно образом Карпини фиксирует, например, географическое положение уже первого крупного участка пути за пределами русских земель — длинной полосой куманских (половецких) степей. «К этой Куманской земле прилегают с севера, — пишет Карпини, — непосредственно после России, Мордвины, Билеры, то есть, Великая Булгария, Бастарки, то есть, Великая Венгрия. За Бастарками, Пароситы и Самогеты (самоеды.—М. А.). За Самогетами живут на пустынных берегах океана те, у коих, как говорят, лише собачье. С южной стороны: Аланы (осетины.—М. А.), Циркасы, Газары, Греция и Константинополь, также земля Иберов... Грузинов, Армян и Турков. С западной же стороны: Венгрия и Россия»². Таким же образом он определяет положение и «земли Кангитов», и «земли Бисерминов», и, наконец, самой Монголии. Разумеется, эти указания географически очень приблизительны, пробны, но, сопоставляя сообщения Карпини с более детальными сведениями, которые привез через десять лет другой путешественник — Вильгельм Рубруквис, позднейшие исследователи смогли довольно точно восстановить и маршрут обоих путешественников и правильно воспроизвести на карте тогдашнее расположение упомянутых в «Истории Монголов» стран и народов.

Этнографические сведения, собранные Карпини, более подробны. В ставку великого хана послы были окружены внима-

² Д. Языков. Цит. соч., стр. 25.

Монгольские напцы.

Найдены близ Днепра.

ипем многочисленных иностранцев, находившихся при ханской ставке, из которых многие могли сносно объясняться и по-татарски и на европейских языках. С их помощью Карпини мог изучать жизнь татар, их страну, быт и нравы. С большим вниманием и наблюдательностью он отдался этому делу. Об этом свидетельствует даже простой перечень относящихся к этому вопросу глав его книги: «О Татарской земле, положении, свойстве и климате оныя», «О наружном виде Татар, о супружестве, одежде и жилищах их», «О Богопочитании и о том, что они считают грехом, о галаниях и обряде погребения, и об очищении грехов», «О их хороших и дурных обычаях и о пище».

Физико-географическая характеристика страны, населенной собственно монголами, скупа и сжата. Но она очень точно схватывает существеннейшие черты, необходимые читателю для общей ориентировки.

Главное внимание Карпини уделяет военным вопросам. Его основная задача — рассеять гипотез татарской непобедимости. Карпини доподлинно разведал, например, что уже в Венгрии в войсках Батыя была большая паника. Если бы венгры держались тогда более стойко, татары обратились бы в бегство. Карпини сообщает также, что упорная борьба крестоносцев с

арабами в Палестине внушает монголам страх. «Более всех других народов боятся они Франков (европейцев.—М. А.)»¹. К тому же татары «малочисленнее Христиан и слабее их телом». Обстоятельство немаловажное. Но все же Карпини не затрушеживает опасности. Монголы сильны своей спайкой, строгой дисциплиной, военным искусством. У монголов прекрасная организация боя: строгое наблюдение за ходом боя, единое, централизованное управление им. В то время как европейские короли и русские князья долгом чести считают рубиться в первых рядах, монголы давно отказались от этой традиции. «Воеводы или начальники войска,— свидетельствует Карпини,— в сражении не вступают; но стоят далеко против неприятельского войска, имея при себе служителей верхом»². Проницательный средневековый монах на много столетий опережает свой век в понимании важности этой стороны дела. Учитесь у татар руководить боем, настойчиво твердит он Европе своей книгой.

«История Монголов» рассказывает, как создал Чынгис-хан свою изумительную конную армию. Суровая дисциплина на основе смертной круговой поруки словывает ее всю, сверху донизу. Если нижнее звено, десяток, побежало,— отвечает головой начальник десятка. Если десяток бьется, а несколько человек струсило,— грехи подлежат казни. Взята часть звена в плен, а остальные не выручили,— голову долгой с уцелевших.

Но не одной только дисциплиной обеспечены успехи монгольских сил. Прекрасно работает у них штаб. Внимательно пролущивается план предстоящих сражений, тщательно разведывается местность. Карпини подробно анализирует военную систему монголов. Он призывает Европу не склоняться перед воображаемой стихийной силой монголов, а перенять существеннейшее из их военного искусства, усвоить их организацию, примениться к их тактике и прежде всего добиться единства. Но если одна область, предупреждает Карпини, не захочет подать помощи другой, то они разорят ту землю, на которую нападут, и со взятыми в плен людьми нападут на другую. Пленных же поставят в первые ряды. Далее не следует, указывает Карпини, рассчитывать добиться чего-либо уступчивостью и соглашениями, «потому, что им ни в чем не лезя верить и никто не может пологиться на их слова, поскольку они обещания своего не выполняют, когда видят удобный к тому случай, и обманывают делом и словом. А постыку они намерены ра-

¹ Д. Языков. Цит. соч., стр. 193.

² Там же, стр. 175.

Монгольский военачальник исполняет ритуальный танец.
С иранской миниатюры начала XIV века.

зордъ или поработить всю землю... то и надлежит противоборствовать им»¹.

Карпини описывает татарские виды оружия и советует использовать ряд их усовершенствований для европейского вооружения. Во время боя Карпини требует согласованных действий и дисциплины среди начальников: «Надлежит постановить законом, что бы в сражение вступали все вдруг или иначе, как устроены будут»². Нарушителей строя и порядка битвы он предлагает карать смертью. Карпини указывает, что надо тщательно выбирать место для сражения, настаивает на том, чтобы были резервы в бою, требует организации разведывательной службы.

Он останавливается также и на вопросе моральной устойчивости монгольских сил. Пребывание в глубоком тылу у татар убедило его, что «вместе с ними в войске есть много таких, которые, если увидят удобное время и получают уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними (с татарами.—М. А.), как сами сказали нам... и причинят нам больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями»³.

Военные вопросы, рассмотренные Карпини, были в высшей степени актуальны для европейского общества, так как Куюк-хан наметил на весну 1247 года (послы были у него осенью 1246 года) поход всеми силами Монгольской империи на западный мир. Карпини это было известно. Он рассчи-

тал, что не позже чем через три года монголы появятся у восточных окраин Европы. Поэтому он и торопился дать представление о силах, какими располагают враги, об их тактике и военно-политической стратегии⁴.

«История Монголов» Плано Карпини была первая в Европе книга о татарах, написанная рукой тонкого наблюдателя. Западный мир с нетерпением ожидал ее появления. Черновые, еще не законченные наброски отдельных глав почти насильно вырывались из рук автора и в копиях быстро распространялись. Но уроки, которые надлежало извлечь из этой книги, относились не только к Западной Европе. Благодаря раздробленности и неспособности объединить свои силы Русь была разгромлена Батыем и попала под владычество татар. Призыв Карпини к единству и к переустройству

⁴ Трудно сказать без специального исследования, оказал ли Карпини какое-либо прямое влияние на военную мысль современности. Но весьма поучительно, что первая настоящая победа, одержанная европейцами над монголами через 130 лет после смерти Карпини — Куликовская битва, — была одержана как бы по правилам, указанным Карпини в заключительной части его записок. Военный анализ подготовки и хода битвы Дмитрия Донского с войсками Мамая (см., например, статью «Куликовская битва» в русской «Военной энциклопедии») довольно наводит на сопоставление с военно-стратегическими и тактическими советами Карпини всякого читателя, внимательно ознакомившегося с трактовкой военных вопросов в книге этого прощительного монаха XIII века.

¹ Д. Языков. Цит. соч., стр. 199, 201.

² Там же, стр. 205.

³ А. Малейн. Цит. соч., стр. 43.

Монгольский всадник.
С китайского рисунка XIII века.

военной системы оказал известную услугу и русским в их борьбе против восточных завоевателей. Путешествие Платона Карпини к татарам, путешествие, совершенное на девять десятых по территории нынешнего Советского Союза, имеет крупное историческое значение вообще и представляет собой особенно большой интерес для историков СССР.

3

Известный интерес представляет собой путешествие монахов-доминиканцев во главе с Асцеллином, хотя его историческое значение несравненно меньше чем значение путешествия Карпини. Асцеллин направился южным путем—через Сирию и Месопотамию в Персию. В августе 1247 года он встретился с начальником татарских сил, стоявших в Персии, Байотной (Байджу). В вопросах этикета Асцеллин оказался не так стоворчив, как Карпини. Последний без особых препирательств выполнял требования, предъявленные к нему, и безропотно становился на колени не только перед Батыем и Куюк-ханом, но даже и перед простым темником Коррензою. Асцеллин же и его спутники повели себя по-иному. В ответ на требование колени преклонения «вся братия, поговоря между собою... единогласно положили: лучше потерять головы, нежели поклониться Байотной»¹. Послы считали такой поступок несовместимым с честью католической церкви и политически недопустимым.

Упорство послов сильно разгневало Байотную и его приближенных. Но еще больше их разъярило предложение послов принять

¹ Д. Языков. Цит. соч., стр. 231.

христианскую веру и признать главенство римского папы².

Разсвирепевший Байотной трижды отдавал приказ убить послов, но благоразумные советники трижды уговаривали его отменить распоряжение.

В конце концов Байотной решил отправить послов к великому хану. Но упрямый доминиканец от такого путешествия наотрез отказался: «Поелику государь мой... послал (меня) к первому Татарскому войску, с которым я поствечаюсь; то я и не хочу и не могу ехать к нему (к хану.—М. А.), довольствуясь тем, что нашел государя вашего и его войско, чем и выполнил в точности данное мне приказание»³.

Три недели тянулись эти опасные препирательства. Послов держали в черном теле. Питались они хлебом и водою. Часто они пили только воду в течение целого дня. Папскую грамоту у них отобрали и отправили в Каракорум, к великому хану. После долгих, томительных ожиданий от Куюк-хана пришла ответная грамота. В ней он требовал от папы покорности и грозил карами за ослушание. Грамоту вручили папским послам и отпустили. Посольство Асцеллина продолжалось, считая дорогу, около года. Никаких новых географических сведений оно не дало, так как послы дальше Персии не пошли. То, что было написано о путешествии самим Асцеллином, пропало. Сохранилась лишь запись о мытарствах монахов у Байотной со слов участника посольства доминиканца Симона.

* * *

Прошло не более шести лет после возвращения папских послов из монгольских

² Интересно отметить, как различно принимали мысль об обращении в христианство в ставке великого хана в самой Монголии и монгольские верхи татарских войск, стоявших в Персии. Там это был один из возможных и терпимо обсуждавшихся вариантов перемены старой религии на новую. Здесь предложение перейти в христианство принималось как оскорбление. Объясняется это очень усилившимся к тому времени влиянием на татар мусульманства в западных частях монгольских азиатских владений. В частности Золотая Орда была накануне принятия магометанства. Под влиянием мусульманства возникла религиозная нетерпимость, свойственная в те времена магометанам в отношении к иноверцам. Нельзя упускать из виду также то, что посольство Асцеллина приехало в Персию в разгар политической и военной борьбы мусульман и христиан на Ближнем Востоке, в непосредственном соседстве с Персией, где стоял Байотной со своими татарами.

³ Д. Языков. Цит. соч., стр. 243.

владений, как Европа снова направила своих представителей в восточные страны. Хотя послами и на этот раз оказались монахи, но инициативу их посылки теперь взял в свои руки Людовик IX, французский, последний король-крестоносец. Этому предшествовали следующие события.

Вскоре после того как посольство Асцеллина покинуло Персию, умер Байотной. Сменивший его Ильчигитай, очевидно, стараясь исправить ошибку своего недипломатичного предшественника, отправил двух своих людей к Людовику IX, предлагая возобновить сношения. Французский король немедленно откликнулся и в марте 1248 года отправил к татарам трех доминиканцев, в том числе и Андрея Лонжюмельского. Уже участвовавшего в неудачном посольстве Асцеллина в Персию. На этот раз послы проникли в глубь Азии. Но тем временем Куюк-хан, принимавший Карпини, умер (в апреле 1248 года). Его вдова, временная правительница, хорошо приняла послов короля, но до избрания нового хана никаких важных вопросов не разрешала. Узнав, что пока новый хан вступит на престол могут пройти годы, послы решили вернуться обратно. Таким образом, никаких результатов это первое посольство французского короля к татарам не дало. Описание своего путешествия Андрей Лонжюмельский также не оставил, так что и для истории его путешествие прошло бесследно.

Монгольские верхи превосходно понимали выгоды своего стратегического положения в тылу мусульманского мира и те надежды или иллюзии, какие могли в связи с этим возникнуть у военных руководителей «франков» в Персией и Малой Азии. Дальновидные политики школы Чингис-хана не прочь были при случае сыграть на этой струне, чтобы продвинуть свою разведку в глубь Европы. Мы видели, что и Куюк-хан хотел с этой целью отправить в Европу своих людей с первым папским посольством Карпини. Такой же смысл имела, очевидно, и посылка людей Ильчигитая. Янее всего это стремление проявилось в попытке преемника Куюк-хана установить сношения с королем Людвигом IX, имя и деятельность которого сильно привлекали внимание руководящих верхов монгольской державы. Попытка эта, непосредственно предшествовавшая появлению в Монголии второго королевского посольства с Вильгельмом Рубруквисом во главе, очень показательна.

Приблизительно в 1252 году ко двору Мангу-хана, занявшего к тому времени монгольский престол после Куюк-хана, явился пекий Раймунд, «иначе называе-

мый также Феодул». В свое время этот Феодул повстречал Андрея Лонжюмельского на пути его к татарам, присоединился к королевскому посольству и сопровождал его до Персии, где и остался. А спустя три года, когда стало известно о безрезультатном возвращении Андрея Лонжюмельского, а затем о воцарении в Монголии нового хана, Феодул явился к последнему, посланный якобы с грамотой от папы к хану. Грамоту же, по его объяснениям, он потерял в дороге. При этом он уверял, что «король Франции» очень хочет заключить мир с татарами, но разделяющие их сарацины являются препятствием для установления связи. Мангу-хан не очень поверил Феодулу, но спросил, берет ли тот провести послов хана к французскому королю. Феодул согласился. Мангу-хан выбрал надежного человека из своих приближенных и в присутствии мнимого папского посланного дал ему такой наказ: «Ты отправишься к тому королю Франков, к которому этот человек проведет тебя, и поднесешь ему это (лук с серебряными стрелами.—М. А.) от меня. И, если он пожелает иметь мир с нами, мы и покорим землю Саррацинов вплоть до его владений, и уступим ему остальную часть земли вплоть до Запада. В случае же отказа верни нам лук и стрелы, и скажи ему, что из подобных луков мы стреляем далеко и поражаем сильно»¹.

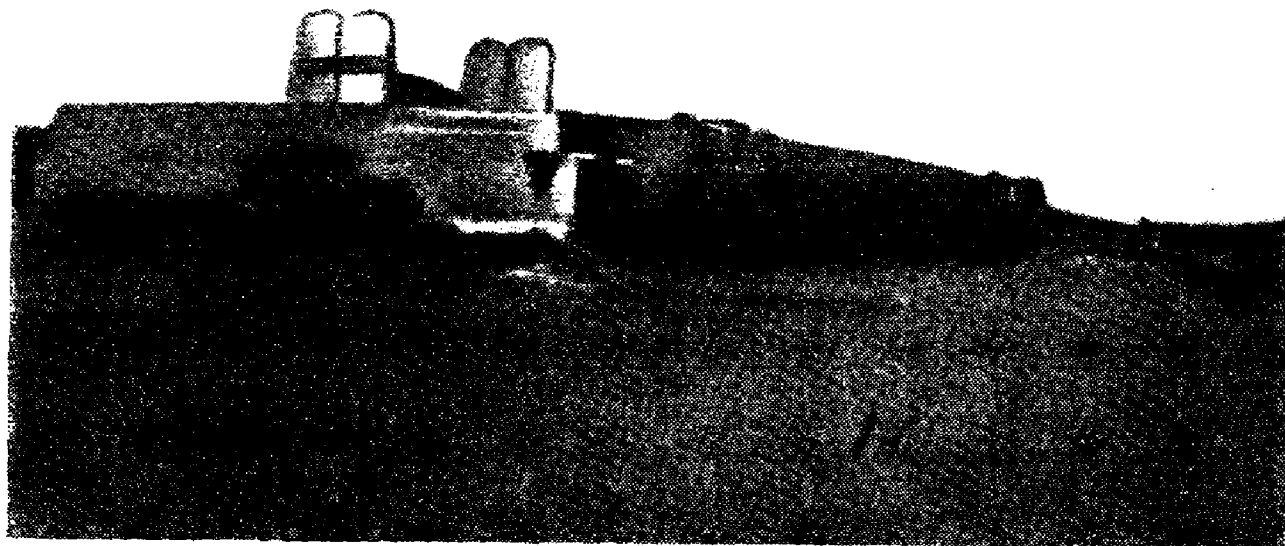
Это была официальная часть поручения. Затем, выслав Феодула, Мангу-хан в присутствии только своих людей сказал избранному им посланцу: «Ты отправишься с этим человеком; хорошенько разведай дорогу и страну, города, крепости и их оружие»². Эта часть поручения была самой существенной.

Самозванец Феодул добрался с ханским послом-разведчиком только до Константинополя. Здесь константинопольский император Болдуин II арестовал Феодула как самозванца и засадил его в тюрьму. Посланец Мангу-хана вскоре заболел и там же, в Константинополе, умер, неизвестно при каких обстоятельствах. Ханский пропуск — золотую дощечку «шайцзу» — император вежливо препроводил обратно Мангу-хану в Монголию.

Не приходится сомневаться в том, что всю эту историю, включая и обещание монгольского хана «покорить Саррацинов», довести до сведения Людовика IX и это вызвало у него желание проверить заманчивые возможности, связанные с этими слухами. Людовик IX прибегнул к тайному посольству, официально никак не связанному с королем. Это было знаменитое в истории

¹ А. Малейн. Цит. соч., стр. 124.

² Там же.

Развалины Каракорума.

средневековых путешествий посольство францезкнца Вильгельма Рубруквиса (или Рубрука, как его еще называют) в восточные страны.

4

Рубруквис направился к татарам якобы по собственному желанию и желанию своего духовного начальства, тщательно скрывая, что он посланец короля.

Послы двинулись во владения татар морем из «Святой земли» в Константинополь, а из Константинополя на Крым. Однако очень быстро распространились слухи о том, что Рубруквис послан французским королем, и уже в Константинополе послам пришлось публично опровергать эту версию. «Однако я заявил в Вербоное Воскресенье, — пишет Рубруквис Людовику IX, — говоря проповедь в церкви Святой Софии, что я не ваш и ничей посол, но направляюсь к этим неверным согласно уставу нашего ордена»¹.

7 мая 1253 года послы отплыли из Константинополя. За две недели переезда, беседуя с опытными людьми — купцами и моряками, — Рубруквис составил себе довольно точное представление об очертаниях и размерах Черного моря.

«Как я узнал от купцов, — пишет Рубруквис, — оно (море Ионга.— М. А.) имеет в длину 1400 миль и разделяется как бы на две части. Именно около его середины находятся два выступа земли: один на севере, а другой на юге. Тот, который находится на юге, именуется Синополь (Синоп.— М. А.), и это — крепость и гавань султана Турпин; тот, который находится на севере, занят некоей областью, именуемой ныне Латинами Газария; Греками же, живущими в ней по берегу моря, она

именуется Кассария, т. е. Цезария (Крым.— М. А.).

...Между Синополью и Кассарией триста миль, так что от этих выступов считается в направлении к Константинополю семьсот миль в длину и ширину и семьсот в направлении к востоку, то есть к Иверии, которая есть область Георгии (Грузия.— М. А.). Мы прибыли в область Газарию или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона (Херсонес.— М. А.)»². Как видим, Рубруквис дает довольно близкое к истинному представление о форме и размерах Черного моря. Далее, он отмечает существование Азовского моря и указывает, что оно кажется ему своего рода большим разливом Танаиса (Дона), воды которого таким путем изливаются в Черное море.

21 мая 1253 года путешественники прибыли в Солдайю (Судак). Свое прибытие Рубруквис объяснил начальнику города стремлением повидать сына Батыя Сартаха, который, по слухам, принял христианство. Начальник поверил этому объяснению и поместил прибывших в епископской христианской церкви. Для дальнейшего путешествия Рубруквису предоставили крытые повозки, «в которых русские перевозят меха».

Из Солдаий выехали 1 июня в глубь Крымского полуострова и на третий день нанали становища татар. «Когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступал в другой мир»³, — пишет Рубруквис. Конные татары окружили повозки путешественников и настойчиво расспрашивали, кто они и по чьей воле посланы сюда. «Я

¹ А. Малени. Цит. соч., стр. 67.

² Там же, стр. 65—66.

³ Там же, стр. 50.

ответил. — пишет Рубруквис королю, — что никто меня не заставлял ехать, и я не поехал бы, если бы не захотел... Я очень остерегался, что бы отнюдь не сказать, что я ваш посол»¹. Начальник заставы направил посольство дальше, в ставку Сартаха. Началось обширное степное приволье. «С тех пор, как мы выехали из Солдани, и вплоть до Сартаха, два месяца, мы никогда не лежали в доме или палатке, но всегда под открытым небом или под нашими ювозками, и мы не видали никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил Романов (половцев. — М. А.)»². Двигались на северо-восток, от нынешнего Перекопа к среднему течению Дона.

Стоянка Сартаха находилась в это время на западном берегу Этилии (Волги), в трех днях пути от нее (между нынешними реками Хопром и Медведицей). Прибыв, наконец, на место, посольство открыло свое подлинное назначение, и Рубруквис вручил Сартаху грамоту французского короля. Сартах выслушал перевод грамоты, принял скромные дары от посольства: немного вина, хлеба и фрукты — и направил Рубруквиса со спутниками к Батые. Добравшись до Волги, Рубруквис был поражен ее величавостью. На глаз он определил, что она, по крайней мере, в четыре раза шире чем Сена под мостами Парижа, и удивился, «откуда с севера могло спуститься так много воды». «Начинается Этилия: — сообщает Рубруквис, — из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро или в некое море, которое ныне называется море Сиркап... А Нендор³ называет его Каспийским»⁴.

Верный своему обыкновению обстоятельно отмечать положение крупных географических объектов, Рубруквис делает это и в отношении Каспийского моря.

Описав его расположение, Рубруквис пишет: «Море с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина». Вопрос, затронутый здесь Рубруквисом, был очень существенен для географии того времени. В Европе были тогда уверены, что Каспийское море — не замкнутый бассейн, а залив какого-то большого моря. Рубруквис на основании своего исследования решительно опровергает установившееся ложное представление. «Брат Андрей (Донжюмельский. — М. А.) — указывает он, — лично обогнул две стороны его (Каспийского моря. — М. А.), именно южную и восточную, а же

другие две, именно северную при путешествии от Батые к Мангу-хану и равным образом при возвращении, западную же — при возвращении от Батые в Сирию. Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Нендор, что это залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей»⁵.

* * *

У Батые состоялся разговор более определенный чем у Сартаха. На вопрос Батые о цели приезда послов Рубруквис уклончиво ответил: «Я прибыл к вашему сыну, так как мы слышали, что он — христианин, и я привез ему грамоту от господина короля Франков. Он сам послал меня сюда к вам. Вы должны знать, по какой причине». До Батые в это время уже дошли слухи, что Людовик IX выступил из своей земли с войском. Он спросил послов, против кого ведется война. «Против Саррацинов, оскорбляющих дом Божий в Иерусалиме», — заявил Рубруквис. Батые задумался и отпустил послов. Вскоре его приближенный сообщил решение. «Господин король, — сказал он, — просит, чтобы ты остался в этой земле, а этого Батые не может сделать без ведома Мангу-хана, отсюда следует, чтобы ты и твой толмач отправились к Мангу-хану»⁶.

Разговор этот происходил в начале августа 1253 года. В течение 5 недель послы кочевали с Батыем, спускаясь вниз по берегам Волги. Их кормили плохо, и часто им приходилось по-настоящему голодать.

15 сентября 1253 года послы получили от Батые провожатого и двинулись прямо на восток от Этилии. Через 12 дней переправились через реку Яик (Урал). Рубруквис отмечает, что река эта течет с севера, из земли пасакатир («пасакатир», по-видимому, были остатки мадьярских племен, переселившихся отсюда на Дунай), и впадает в Каспийское море. «Язык Пасакатир и Венгров, — пишет он, — один и тот же; это — ластухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией»⁷.

Шерейдя Яик, Рубруквис повернул к юго-востоку, обогнул в отдалении Аральское море и стал приближаться к течению Сыр-Дарьи. Пустынная степь стала оживляться, и скоро путешественники въехали в какую-то предгорную равнину, «которая орошалась, как сад». Земли здесь были возделаны. Это было то самое «Бисерминское царство», по которому несколько южнее проехал за 6 лет перед тем Плано Карпини.

¹ А. Маленин. Цит. соч., стр. 81.

² Там же, стр. 82.

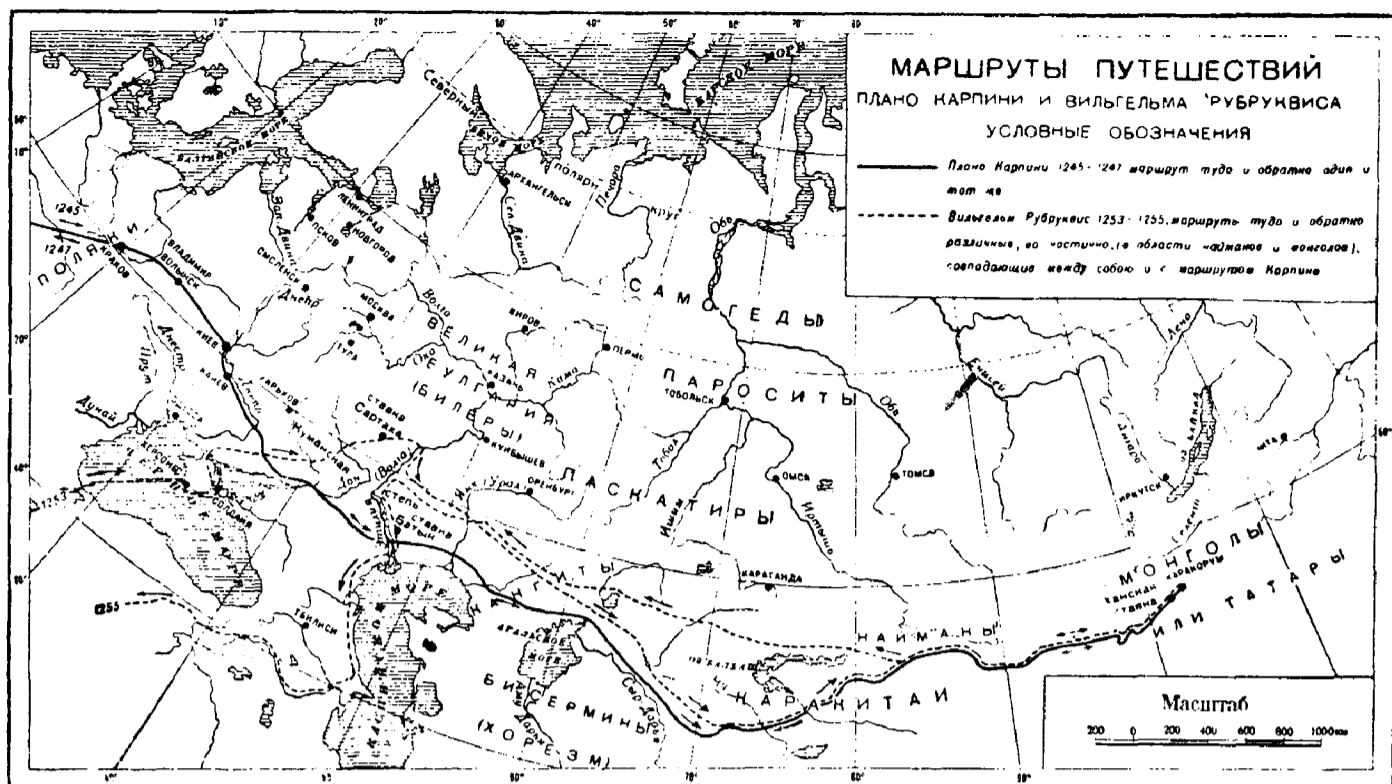
³ Знаменитый средневековый европейский географ.

⁴ А. Маленин. Цит. соч., стр. 95.

⁵ Там же, стр. 95—96.

⁶ Там же, стр. 99.

⁷ Там же, стр. 101.

Примечание. Для лучшей ориентировки читателя, все маршруты нанесены частью городов, возмозных по древним

8 ноября 1253 года Рубруквис прибыл в «некий сарацинский городок Киччат», по имени которого называлась вся окрестная область. Еще через несколько дней посольство вышло на путь, которым шел в Монголию Плано Карпини. Повернув по его следам на северо-восток, путешественники вошли в область каракитаев. По левую руку от них шумело под постоянными сильными ветрами какое-то бурлявое озеро или море. Это было озеро Балхаш. Рубруквис двигался сейчас по южной его стороне. На обратном пути он обошел его с севера и определил его величину в 25 дней пути по окружности.

«Накопещ, в день блаженного Стефана (26 декабря 1253 года. — М. А.) мы въехали на равнину, обширную, как море, так что нигде на ней не виднелось никакой горки»¹. Это была Монголия. Еще через день королевские послы прибыли в ставку великого хана Мангу. Батый уже известил Мангу-хана о предстоящем приезде послов от французского короля. Он сообщил также, что в грамоте к его сыну Сартаху французский король искал помощи татар против сарацинов. Услышав об этом, Рубруквис очень взволновался: по его мнению, в грамоте короля не могло быть того, о чем писал Батый. Однако открыто опровергать сообщение Батыя он не решился и лишь продолжал в разговорах с окружающими упорно стоять на том, что прибыл исключительно с целью проповеди христианства.

В ставке Мангу-хана, кочуя вместе с его двором, Рубруквис пробыл около полугода. Образованный и умный, монах вел себя одновременно и простодушно и осмотрительно. Он пришелся по нраву хану и

пользовался благожелательностью двора. Мангу много раз его принимал, беседовал с ним на разные темы, особенно на религиозные. Монголы в это время отходили от своего первобытного идолопоклонства, и представители других религий — магометане и различные христианские секты — старались склонить хана и его двор на свою сторону. Происходили частые и временами яростные споры. Как представитель католической церкви, Рубруквис был втянут в эти религиозные споры. Мангу-хан устроил даже форменный диспут представителей разных вер с участием Рубруквиса. Чтобы страсти не слишком разгорались, спорящие были предупреждены: за нанесение личного оскорбления провинившиеся получают палочные удары. Это предупреждение немало содействовало благоприлежному диспуту.

Во время своего пребывания у Мангу-хана Рубруквис собрал много сведений о жизни и быте татар, об их взаимоотношениях с другими народами, а также о географическом положении страны монголов. Ему при этом удалось побывать и в Каракоруме. Столица великой Монгольской империи произвела на Рубруквиса жалкое впечатление. «О городе Каракоруме, — пишет он, — да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже пригороду святого Дионисия (в Париже. — М. А.), а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один Саррацинов, в котором бывает базар... другой квартал Катайев, которые все ремесленники... Город окружен глиняной стеною и имеет 4 ворот. У восточных продается пшено и другое зерно... у западных продают баранов и коз; у южных

¹ А. Маленин. Цит. соч., стр. 115.

продают быков и повозки; у северных продают коней»¹.

В июле 1254 года Мангу-хан решил отправить Рубруквиса обратно с ответной грамотой королю. Он хотел было послать с посольством также своих двух людей в Европу. Но, как и Карпини, Рубруквис уклонился от совместного путешествия с ними, говоря, что не может поручиться за жизнь посланных хана при переезде через разные земли. Смысл ханской грамоты сводился к тому, что для установления прочного мира на земле Людовик IX и другие западные короли должны подчиниться власти монгольского хана. По указанию Мангу посольство, выехав из Каракорума, направилось снова к Батыю, который должен был окончательно отредактировать ханскую грамоту. Ехать приходилось по большей части через те же области, которые Рубруквис уже проходил, но более прямым путем, пролегавшим с северной стороны озера Балхаш.

16 сентября 1254 года, после почти годичного отсутствия, послы снова прибыли в ставку Батыя. Отсюда они двинулись не в Крым, а спустились на юг, вдоль Карпийского моря, до тогдашней Великой Армении. На всем этом пути их сопровождали и оберегали люди Батыя. Из Великой Армении посольство направилось на запад, прошло по Араксу до его верховий, переправилось через Евфрат и вошло в пределы Малой Армении, расположенной на берегах Средиземного моря, против острова Кипра. Отсюда морем проехали в Сирию, где, по расчетам Рубруквиса, должен был тогда находиться французский король. Но короля там не оказалось. Путешествие закончилось прибытием в Антиохию 29 июня 1255 года.

В книге «Путешествие в восточные страны», составленной в качестве отчета о поездке, Рубруквис дал тщательное географическое описание также и всей кавказской и малоазиатской части своего пути. Подобно «Истории Монголов» Карпини, книга Рубруквиса является надежным источником для изучения быта и нравов татар XIII века, хорошо обрисовывает политическое положение на Востоке в ту эпоху и дает ценные географические сведения о пройденных посольством странах.

* * *

Из путешествий Карпини и Рубруквиса Европа впервые и по-настоящему узнала татар. От них пошло то описание монгольской внешности, которое затем прочно утвердилось во всех школьных учебниках народоведения: скуластое лицо, узкие косые глаза, жесткие черные волосы, редкая бородка, кривизна и узкий стан при

широких плечах. Они же дали первое описание кочевого быта татар, их одежды, взаимоотношений, обычаев, религии.

Карпини старается быть объективным и рассказывает как о положительных, так и об отрицательных чертах татар. По его свидетельству, татары живут очень спаянно, никогда не бранятся, не дерутся. Он отмечает, что татары уважают друг друга, терпеливы в лишениях, веселы. Очень чтут своего государя и никогда ему не лгут ни словом, ни делом. Остачавливаясь на пороках татар, Карпини указывает, что они всевышны, коварны и лукавы. Особенно возмущает Карпини отношение татар к иноплеменникам: с ними они надменны и считают, что все дозволено, «...высокомерны до того, что презирают всех других людей, и поэтому считают почти ни во что как благородных, так и неблагородных»². Убивать людей, нападать на их земли, захватывать имущество всякими несправедливыми способами, предаваться блуду, обижать отнюдь не считается у них греховным. Словом, заканчивает свою характеристику Карпини, в них так много дурного, что всего и описать нельзя.

При сравнении книг Карпини и Рубруквиса бросаются в глаза любопытные особенности каждой из них. Карпини сосредоточил свое внимание главным образом на исторических данных о монголах и на военно-политической их организации. Посланник же короля-крестоносца Рубруквис почти совершенно не касается этой стороны дела и делает упор на географических сведениях и на описании религиозно-бытовой стороны жизни монголов. Благодаря этому книги обих путешественников сравнительно мало повторяют одна другую, а вместе дают достаточно полное и всестороннее представление о татарах и Монголии того времени.

После них на Востоке подвизаются новые путешественники: Марко Поло и Одрик де Порденоне (Одрик Нортенавский). С этими именами связан уже другой мир, другая эпоха; и характер странспезаний и задачи этих людей совершенно иные: это не случайные гости-послы, а купцы и миссионеры, большую часть жизни проводившие на Востоке, в китайской державе монгольского хана. Еще позже на Востоке появляются незадачливый исландский солдат Шильтбергер и важный испанский гранд Рюи Гонзалес Клавиго, оставившие свидетельство о временах великого Тамерлана.

Но все они являются лишь продолжателями дела, начатого Планом Карпини и Рубруквисом, — дела проникновения европейского влияния на Восток и ознакомления Европы с Востоком в эпоху владычества монголов в Азии.

¹ А. Малени. Цит. соч., стр. 146.

² Д. Языков. Цит. соч., стр. 103.

Изрои

Под названием изроев известны древние деньги, имевшие хождение преимущественно на территории нынешних БССР и Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в XII—XIV веках. На Руси в этот период — после распада Киевского государства и татарского завоевания — чеканка русской монеты на время прекратилась: в ходу были татарские и западноевропейские деньги, а главным образом меха и слитки серебра, заменявшие монету. Меха в качестве денег употреблялись на Руси почти повсеместно. Особенно долго они обращались на севере, в частности в Новгородской земле. Это были прежде всего белки и куньи шкурки. Сохранились документы, из которых видно, как определялись цены в мехах. Например в Уставной грамоте 1398 года, которую великий князь московский дал Двинской земле, есть повеление платить 3 белки княжескому наместнику за то, что он приложит к документу печать. Расплачивались и металлическими деньгами, которые назывались гривнами и рублями. Житель Двинского уезда Мелентий Ефимович, по прозвищу Чевка, в середине XV века заплатил за полесела по реке Лодье 3 рубля и кунью «шерстью». Побывавший в начале XV века в Новгороде француз Жиль-

бер де Ланнуа писал, что русские деньги состоят из кусочков серебра без отписка и из «морлок белок и кун», а золотой монеты русские не чеканят вовсе.

Под кустами серебра де Ланнуа подразумевал, вероятно, наши серебряные денежные слитки. Эти серебряные слитки были различной формы и веса. Большая часть имела вид длинных (107—207 миллиметров) трехгранных палочек. Были слитки и в виде более или менее толстых шестиугольников или узких, расплюснутых на концах ромбов. Трехгранные палочные слитки часто разрубались пополам. Такой полуслиток назывался рублем. Целые слитки весом большей частью от 196,8 до 201 грамма назывались полу-гривнами. Все полу-гривны, как видно, близок к весу полуфунта (фунт в старину назывался гривною). Серебряная гривна составлялась из 2 серебряных слитков или 4 полуслитков. Кроме того были шестиугольные слитки весом в 160 граммов в среднем, следовательно, в $\frac{2}{3}$ гривны. По одному из договоров Новгорода с Ганзой, за убийство посла полагалось уплатить 20 гривен, а за убийство купца — 10 гривен.

Вышеописанных палочных, шестиугольных, ромбовидных и других слитков в

Приношение дани русскому князю мехами. Со старинной миниатюры.

Гос. Исторический музей.

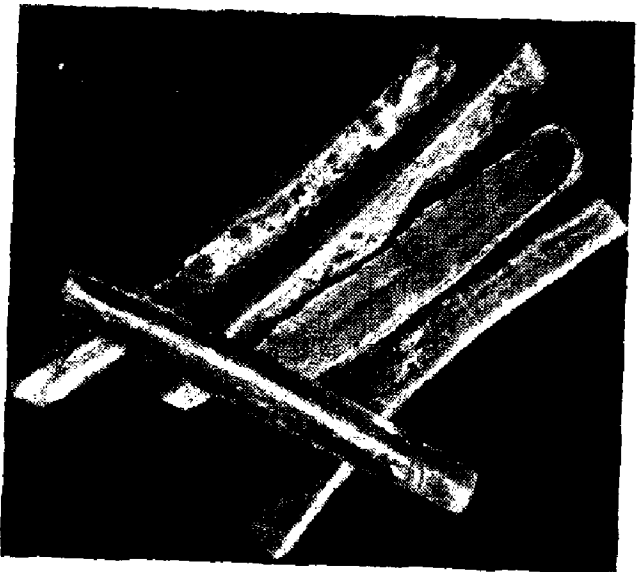
Изроп. Из собрания Государственного Эрмитажа. Ленинград.

СССР находят много в разных местах: от Западного Буга до Тобола и от берегов Невы до устьев Волги.

Трудно установить точно, каким из многочисленных удельных княжеств они выпускались. Для этого у нас нет соответствующих письменных или каких-нибудь других источников. Правда, палочные слитки называются теперь новгородскими слитками, шестиугольные — киевскими, а ромбовидные с расплюснутыми концами — черныговскими. Но эти названия произвольны даны на основании названия места, где впервые были найдены слитки той или другой формы. Если бы случайно нынешние, так называемые новгородские полугривны были впервые найдены, скажем, в Курске, их назвали бы курскими.

Однако есть категория особого вида и веса слитков, которую можно связать с определенной территорией и название которой нам точно известно. До нас дошло письмо рижских ратманов витебскому князю Михаилу Константиновичу (конец XIII — начало XIV века), в котором рижане, перечисляя свои обиды, напоминают князю, что он хотел купить у некоего Герлаха коня за 10 изроев и не только не уплатил этой суммы, но и удержал у себя коня. Кроме того, пишут они, брат князя сторговал товару у какого-то Ильбранта на 30 изроев, а заплатил только 17.

Из этого письма явствует, что изроп есть какая-то денежная единица. Но вполне точно познакомиться с изропом удалось лишь благодаря археологическим находкам. Среди найденных слитков имеется несколько¹ с надписями: «Борисово изроп», «Тимошково изроп» и т. п. Очевидно, эти надписи показывают, кому принадлежал данный слиток, называвшийся изропом. Надписи были сделаны острием ножа или игла. Форма этих слитков — палочка, большей частью округлого поперечного сечения, длиной от 100 до 175 миллиметров; средний вес изропа — 104,86 грамма.

Новгородские гривны.

Гос. Исторический музей.

Киевские гривны.

Гос. Исторический музей.

Большинство изроев было найдено на территории БССР и Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Всего там найдено 97 изроев. Кроме того 38 изроев было найдено в Твери, Рязани и на Волыни. Изроп, по всей вероятности, появился в удельных княжествах, которые некогда были расположены на территории нынешней БССР, например Витебском, Полоцком, Минском и др. Оттуда они распространились по Прибалтике.

Обнаружение изроев на территории Руси является одним из многочисленных доказательств неких исторических связей между Российской, Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

¹ Хранятся в Государственном Эрмитаже (Ленинград).

О. Филиппова

Из опыта преподавания истории в 29-й и 41-й школах Фрунзенского района Москвы

Чтобы добиться наглядности и конкретности в преподавании истории, я применяю различные приемы.

1. Использование высказываний классиков марксизма-ленинизма. При прохождении соответствующих тем знакомя учащихся с высказываниями классиков марксизма-ленинизма, например со словами Маркса о культурной роли Византии, о Петре Пустыннике и т. д.; с высказываниями Энгельса о реформах Клефена; с высказыванием товарища Сталина о смене рабовладельческой формы эксплуатации феодальной формой эксплуатации.

2. Работа с историческими документами. Эта работа занимает видное место и в V и в VI классах. Отрывки из различных, доступных детскому пониманию документов были прочитаны ребятам с указанием, что это за документы. Например содержание речи Перикла на народном собрании мы узнали из сочинения современника Пелопоннесской войны — Фукидида. Впоследствии на уроке о греческой науке я рассказала учащимся о жизни и политических взглядах греческих историков и предложила ученикам вспомнить, какие отрывки из сочинений Геродота, Фукидида, Ксенофонта они знают. Получился своеобразный урок повторения ранее пройденного материала.

В VI классе я прочла детям страничку из учебника, составленного по поручению Карла Великого, а также высказывание Григория Турецкого о состоянии образованности в его время. («Я чувствую себя мужиком, ничего не понимающим в словесности, смешиваю по латыни мужской и женский род, падежи и предлоги. Я похож на быка, принявшегося танцевать, когда начинаю писать по латыни. Никто не мог меня научить чистой латинской речи. Старые римские школы закрыты»). Такой живой пример дает ученикам представление о состоянии грамотности.

Дети громко смеются, когда видят автографы Пингела Короткого и Карла Вели-

кого, ставивших кресты вместо своей подписи.

Большое место я уделяю фольклору, пословицам и поговоркам разных народов. Дети познакомились с содержанием «Песни о Роланде», романом Гартмана фон Ауэ «Белый Генрих». Особенное оживление вызвал городская роман «О хитром Лесе» и стихотворный перевод новеллы «О Буренке — поповской корове».

В этом году в издании Гослитиздата впервые вышли переведенные с санскрита индусские сказки «Двадцать пять рассказов Веталы». Я прочтала ребятам 3 сказки из этой своеобразной серии. При использовании этим сборником надо учесть, что рассказы Веталы не могут быть рекомендованы учащимся для самостоятельного чтения. При чтении этих сказок преподаватель должен сделать соответствующие купюры.

Знакомя учащихся с расцветом поэзии в Китае во времена Танской династии, я назвала имена крупнейших китайских поэтов. Китайцы почитают этих поэтов так, как мы почитаем Пушкина. Сравнение с любимым поэтом заинтересовывает детей. Еще больше они заинтересуются, если добавить, что сейчас, в годы борьбы китайского народа против японских захватчиков, члены Китайской коммунистической партии берут с собой на фронт томики этих стихов о любви, о верности, о дружбе.

В «Истории китайской литературы» Грубе можно подобрать образцы китайской средневековой литературы.

Приведем пример:

«Ревет ли зверь в ущелья мгlistом,
Дракон ли пляшет в небесах,
В долинах вихрь летит со свистом,
Клубятся тучи на горах, —
Влекутся силы к средним силам,
Созвучье музыку творит;
Так с человеком сердцу милым
Любовь навек меня роднит.

Нам подают вино в двух чапах,
Но от одной лозы оно;
И рпе, что в двух тарелках наших,
Произвело одно зерно.

И нам нигде вдвоем не скучно,
Как два Юнь-Ян мы живем.

Мы в жизни парой неразлучной
Как в море камбалы плывем.

И нам в пути не расхотится,
Две жизни слить в одну судьбу.

И после смерти также слиться
В единый прах в одном гробу».

(Пояснение: Юнь-Ян — особая порода уток — считается символом дружбы и нежной любви. Точно так же образцом любви считается камбала; по поверью китайцев, одноглазые камбалы плавают всегда вдвоем, чтобы лучше видеть).

3. Наглядные пособия. Для того чтобы учащиеся ясно представляли себе раннее средневековье в разных странах, я совместно с учащимися 29-й и 41-й школ изготовила в этом году серию наглядных пособий по этому курсу.

В эту серию входят следующие изображения:

1. Представители различных классов общества (их внешний вид, одежда).

2. Портреты выдающихся политических деятелей.

3. Вооружение привилегированных и немощных классов. Изображения важнейших исторических битв. Маршруты походов.

4. Археологические памятники, отображающие жизнь и быт народов: а) архитектура, б) скульптура, в) живопись, г) мелкая пластика, д) предметы обихода.

5. Реконструкция сцен из жизни различных народов.

6. Автографы и образцы письменности.

4. Стимулирование детского внеклассного чтения. Дети охотно приносят имеющиеся у них книги по истории и историческую художественную литературу. В этом году ребята принесли в класс книгу проф. Куна «Что рассказывали греки о своих богах и героях», старинные иллюстрированные издания «Илиады» и «Одиссеи», учебники Вишпера, сказки «1001 ночь» (в издании Детиздата), книги: Успенского «Двенадцать подвигов Геракла», Данько «Китайский секрет», Фрейтага «Лесной вождь», Флитнера «На берегах Тигра и Евфрата», «Саламбо» Флобера, «Песнь о Роланде», Альфреда Фелье «Жизнь знаменитых греков», «Историю инквизиции в Испании» и другие. Я указывала детям, какие из этих произведений стоит прочитать целиком или частично. Дети охотно показывали товарищам иллюстрации из книг, давали друг другу читать интересные книги.

5. Детские доклады. Дети охотно посещали исторические вечера в библиотеке имени Н. К. Круцкой. Многие за-

зывали дома после вечера рассказы, слышанные в библиотеке, и это служило материалом для детских докладчиков, когда мы подходили к изучению данной темы в классе. Так были рассказаны рассказы об Александре Македонском, Марии и Сулле, Спартаке, Ричарде-Львиное сердце.

Содержательный и интересный доклад во внеклассное время сделал один из учеников VI класса. Он использовал материал романа Фрейтага «Лесной вождь», выделив из него картины жизни варваров и их борьбы с римлянами. Докладчик указал сражение, бегство, обычай гостеприимства, состязание в ловкости, мир, поединок, прием варваров римским императором.

6. Профессора в школе. Во время каникул в 29-й школе был профессор Кун. Он рассказал учащимся несколько мифов: греческий солнечный миф о Фаэтоне и японский солнечный миф о богине Аматерасу, греческие мифы об Аэдон и Гермесе. Проф. Кун сообщил детям, что он является автором книги «Что рассказывали греки о своих богах и героях».

Рассказанное проф. Куном ребята записали и оформили в небольшой серии самодельных книжечек под общим названием «Что рассказывал нам профессор Кун».

Когда мы изучали историю крестовых походов, у нас побывал А. Д. Эштейн. Он прочел учащимся VI и VII классов свои очерки о 2-м и 4-м крестовых походах, подготовленные к печати для сборника «Книга для чтения по истории средних веков». Ребята остались очень довольны.

В 41-й школе был организован вечер, посвященный знаменитому русскому полководцу А. В. Суворову. Детский писатель С. Пелов прочел учащимся V, VI, VII, VIII классов свою пьесу «Генерал Вперед».

Прослушав пьесу, ребята задавали автору вопросы о Суворове и Кутузове. В зале были вывешены большой портрет Суворова в окружении его поговорок: «Пулра — не порох, бузля — не пушка, коса — не тесак, и я не немец, а природный русак»; «Каждый солдат должен понимать свой маневр и быть дерзновенным» — и серия фото с картин из жизни Суворова.

7. Самодельное книгоиздательство. В 1940 году в Москве открылось два новых «издательства» — это «Детиздаты» 29-й и 41-й школ, как называли их сами дети.

Редакторами и издателями являются сами учащиеся V и VI классов.

«Детиздаты» задумали и осуществили целую серию самодельных книг. В обеих школах вынужены серии «Греческие ми-

фы». В 41-й школе вышла серия «Галерея великих путешественников».

Учащиеся писали заметки к портретам великих путешественников с древнейших времен до наших дней. Заметки оформлены в виде книжечек. Большинство книг выпущено тиражом в 1 экземпляр, но есть книги с тиражом в 3 экземпляра, например книжечки о Геродоте, о Колумбе. В серию вошли Геродот, Афанасий Никитин, Семен Дежнев, Магеллан, Колумб, Жук, Скотт, Пржевальский, Хансен, Пири, Амундсен, Стэнли, Седов, Чкалов, Лангэнцзы и другие.

Для составления этих книжечек дети брали материал из самых разнообразных изданий: из детского календаря, из журналов «Наша страна», «Новый мир» и из газет.

Обращает на себя внимание работа ученика VI класса «А» (41-я школа). Она оформлена не в виде книжечки, а в виде тетрадки в 17 страниц. В ней тщательно подобран материал по теме «Великий Северный морской путь».

Изготовлена серия самодельных книг-монтажей, вырезок из «Пионерской правды» и других газет.

Очень часто в изготовлении одной книжки участвуют два ученика. Один изготавливает обложку—это «художник» книги, другой оформляет текст—это «редактор» книги. Ребята пишут иногда: «Ре-

дакция под руководством V класса «Г», 41-я школа».

В виде книжечек сделаны словарики-справочники, например «Римские поговорки и слова римского происхождения» (41-я школа, VI класс «Б», VI класс «В»).

В 29-й школе в VI классе изготовлены издания: «Пушкин о римских поэтах» в обложке с силуэтом Пушкина, «Три памятника» («Памятники» Горация, Державина, Пушкина), «Арабские поговорки и слова арабского происхождения».

В конце года в 41-й школе мы устроили в историческом кабинете выставку нашего «Детиздата». Учащиеся, бывая в кабинете и просматривая книжечки в витринах, воодушевлялись хорошим примером и создавали новые книжечки.

В дальнейшем мы предполагаем выпустить серию «Сказки народов Востока», куда войдут сказки египетские, ассирийско-вавилонские, индусские, китайские, японские.

В этой работе очень большое значение имеет самый факт детской самостоятельности, даже в том случае, если книжечки выглядят не очень красиво.

Все эти мероприятия классного и внеклассного характера создают у детей большой интерес к истории и искусству, помогают учащимся усваивать программный материал, развивают детскую самостоятельность и творчество.

Я. Борисов

Иносказательные выражения и пословицы на уроках древней истории

В разговорной речи мы часто употребляем слова, выражения, пословицы, связанные с определенными историческими событиями или целой эпохой. Раскрыть их смысл, объяснить их происхождение—задача учителя истории.

Учащиеся очень любят такие объяснения: узнавая происхождение какого-нибудь выражения или пословицы, давно им известных, они по-новому воспринимают их. Но мы думаем, что не следует ограничиваться только объяснением слов, известных учащимся: надо стремиться расширить их лексику новыми оборотами и привить им интерес к образным словам и выражениям.

Такая работа учителя, несомненно, не пройдет бесследно: раскрытие первоначального смысла выражения или по-

словицы, во-первых, оживляет урок¹, а во-вторых, дает возможность учителю возбудить у учеников больше ассоциаций и, следовательно, помочь им лучше усвоить проходимую тему.

В нашей статье мы хотим отметить ряд таких языковых оборотов, которыми мог бы оперировать учитель на уроках истории.

¹ Знаменитый своим блестящим лекторским талантом В. О. Ключевский прибегал к такому приему в своих лекциях и достигал этим большой художественной выразительности. Так, говоря о хозяйстве великоросса, Ключевский по русским пословицам и поговоркам восстанавливал весь хозяйственный год крестьянина (см. проф. В. Ключевский «Курс русской истории», Т. I, лекция XVII).

* * *

Греческая и римская история дает богатейший материал для экскурсов языкового характера. Многие мифические образы прочно вошли в наш язык. Не зная греческих мифов, трудно читать стихи Пушкина¹. При ознакомлении учащихся с мифами ни один учитель истории не может пройти мимо глубокого сравнения нашей коммунистической партии с силачом Антеем, сделанного товарищем Сталиным в его речи на Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году.

На одном из первых уроков по истории Греции учитель может дать объяснение двум иносказательным выражениям. Говоря о делении Греции на области и, в частности, отмечая область Лаконию, преподаватель может рассказать попутно о происхождении современных слов «лаконизм», «лакониический ответ». Чтобы лучше закрепить это выражение в памяти учащихся, можно привести примеры того, как жители Лаконии относились к длинным, запутанным речам. Так, на речи послов с острова Самоса лакедемоняне отвечали: «Мы забыли уже начало, а конец не поняли, так как не помним начала», и т. д.

Было бы полезно, по нашему мнению, привести отрывок из классической литературы, в котором бы употреблялось это слово. Например: «Сосед изъяснялся (о Тентетникове) лаконическим выражением: «Естественнейший скотина» (Гоголь «Мертвые души»)»².

На этом же уроке можно отметить, в связи с упоминанием города Спарты, выражение «спартанское воспитание» (хотя смысл этого выражения будет объяснен ученикам позднее, на специальном уроке).

На уроках, посвященных мифам, учитель имеет возможность ознакомить учеников с целым рядом образных выражений. В мифе о Тезее мы встречаемся с такими словами, как «прокрустово ложе», «лабиринт», «нить Ариадны». Все они теперь имеют иносказательный смысл. Рассказывая о Геракле и его подвигах, можно вспомнить детскую муку «Геркулес» (римское название Геракла). Интересно также детям узнать

¹ При этом в поэтическом словаре Пушкина мифические образы часто фигурируют не сами по себе, а как сравнение, например в стихотворении к бар. М. А. Дельвигу: «В мои годы вы будете Венерой». Здесь Венера — значит «красавица».

² Цитата взята из книги М. Михельсона «Ходячие и меткие слова». СПб. 1896. Оттуда мы берем ряд цитат как иллюстрацию современного употребления иносказательных слов и выражений.

о слове «атланты» (так теперь называют в архитектуре мужские фигуры, поддерживающие какие-нибудь тяжести), о выражении «очищать авгиевы конюшни».

В мифах, связанных с Троянской войной, мы также встречаем ряд образных выражений: 1) «яблоко раздора», то есть яблоко, из-за которого поссорились три богини; теперь — причина ссоры; 2) «ахиллесова пята» — единственное уязвимое место у Ахиллеса; 3) «гомерический смех» — то есть громкий смех, которым смеялись боги у Гомера: «И залились несмолкаемым смехом блаженные боги, видя Тевфеста, как он хлопотал, по чертогу хромая» («Илиада», I, 599 — 600); 4) Автомедон (в смысле возница):

«Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки...»

(Пушкин «Евгений Онегин».
Гл. 7-я, XXXV).

5) Ментор (в смысле: наставник, воспитатель):

«Наш ментор, помните: колпак, его халат,
Перст указательный, все признаки
ученья...»

(Грибоедов «Горе от ума», I, 7) — или «другого ментора я и не желал» (Пушкин «Капитанская дочка»). Как известно, Ментором звали наставника Телемаха, сына Одиссея.

На уроке, посвященном древнегреческой религии, ученики встретятся с именем богини Геи (Земли). Здесь уместно указать им на происхождение наших слов «география» (описание земли), «геометрия» (землемерие), «геология» (наука о земле). Во всех этих словах имеется общий корень «геа» — земля. Дети Геи назывались Гигантами; это слово прочно вошло в наш язык. Самый большой совхоз у нас называется «Гигант». Но люди, дававшие ему такое название, вряд ли и думали о том, что их совхоз получил имя мифического существа.

В течение одного, двух уроков, отведенных изучению религии древней Греции, невозможно остановиться на всех богах; поэтому учителя обыкновенно пропускают второстепенных богов. Но, с точки зрения языка, следовало бы остановиться на некоторых из них. Например упомянуть о Гипносе — боге сна (теперь: гипноз, гипнотизм); о Гигии — богине здоровья (отсюда наше слово «гигиена»); о Зефире — боге западного ветра, имя которого сейчас означает легкий ветер («Ночной зефир струит эфир». Пушкин «Испанский романс»).

От бога Пана, который нагонял страх на людей, идут современные выражения: «панический страх», «паника».

Эти последние выражения можно объяснить ученикам позднее, в связи с рассказом о Марафонской битве. Победа маленького отряда войска афинян и платейцев над огромной армией персов вызвала удивление самих греков. Они объясняли бегство персов страхом, который нагнал Пан на персидское войско.

От корня слова «муза» (музы—богини-покровительницы различных отраслей искусства) произошли наши слова «музей» и «музыка». Музеем в древности называлось место, посвященное музам; слово «музыка» в переводе с греческого означает «искусство муз».

Перейдем от мифов и религиозных преданий к фактам историческим. На первых же уроках дети встречаются с такими выражениями, как «олимпиада», «драконовоеский закон» (теперь в смысле «жестокый закон»), «спартанское воспитание». Все они требуют объяснения учителя. На уроках о греко-персидских войнах учитель может рассказать учащимся о марафонском беге, который устраивается теперь у нас спортивными организациями. По преданию, греки, одержав победу у Марафона, послали гонца в Афины с радостной вестью. Гонца всю дорогу до Афин бежал бегом (около 40 километров). В 1896 году в Афинах, на первой олимпиаде, был устроен бег в память марафонской победы. Нормальная дистанция его — 42 километра 194 метра. С тех пор вошло в обычай устраивать марафонский бег. В СССР марафонский бег введен с 1935 года¹.

На уроках, посвященных греческой культуре, следует отметить такие слова, как «гимназия» и «академия». Слово «гимназия» в Греции означало место для упражнений; отсюда слово «гимнастика». Современное слово «гимназия» приобрело свое теперешнее значение. Академия происходит от названия местности Академия, близ Афин, где находилась философская школа Платона.

Наконец, из македонского периода греческой истории можно остановиться на двух выражениях: 1) «флиппика» — страстная речь против кого-нибудь (такую речь произносил Демосфен против Филиппа Македонского); 2) «гордиев узел», «разрубить гордиев узел» — в городе Гордоне у царя Гордия

была колесница, дышло которой было привязано прочным узлом. По древнему преданию, тот человек, который развяжет этот узел, будет владеть Азией. Александр Македонский попросту разрубил узел Гордия мечом. («Время, этот великий мастер разрубать все гордиевы узлы человеческих отношений, решило этот вопрос гораздо проще и приличнее». Писемский «Люди сороковых годов»).

Как известно, многие греческие имена вошли в наш обиход. Ученикам очень интересно узнать, что значат эти имена на греческом языке, и учитель может объяснить их значение.

Например распространенное имя Василий ведет свое происхождение от названия греческих царей — базилиевов (василевсов): имя Николай происходит от греческого слова «победитель» (в Афинах существовал храм Ники — победы); имя София означало мудрость (отсюда в слове «философия» корень «софия») и т. д.².

Из римской истории в наш язык перешло много слов и выражений (овация, триумф, пролетарий, император, меценат, пиррова победа, лукуллов пир, перейти через Рубикон, жребий брошен, и т. д.). Их так много, что они могут явиться темой специальной работы, и разобрать их все на уроках, конечно, невозможно. Но для учащихся, интересующихся этим вопросом, можно продолжить этот разбор в исторических кружках.

Средневековая история и история СССР также дают материал для такого рода занятий, и к разбору пословиц, связанных с этими эпохами, мы рассчитываем вернуться в одном из следующих номеров журнала.

* * *

Приведенные здесь индикаторные выражения и пословицы подобраны, разумеется, недостаточно полно и до некоторой степени случайно. Некоторые выражения и пословицы опущены сознательно, ввиду того что они не подходят для школьников. Но большая часть опущенного объясняется недостаточной доработанностью материала, так как очень невелик еще наш опыт в этой области. Мы хотим поделиться собранными материалами с другими учителями, с тем чтобы они в свою очередь поделились своим опытом с нами.

¹ См. «Большую советскую энциклопедию», Т. 38-й, столб. 97-й.

² В. Даль «Пословицы русского народа», Т. I, стр. 18. Т-во М. О. Вольф. 1904.

Проф. А. Панкратова, доц. А. Фохт

Об учебниках истории СССР для средней школы*

Создать учебник по истории СССР для средней школы стало возможным только в результате большой работы, проделанной за последние 6 лет под руководством партии и правительства. Эта работа проводилась на основе указаний, данных в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова, и постановлений партии и правительства о преподавании гражданской истории в школах СССР. За эти годы очень много сделано для очистки исторического изучения прошлого нашей великой страны от извращений, внесенных в историческую науку «школой» Покровского. Много сделано также по научному исследованию, на основе произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, различных разделов истории СССР, в особенности истории народов нашей страны. Только после такой предварительной научно-исследовательской работы стало возможным составить учебник по истории СССР для средней школы.

Учебник написан проф. К. В. Базилеви-чем, проф. С. В. Бахрушиным, проф. А. М. Панкратовой и доц. А. В. Фохт. Общая редакция принадлежит проф. А. М. Панкратовой.

Учебник для VIII класса охватывает события от древнейших времен до XVII века включительно. Разделы его «Наша страна в далеком прошлом» и «Народы нашей страны в XVII веке» написаны проф. К. В. Базилевицем, остальные разделы написаны проф. С. В. Бахрушиным. Учебник для IX класса охватывает события XVIII—XIX веков. Раздел этого учебника «Российская дворянская империя XVIII в.» написан проф. К. В. Базилевицем, раздел «Разложение крепостничества и зарождение капитализма» — проф. А. М. Панкратовой, раздел «Развитие капитализма в царской

России» — доц. А. В. Фохт. Учебник X класса охватывает события XX века, вплоть до наших дней. В его I разделе — «Первая буржуазно-демократическая революция» — глава I — «Канун революции» — и глава II — «Русско-японская война и первая русская революция (1904—1907)» — написаны доц. А. В. Фохт, остальной текст учебника для X класса написан проф. А. М. Панкратовой. Иллюстрации подобраны и снабжены подписями проф. Ст. С. Кривцовым, карты составлены проф. И. А. Голубцовым, материал для экономических карт и диаграмм подобран проф. А. И. Яцунским.

Выход в свет учебника по истории СССР для средней школы дает возможность улучшить преподавание истории в нашей школе и предъявляет повышенные требования к работе учителя. Преподаватели истории прежде всего должны сами овладеть историческим материалом учебника, одновременно углубляя свои познания по истории СССР путем изучения трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». Особое внимание преподаватель должен обратить на написанный товарищем Сталиным второй раздел IV главы «Краткого курса истории ВКП(б)» — «О диалектическом и историческом материализме». — излагающий основы марксистско-ленинской науки об обществе и о законах развития общества, то есть методологию марксистской исторической науки. Перед преподавателем истории стоит, далее, задача — изучить учебник «История СССР» для вузов (томы I—II), «Историю гражданской войны в СССР» (том I), монографии по отдельным вопросам и ряд статей в наших исторических журналах.

При изучении учебника учителю рекомендуется вести конспект с выделением тех вопросов, на которые надо особенно обращать внимание учеников на уроке вследствие важности этих вопросов или их трудности для учащихся. К тому же надо помнить, что наличие у учеников учебника выдвигает перед учителем новые задачи.

* «История СССР» под редакцией проф. А. М. Панкратовой. Учебник для VIII класса средней школы, 238 страниц. Учебник для IX класса средней школы, 292 страницы. Учебник для X класса средней школы, 368 страниц. Учпедгиз, М. 1940.

В своем рассказе преподаватель ни под каким видом не должен дублировать (повторять) содержание учебника, так как такой пересказ вызовет только недовольство учеников. При наличии учебника учитель ставит своей задачей разъяснить учащимся трудные места и сообщить дополнительный материал к тому, что изложено слишком кратко. Готовясь к уроку, учитель подбирает этот дополнительный материал из монографий, статей, сборников документов, из «Хрестоматии по истории СССР» под редакцией проф. Лебелева, из «Хрестоматии по русской истории» М. Ковалевского и т. п.

✓ Что же дает учебник преподавателю? Прежде всего он дает ему научно обоснованное и проверенное, систематизированное в историко-хронологической последовательности изложение гражданской истории СССР. В учебнике рассказывается об экономическом развитии нашей страны и ее классовой структуре на различных этапах, то есть дается история развития производительных сил и производственных отношений людей, говорится о смене общественных формаций в СССР, о построении бесклассового социалистического общества, излагается история классовой борьбы и ее проявлений в деятельности государства. Поэтому на политику (внешнюю и внутреннюю) прежних государственных образований на территории нашей страны авторы учебника обратили особое внимание. Значительное место в учебнике уделено истории производителей материальных благ, истории трудящихся масс, истории народов СССР и их борьбе против угнетателей и эксплуататоров. Наконец, в учебнике дается также и история просвещения и культуры. Изложение событий в учебнике сопровождается систематическим их разбором и обобщением материала, что должно подвести учащихся к марксистскому пониманию истории. Как указано выше, изложение в учебнике основано на работах классиков марксизма-ленинизма. Поэтому во многих местах учебника приводятся разбор исторических событий и их обобщение, сделанные классиками марксизма-ленинизма, цитируются точные их слова. В своем рассказе учитель должен обращать внимание учеников на эти классические образцы марксистской оценки исторических событий.

В учебнике систематически анализируются и обобщаются исторические события, причем по мере прохождения курса и перехода учеников из младших классов в старшие материал учебника усложняется, а анализ исторических явлений становится более глубоким. Например в учебнике для VIII класса разбор и обобщение причин поражения первой крестьянской войны в

русском государстве, руководимой Болотниковым, даются в следующем виде: «Крестьянские восстания этого времени носили стихийный характер, крестьяне и холопы были плохо вооружены, не были обучены военному делу и не могли выдержать долгой борьбы с лучше организованными и вооруженными царскими войсками. Крестьяне чувствовали несправедливость и тяжесть феодальной власти, но не знали, чем ее заменить. Поэтому они верили в то, что «добрый» царь может улучшить положение народа» (стр. 167—168).

В учебнике для IX класса разбор и обобщение причин поражения крестьянской войны в XVIII веке, руководимой Емельяном Пугачевым, даются более углубленно. В конце § 18 приводится классическое высказывание товарища И. В. Сталина об условиях успеха крестьянских восстаний. Наконец, в учебнике для X класса, в конце § 2, в разборе и обобщении причин неудачи крестьянского восстания 1902 года, приводится объяснение этой неудачи, данное Лениным в 1903 году.

Эти примеры, взятые из учебников для VIII, IX и X классов, показывают учителю, как надо постепенно углублять изучение исторического материала.

Работая над курсом истории СССР, авторы ставили своей задачей развить у учеников историзм, то есть понимание того, что исторические явления зависят от условий, места и времени. Этот единственно правильный подход к явлениям общественной жизни авторы стремились систематически проводить в учебнике; в нем исторические события освещаются с точки зрения тех условий и обстановки, в которых они протекали. Вот пример этого. В учебнике для VIII класса, в § 35, разбирается процесс образования в конце XV—начале XVI века Русского национального государства и говорится: «Объединение русских княжеств вокруг Москвы произошло не только силой оружия. Объединение это было подготовлено ростом рыночных связей между русскими землями. Ускорено оно было тем, что опасность со стороны татар, литовцев и других врагов заставляла весь русский народ объединиться для общей обороны. По сравнению с феодальной раздробленностью создание единого феодального государства было явлением положительным, так как такое государство лучше обеспечивало в данную эпоху возможность дальнейшего развития производительных сил страны» (стр. 122). Таким образом ученики приучаются понимать, что в конкретных условиях XV—XVI веков самодержавие Ивана III было прогрессивным явлением. Но для того, чтобы избежать вредной односторонности, в учебнике указывается, что это централизованное государ-

ство укрепило власть помещиков и тем самым усилило закрепощение крестьянства. Таким образом ученики усваивают мысль о том, что в конкретных исторических условиях XV—XVI веков национальная независимость русского народа не могла быть достигнута без закрепощения подавляющей массы населения. Исторические события связываются в сознании учеников с определенными условиями, местом и временем. Можно привести еще один пример такого подхода: в учебнике для IX класса, в § 49, дается картина сравнительно быстрого роста производительных сил нашей страны в 60—70-х годах XIX века, после отмены крепостного права. В учебнике отмена крепостного права оценивается как прогрессивное явление, но одновременно показываются конкретные формы зверской эксплуатации рабочих в последующий период и дается обобщение. «Чудовищная эксплуатация рабочих,—говорится в учебнике,—давала фабрикантам громадные барыши. В России, как и повсюду, капитализм рос на костях и крови рабочих» (стр. 219). Приведенные в учебнике конкретные факты и сделанный из них вывод помогают ученикам понять сущность капиталистической индустриализации. При прохождении материала с учениками преподаватель должен постоянно подчеркивать марксистско-ленинский историзм, показывая на конкретных примерах, что оценка исторических явлений зависит от условий, места и времени.

В учебнике преподаватель найдет историю народов СССР, а не только историю Великороссии. Так например в учебнике для VIII класса, в главе VIII, рассказано об образовании украинской народности в XIV—XV веках, когда Украина находилась под гнетом литовских князей, а затем—польских королей и панов. В главе XVI изложена история борьбы украинского народа против польского владычества в XVI—XVII веках, вплоть до присоединения Украины к Московскому государству. В учебнике для IX класса, в § 21, изложена история Украины до присоединения Западной Украины к России в XVIII веке, а также показана борьба крестьян против польских панов на Западной Украине (восстания гайдамаков). В § 28 изложена история Украины в первой четверти XIX века. В § 35 описывается крестьянское движение на Украине во второй четверти XIX века и показана роль в них Устина Кармелюка. В § 44 изложены история Кирилло-Мефодиевского братства и биография великого украинского поэта, революционера-демократа Т. Г. Шевченко, а также дан материал об украинской культуре и искусстве в первой половине XIX века. В § 48 рассказано о крестьянской реформе на Украине. В § 49 показано развитие

капитализма на Украине, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В разделах о просвещении и культуре рассказано о развитии украинской литературы и искусства. Так как в конце XIX—начале XX века украинские рабочие и крестьяне совместно с русскими рабочими и крестьянами стали под знаменем большевизма, чтобы бороться против общих врагов—царизма, помещиков и капиталистов,—то в учебнике для X класса события на Украине уже не выделяются в особые параграфы, а излагаются в параграфах, посвященных борьбе русских рабочих и крестьян. Так, в § 2 — «Начало массовой политической борьбы в России» — рассказано о харьковской первомайской демонстрации 1900 года и о восстаниях украинских крестьян в 1902 году. В § 4 отмечено возникновение в начале XX века украинских националистических буржуазных и мелкобуржуазных партий, но тут же подчеркивается, что «среди украинских рабочих и крестьян националистическая агитация руповцев¹ не встречала сочувствия» (стр. 25). Неудача националистов на Украине характерна и для периода революции 1905 года. В дальнейшем систематически излагается участие украинского народа в общей с русским народом революционной борьбе.

В учебнике дается история и других народов СССР. Приводятся факты, показывающие аннексионистско-колониаторскую политику царизма от Ивана IV вплоть до Николая II. Национально-освободительное движение народов царской России в конце XIX—начале XX века показано в учебнике как результат образования ряда наций вследствие роста капитализма на окраинах царской России. Одновременно с рассказом о национально-освободительном движении народов царской России в учебнике излагаются основы большевистской программы по национальному вопросу и подчеркивается, что только большевики и руководимые ими русские рабочие всегда боролись за полное равенство всех народов России. Тем самым учащиеся подводятся к изучению параграфа «Освобождение советской властью угнетенных народов» из учебника для X класса. На материале этого параграфа, дополненном анализом «Декларации прав народов России», учитель подводит учащихся к пониманию того, что только Великая Октябрьская социалистическая революция освободила все народы бывшей царской России от национального гнета и сделала их равноправными. В рассказе о гражданской войне в учебнике выделено участие угнетавшихся царизмом

¹ Руповцы — члены буржуазной националистической «Революционной украинской партии».

народов в совместной с русским народом борьбе за советскую власть; эта борьба скрепила кровью нерушимую дружбу народов СССР. Завершением процесса сближения народов бывшей царской России было образование СССР, которое явилось триумфом ленинско-сталинской национальной политики советской власти. Для того чтобы подчеркнуть это положение, параграф учебника об образовании СССР начинается изложением того, как образовались на территории РСФСР национальные автономные советские социалистические республики и национальные автономные области. При этом специально подчеркивается, что новое политико-административное деление РСФСР по национальному признаку было проведено под личным руководством и при непосредственном участии товарища И. В. Сталина, бывшего тогда народным комиссаром по делам национальностей.

Обеделованные состояния преподавания истории СССР в средней школе в 1939—1940 году показали, что, как и в прежние годы, учителя обычно пропускали темы по истории народов СССР. В новом учебнике материал для этих тем имеется, поэтому они должны быть пройдены всеми преподавателями.

Учебник уделяет очень много места рассказу о положении трудящихся и об их непрерывной борьбе против эксплуататоров. В учебнике для VIII класса учитель найдет подробное изложение истории первых восстаний трудящихся на территории нашей страны: восстания рабов в Боспорском государстве под руководством Сармака; восстания азербайджанских рабов, крестьян и ремесленников во главе с Бабекем и крестьян Средней Азии, руководимых Муханной, против арабского господства; киевских восстаний 1068 и 1113 годов, и т. д. Такой материал дает возможность учителю развивать у учеников чувства пролетарской солидарности, пролетарского интернационализма.

Очень много внимания учебник уделяет истории военного дела и героической борьбы народов нашей страны за свою независимость, начиная с выступления соловцов под предводительством Спитамена против завоевательного похода Александра Македонского. Пользуясь материалом учебника, учитель разъясняет ученикам ленинско-сталинское учение о войнах «справедливых» и несправедливых. В учебнике дан материал о важнейших сражениях, карты военных действий и схемы сражений, поме-

щенные в учебнике, не являясь простыми иллюстрациями: это учебный материал, который при помощи разъяснений учителя должен быть усвоен учеником. Этот материал окажет учителю большую помощь в деле воспитания советского патриотизма у подрастающего поколения. Крупное воспитательное значение имеют описания героических подвигов участников войны. Погребно рассказано о деятельности крупнейших полководцев прошлых времен (Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Петра I, Суворова, Кутузова). Особенно подробно излагается деятельность великих пролетарских полководцев Ленина и Сталина и их соратников.

Учитель найдет в учебнике историю несправедливых, захватнических войн империализма, историю его внешней политики. Сущность ее сводится, во-первых, к захватам и грабежу покоренных народов и, во-вторых, начиная с Екатерины II, к стремлению подавлять революционное движение в Западной Европе и поддерживать феодальные, реакционные правительства. «Царизм — жандарм Европы» — так озаглавлена глава IX учебника для IX класса, в которой особенно подчеркнута эта характерная черта внешней политики самодержавия. После поражения России в Крымской войне, приведшего к потере царизмом господствующего положения в Европе, царское правительство стало агентурой и сторожевым псом западноевропейского капитала. Это и подчеркивается в учебнике. Зависимость царизма от европейских капиталистических держав еще более усилилась в XX веке. Это полуколониальное положение царской России особенно ярко сказалось во время первой мировой империалистической войны, когда народы Российской империи вынуждены были воевать и гибнуть за чуждые им интересы англо-французского империализма. Изложение этого материала в учебнике подводит учеников к пониманию значения Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей нашу страну от опасности стать колонией англо-французского империализма.

В учебнике учитель найдет изложение основ внешней политики Советской страны, как политики независимой, преследующей защиту национальных интересов советского народа, неотделимых от интересов международного пролетариата. Принципы внешней политики СССР нашли свое конкретное применение в борьбе советского правительства за всеобщий мир, в успешном разоблачении попыток агрессоров втя-

¹ К справедливым войнам в истории СССР следует отнести войну против моголо-татарских завоевателей (1237—1240), войну против шведских и немецких феодалов (1240—1242), борьбу против татарского ига, борьбу против польско-шведских

интервентов в начале XVII века, войну против шведских агрессоров в XVIII веке, Отечественную войну 1812 года и особенно войну советского народа против белоказаков и интервентов 1918—1920 годов.

путь СССР во вторую империалистическую войну.

В учебнике систематически изложен материал о внутренней политике царизма. Царизм перестает быть для учеников отвлеченным понятием: он становится конкретным представлением, связанным с определенными историческими явлениями (аракчеевщиной, столыпинщиной, победносцевщиной и т. д.), а его представители выступают перед учащимися как живые личности, возбуждающие ненависть и презрение.

Великая Октябрьская социалистическая революция и последующая история социалистического государства рабочих и крестьян показаны в учебнике как начало и развитие мировой пролетарской революции. Учащиеся подводятся к мысли, что наша страна — база дальнейшего развития пролетарской революции. Торжество советской власти в Эстонии, Латвии и Литве, воссоединение народов Западной Украины, Западной Белоруссии, Северной Буковины и Бессарабии со своей социалистической родиной — яркое тому доказательство.

Чтобы облегчить усвоение учебника, его текст дан двумя шрифтами, причем мелким шрифтом дан материал, необязательный для прохождения. В частности, мелким шрифтом даны главы о культуре, так как этот материал проходит в большинстве своем на уроках литературы, и дублировать его на уроках истории необязательно. При желании и возможности этот материал следует пройти.

Для большей наглядности изложения обращено особое внимание на иллюстрации (около 300), карты (около 50) и диаграммы (около 25). Иллюстрации подбирались по принципу документальности. Иллюстраций, несовременных изображаемым событиям, не дается, так как иллюстрации должны являться документальным подтверждением текста. На это должны обратить внимание учителя. Знакомясь с фотографиями подлинных орудий труда, вооружения, зданий, с рисунками современников изображаемых событий, учащиеся под руководством учителя получают также представление о культуре, в частности об изобразительном искусстве изучаемого периода. Так, в учебнике даны фотографии орудий труда Северо-восточной Руси, хранящихся в Историческом музее, рисунки из рукописи «Житие Сергия Радонежского», изображающие рубку леса под пашню, пахоту, привоз оброчного хлеба в монастырь (учебник для VIII класса). В учебнике для IX класса помещены репродукция с картины Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге», снимок, изображающий горняцкие жилища 70-х годов. В учебнике для X класса находим фотографии «Строительство Магнитогорского металлургическо-

го завода», «Днепрогэс». Особое внимание при подборе иллюстраций было обращено на рисунки, характеризующие положение трудящихся и их борьбу против эксплуататоров. В рассказе учитель должен использовать этот документальный материал.

Даны портреты вождей мирового пролетариата Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, портреты руководителей крестьянских восстаний, деятелей революционных буржуазных движений, вождей рабочего движения, руководителей партий большевиков, героев гражданской войны.

Особое внимание было уделено подбору иллюстраций, показывающих жизнь нашей страны. Так, в учебнике для IX класса помещены фотографии, изображающие быт кавказских горцев и их борьбу за независимость, дан портрет Шамиля.

Даны портреты деятелей культуры и искусства народов СССР: Шевченко, Ильи Чавчавадзе, Джамбула, Сулеймана Стальского, Акона Аконяна и др.

Помещено много иллюстраций, дающих представление о героизме русского народа, защищавшего свою землю от чужеземцев. В учебнике для X класса имеется много иллюстраций по истории гражданской войны.

Материал для военного воспитания дают также многочисленные карты театров военных событий и схемы важнейших сражений (Ледовое побоище, Куликовская битва, Полтавская битва, Бородинский бой и др.).

Карты в учебнике для VIII класса показывают рост территории Киевского государства, затем — Московского княжества и Русского государства. Для курса IX класса особенно важна экономическая карта Европейской России накануне реформы 1861 года. Эту карту надо использовать при анализе проектов реформы. В учебнике для X класса помещена карта «Помещичье и крестьянское землевладение в 1905 году», дающая наглядное представление об экономических предпосылках революции в области аграрных отношений. Очень поучительно для учеников сопоставить эту карту с картой крестьянского движения в 1905—1907 годах. Это сопоставление показывает, что в районах крестьянского малоземелья крестьянское движение в 1905 году достигло наибольшей силы.

Развитие экономики особенно наглядно показано в диаграммах. В учебнике для VIII класса их нет вовсе, в учебнике для IX класса их 8, в учебнике для X класса — 15. Пользуясь этими диаграммами, учитель проследживает на уроках рост основных отраслей промышленности с начала XIX века по 1938 год включительно. Эти диаграммы показывают огромный рост промышленности и сельского хозяйства в

СССР по сравнению с дореволюционной Россией.

Среди этих диаграмм особенно интересны следующие три: «Соотношение продукции крупной промышленности и сельского хозяйства в царской России и в СССР», «Рост промышленности СССР в сравнении с промышленностью капиталистического мира», «Доля СССР в мировой продукции». Так как в этих диаграммах сведения о развитии промышленности и сельского хозяйства даны достаточно подробно, то в тексте об этом говорится сравнительно немного. Поэтому преподавателям следует обратить большое внимание на изучение учениками этих диаграмм. Желательно перерисовать их в увеличенном виде и использовать во время урока.

В качестве подсобного материала в каждом учебнике даны следующие приложения: основные даты по истории СССР, являющиеся минимумом сведений по хронологии, которые должны иметь ученики; родословные таблицы династии Рюриковичей (в учебнике для VIII класса) и династии Романовых (в учебнике для IX класса), без которых ученикам невозможно разобраться в порядке наследования князей и царей, в особенности в Киевском государстве.

В заключение следует остановиться на том, как был составлен настоящий учебник. Коллектив авторов уже давно работает над учебником истории СССР для школы. Составленный коллективом учебник элементарного курса истории СССР для III и IV классов получил на всесоюзном конкурсе 1937 года поощрительную премию. Работа над настоящим учебником началась с осени 1937 года. Сперва было составлено подробное оглавление будущего учебника, которое подверглось тщательному обсуждению как специалистами-историками, так и преподавателями истории. После того как в оглавление были внесены необходимые изменения, оно было разбито на уроки. Затем авторы написали по несколько уроков для того, чтобы выработать единый стиль изложения с постепенным усложнением материала от VIII к X классам. Эти подробные уроки были подтверждены затем проверке на практике — путем использования их в ряде московских школ. Велись стенограммы этих уроков, по которым на основании ответов учеников можно было судить, насколько текст уроков понятен ученикам и в чем его нужно изменить. Пробные уроки были зачитаны и обсуждены на ряде собраний препода-

вателей московских средних школ в Институте школ Паркомпроса РСФСР. На основании собранного материала авторы выработали общий стиль изложения. Зимой 1937 — 1938 года первоначальный текст учебника был написан и разослан для отзывов специалистам и преподавателям истории СССР в школах. Полученные отзывы дали материал для дальнейшей работы над текстом учебника. После исправлений текст учебника уже в полном объеме был подвергнут обсуждению на активе преподавателей, созданном Институтом школ. В результате этой предварительной работы авторы написали тот текст учебника, который вышел первым макетом к 1 мая 1938 года.

Текст этого первого макета обсуждался на специальной сессии Института истории Академии наук СССР, на ряде совещаний в Институте школ, рассылался на отзывы крупнейшим историкам и лучшим преподавателям средней школы. Авторы учебника получили несколько десятков подробных критических отзывов, которые были приняты во внимание при составлении текста второго макета. Второй макет вышел из печати еще до выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Поэтому являлась необходимость уточнить текст учебника и согласовать его с «Кратким курсом истории ВКП(б)». Вот пример таких согласований: в первых двух макетах глава I называлась «Древнейшее население нашей страны», в третьем макете она получила точное название — «Первобытно-общинный строй в нашей стране». Третий макет вышел летом 1939 года.

Второй и третий макеты также были разосланы на отзывы, которые были учтены при составлении текста последнего, четвертого макета. В работе над вторым, третьим и четвертым макетами принимали участие сотрудники кабинета истории Института школ Паркомпроса РСФСР. Четвертый макет утвержден народным комиссаром просвещения РСФСР тов. В. П. Пономевым.

Четвертый макет сделан на основе указаний, данных комиссией ЦК ВКП(б). Особенно большое участие в редактировании четвертого макета принял тов. П. И. Милиц. Общая редакция всех трех учебников принадлежит проф. А. М. Панкратовой.

Предлагаемый теперь школе учебник явился результатом коллективного труда, в котором приняли живейшее участие сотни товарищей, от академиков до учителей сельских школ.

Как создавался первый марксистский учебник по древней истории

1

За последние 5—6 лет произошел поворот в развитии исторической науки в СССР. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года, последующие указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова и особенно выход сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» дали принципиальные установки исключительного значения для перестройки работы на историческом фронте. Особую важность имели эти директивные указания в связи с подготовкой учебников по всем разделам истории для средней и высшей школы.

Учитывая огромную роль учебников по истории для правильной организации преподавания в школе, для постановки исторического образования и теоретического роста советской интеллигенции, научно-исследовательские, профессорско-преподавательские кадры высшей и средней школы поставили составление учебников в центр своей работы.

В своей речи на I Всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 года тов. Молотов указал на ту исключительной важности задачу, которая стоит перед высшей школой в деле составления учебников: «Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем готовить учащихся к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежде наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи»¹.

Это указание тов. Молотова об учебниках для высшей школы было положено в основу работы при составлении учебников по истории и для средней школы. Большую роль в этой работе сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от

16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В этом постановлении говорилось о необходимости живо и ярко излагать исторический материал, давать его в хронологической последовательности, отчетливо характеризовать исторических деятелей и о совершенной недопустимости подменять связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Развитие народного образования в третьей пятилетке настойчиво ставит вопрос о школе, о школьных кадрах педагогов, о поднятии народного образования на еще более высокую ступень. Задача идейно-политического воспитания нашей молодежи поистине колоссальна, в особенности в связи с введением всеобщего среднего образования и с воспитанием молодежи в новых советских республиках, влившимися в общую семью народов великого Советского Союза.

В разрешении поставленной XVIII партийным съездом задачи коммунистического воспитания граждан Советского Союза советская школа является одним из решающих факторов.

Совершенно очевидно, что серьезная постановка идейно-политического воспитания, да и вообще всякого обучения в школе, возможна только при наличии учебников.

Работа в школе без учебников, без пособий, с одними рассказами педагогов и записями учеников (поглощающими большую часть урока), не могла дать положительных результатов.

За последние пять лет кадры историков-марксистов перестроились: были организованы авторские коллективы, активизировалась историческая исследовательская мысль, начали издаваться новые исторические журналы («Вестник древней истории», «Военно-исторический журнал»). Институт истории Академии наук СССР возглавил организационно всю исследовательскую работу историков и подготовку учебников по истории как для высшей, так и для средней школы.

В результате к настоящему времени уже проделана большая работа. Вышли

¹ В. М. Молотов «О высшей школе», стр. 12. Госполитиздат. 1938.

учебники по истории (средней, новой, истории (СССР) для высшей школы. Теперь страна получает учебники по истории и для средней школы и в первую очередь учебник по древней истории, изданный тиражом в 2 миллиона экземпляров.

2

Изучение прошлого, изучение культурного наследия древности, представление об отправных пунктах развития человеческой культуры в различных областях знания, имеет большое значение для школьников: оно расширяет их общеобразовательный кругозор, подготавливает их к пониманию процесса развития общества, смежы форм социальной жизни и в конечном итоге подводит к марксистскому восприятию действительности.

Изучая историю, мы осваиваем культурное наследие, и тут нужно в первую очередь остановиться на истории древневосточных цивилизаций.

Культура народов древнего Востока дала человеческой мысли завоевания в области астрономии, математики, строительного искусства, эпического творчества. Эти первые начатки знания были переланы античному, греко-римскому миру. Античность отразилась в своем развитии от этого культурного наследия. Влияние Востока можно проследить в культурной эволюции не только Греции, но и Рима. Однако античная цивилизация развивалась не только на базе этого наследия: она внесла в него новые творческие элементы, создавала свои собственные культурные ценности, которые были в свою очередь заимствованы современной европейской цивилизацией. Современные науки, искусство, философия и техника уходят своими корнями в глубь прошлых веков, к далеким временам античности.

Культурная история античности поставила перед человечеством ряд общих проблем, явилась исходным пунктом для постановки многих философских вопросов. В области естествознания и философии, как и в других областях, античность создавала начатки тех элементов культуры, которые еще до сих пор не перестают нас интересовать и волновать. Античность создала театр с его драмой и комедией, этими двумя и до сих пор последующими видами драматического искусства. В области строительного искусства она создала те законченные формы, которые служат канонизированными образцами для современной архитектуры. Скульптура, пластика, эпическая поэзия античности создали такие совершенные произведения, которые до сих пор продолжают доставлять нам подлинное

наслаждение. Вот почему Маркс, отмечая классические образцы, доставившие нам в наследство от античной культуры, имел полное право сказать: «И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, но должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?»¹.

Огромное значение культурного наследия древности, в особенности в области философии, отмечал и Энгельс, говорящий, что «мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечит ему такое место в истории развития человечества, из которого не может претендовать ни один другой народ... в многообразных формах греческой философии имеются в зародыше, в возникновении, почти все позднейшие типы мировоззрения»².

Именно в силу преемственности развития человеческого общества ознакомление с материалами прошлого, конкретное изучение древности позволяют глубже понять явления последующих веков и явления современности.

Известно, например, что к образам, созданным античной мифологией и историей, часто возвращались в самые различные эпохи. Так, в период Ренессанса светлые образы античности, перед которыми, по словам Энгельса, «исчезли призраки средневековья»³, становятся девизом прогресса. Переловые люди в эпоху Французской буржуазной революции давали своим детям имена великих реформаторов древности — Тиберия и Кая Гракхов. В 30-х годах во Франции рабочно в борьбе с реакцией создавали «полюс Автея», этого легендарного героя античности, миф о котором был так прекрасно истолкован товарищем Сталиным. Спартак, вождь рабов в древнем Риме, на протяжении почти всего XIX века является символом непоколебимой борьбы с эксплуататорами. А в 1916 году его именем назвала себя группа революционеров, заложившая основы Коммунистической партии Германии («Союз Спартака»).

Таким образом, целый ряд современных терминов, представлений и даже институтов (как театр, общественные игры и т. д.) восит свое происхождение от древних времен, и, только зная прошлое, можно уяснить себе их значение в настоящем. «Мы хорошо знаем, — говорит В. М.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XII. Ч. 1-я. стр. 204.

² Ф. Энгельс «Диалектика природы», стр. 72. Партиздат. 1936.

³ Там же, стр. 86.

Молотов, — что настоящий прогресс, который возможен только на базе социализма, должен опираться на всю историю народов и на все их достижения в прошлых веках...»¹.

Изучение античности имеет для историков-марксистов большое теоретическое значение. Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» ставит перед историками крупнейшие теоретические задачи в области развития исторической науки. И в числе этих задач изучение закономерностей развития, раскрытие закономерностей каждой социально-экономической формации, каждого типа производственных отношений. Поэтому, чтобы выработать для себя правильное, подлинно научное, марксистское представление об историческом процессе, о развитии общества, необходимо изучить конкретно историю каждой фазы общества. И, с этой точки зрения, изучение древней истории, греко-римского мира, является совершенно необходимым звеном в марксистском познании закономерностей исторического процесса. Нужно хорошо знать прошлое, чтобы понимать настоящее и правильно наметить пути будущего. Чтобы понять какое-либо историческое явление, необходимо знать, как оно связано с прошлым, как оно возникло, как стало настоящим и к чему приведет в будущем. «...если рассматривать, — говорит Ленин, — какое участие общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»².

Из этого видно, что настоящий революционер не может не знать истории человеческого общества, жизнь которого он хочет преобразить, что без исторического образования не может быть идейно-политического воспитания молодежи, что без знания истории не могут быть обеспечены марксистское образование и теоретический рост советской интеллигенции. Недаром товарищ Сталин говорил, что «есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма»³.

В системе этой науки об обществе соответствующее место занимает и наука о рабовладельческих обществах в древности,

¹ В. М. Молотов «XXII годовщина Октябрьской революции», стр. 14. Огиз. 1939.

² Ленин. Т. I, стр. 94.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 598. 11-е изд.

о законах социальной борьбы в ту эпоху, о законах перехода от рабовладельчества к следующей, более прогрессивной фазе развития.

3

Работа над составлением учебников, описывающих сложнейшие исторические события в популярной форме, крайне ответственна и серьезна.

Подготовка учебника древней истории являлась целой школой марксистско-ленинской разработки ряда проблем истории человечества. Старая, буржуазная наука освещала прошлое человечества со своих классовых позиций, с точки зрения защиты интересов господствующих классов. Буржуазные историки модернизировали прошлое, стремясь придать ему капиталистический характер, то есть сделать капитализм извечной категорией. Эта установка была разоблачена Марксом и Энгельсом.

На пути создания подлинной марксистско-ленинской исторической науки в СССР громадным препятствием, как известно, является так называемая «школа» Покровского. Вульгарное социологизирование, схоластические способы доказательства, цитатничество — таковы были основы всех исторических «изысканий» этой «школы». Изучение живой, конкретной истории с целью установления закономерностей развития различных обществ в прошлом подменялось в «школе» Покровского или приписыванием в прошлое закономерностей настоящего или освещением исторических явлений как «политики, опрокинутой в прошлое». И тем и другим приемом создавалась обычно вульгарно-социологическая система рассуждений, прямо фальсифицировавшая историю. Известно, что «рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость»⁴. Для современных условий, для века социализма, такой же глупостью является феодальный строй. Но «Краткий курс» при этом указывает на главное, что является сущностью исторического подхода к прошлому. Ведь то, что является глупостью для современных условий, было исторически закономерным в свое время и могло являться прогрессивным. «Все зависит от условий, места и времени»⁵.

Как раз изучение такой закономерности и установление того, что являлось прогрессивным в развитии общества, становится главным в исследовательской работе историка-марксиста. Естественно, что и в подготовке учебника по древней истории

⁴ «История ВКП(б)», стр. 104.

⁵ Там же, стр. 105.

это положение являлось отправным пунктом в работе.

Последователи так называемой школы Покровского рассматривали общественные явления прошлого с точки зрения сегодняшнего дня. Понятно, что при таких антиисторических установках история превращалась в «политику, спроектированную в прошлое», а явления прошлого могли лишь осуждаться как «глупость» для настоящего.

При составлении учебника древней истории необходимо было заняться восстановлением исторической науки в духе указаний классиков марксизма-ленинизма, основываясь главным образом на «Кратком курсе истории ВКП(б)» и известных указаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова. Работа над учебником являлась, по существу, исходным пунктом в развитии исследовательской работы на исторических факультетах, в исторических журналах, в работе отдельных специалистов.

Ответственность при составлении учебника имела для средней школы возраста оттого, что здесь каждое положение, каждое слово должны быть сформулированы с предельной четкостью и ясностью. Материал должен быть отобран и изложен так, чтобы не оставалось места сомнительным, спорным вопросам, чтобы они остались в памяти ребят на долгие годы. Самый отбор фактов и изложение материала должны были подводить учащегося к марксистским выводам, к формулированию марксистских взглядов на историю.

«... популярная литература только та хороша, только та и годится, которая служит десятилетия. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по **полустолетиям**»¹.

* * *

При составлении учебника по древней истории пришлось столкнуться со множеством трудностей теоретического порядка, а также с трудностями, связанными с отбором материала, с необходимостью живо и вместе с тем строго научно изложить материал.

Большую работу пришлось проделать прежде всего над введением — разделом, открывающим историю древности. Представление о первобытной жизни людей, об исторических памятниках, о летоисчислении и об истории как науке нужно было дать в простых, четких понятиях, которые должны ввести ребят в историю. Этот раздел занимает всего два параграфа. Для того

чтобы облегчить учащимся усвоение материала, этот раздел иллюстрирован.

Следующий раздел — «Древний Восток» — занимает одну из основных мест в учебнике. Он содержит 25 параграфов. Здесь дана история не только стран так называемого классического Востока, но также Индии и Китая, история которых отсутствует в старых учебниках и в ныне существующих заграничных. Для марксистского изучения истории Востока очень важно было сопоставить такие древние государства, как Египет, или Ассирия-Вавилония с древнейшими Индией и Китаем, оказавшими большое культурное влияние на соприкасавшиеся с ними народы. Старой, буржуазной установкой на изучение только классического Востока новый, марксистский учебник наносит сокрушительный удар.

При составлении этой части учебника возникло немало спорных вопросов. Так, между академиком Никольским и Струве дебатировался вопрос о характере социального строя в странах древнего Востока, причем один из них недооценивал роль рабства на Востоке, а другой явно переоценивал ее, но учитывая роли общины как значительного фактора в развитии древневосточных обществ. Этот спор между учителями продолжается и до сих пор, но в учебнике нужно было дать точные и определенные формулировки, не вызывающие у учащихся никаких сомнений. Эта задача была разрешена после кропотливой, упорной работы.

Раздел истории древнего Востока сопровождается также большим количеством иллюстраций и тремя картами (из них одна цветная на отдельном листе).

Разделам по собственно античной истории — по Греции и Риму — в учебнике отводится особенно много места. Да и внешне понятно: «Греция и Рим... являются странами наиболее высокого «исторического развития» среди народов древнего мира»².

Изложению истории древней Греции занимает в учебнике 35 параграфов. Здесь кратко описываются греческая мифология (в основных ее сюжетах), возникновение и рост Афинского государства, дается характеристика рабовладельческой демократии, явившейся в тех исторических условиях наиболее развитой, и, наконец, относительно подробно даются сведения о важнейших моментах древнегреческой культуры, с которой связано возникновение многих отраслей человеческого знания. Характеризуя это «...детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее...» (Маркс), авторы учебника отвели наряду

¹ Ленин г. Т. V, стр. 232.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. I, стр. 180.

с этим немало места и социальной борьбе, первым выступлениям рабов против своих угнетателей. Так например впервые в учебниках истории дается материал о восстаниях рабов в Греции. Как известно, старые ученые пытались вообще отрицать наличие восстаний рабов в Греции.

В итоге на примере изучения этой части учебника школьники получают законченное представление о рабовладельческом обществе Греции, и вместе с тем о культурном наследии, которое древняя Эллада оставила человечеству.

Часть, посвященная Риму, состоит из 32 параграфов. Работа над этой частью также представляла немало трудностей, связанных главным образом не столько с изложением материала, сколько с теоретическими вопросами, с необходимостью дать новое, марксистско-ленинское толкование недостаточно исследованных вопросов. К числу таких вопросов относятся, например, падение республики и происхождение Римской империи. Старая трактовка «принципата Августа» являлась типично буржуазной, модернистской, основанной на формальном толковании памятников, на юридическом крючкотворстве и ошибочной интерпретации источников. В учебнике показано, что возникновение империи было обусловлено союзом господствующих групп Рима и провинций в борьбе против революционных выступлений рабов и угнетенных масс провинции.

Красочные, полные драматизма картины героической борьбы рабов против своих угнетателей показаны на примере восстания в Сицилии и знаменитого восстания Спартака. В учебнике впервые дана реконструкция помпейской фрески, изображающей Спартака.

Не только Рим, но и его провинции, борьба народов на периферии против римского владычества получили отражение в учебнике: в нем рассказано, например, о борьбе Испании за независимость, о восстаниях в Галлии, об освободительных войнах в далекие времена.

Немало трудностей представлял собой материал о христианстве. Известно, что так называемая школа Покровского, лишенная какого-либо историзма в анализе явлений, относилась к первоначальному христианству так, как относимся мы сейчас ко всем религиям, то есть как к «ошнуму для народа». Точка зрения «сегодняшнего дня» подменяла анализ той исторической среды, в которой возникло первоначальное христианство, когда его носителями были «рабы, колонны и угнетенные Римом народы» (Энгельс). В учебнике дана характеристика раннего христианства, которое являлось в тех исторических условиях движением угнетенных масс; показано, чем это христианство стало потом, когда от борьбы с Римом совершился переход к заключению союза церкви с государством. Положительная роль раннего христианства подчеркнута также в связи с указанием на то, что варвары, приняв христианство, приняли вместе с ним наследство античной культуры.

Распад империи в связи с революцией рабов и вторжением варваров подводит учащихся к заключительному периоду истории рабовладельческих обществ.

Таким образом, в учебнике для школьников мы старались раскрыть на различном материале (гражданской истории, социальной борьбе, истории культуры и т. д.) историю стран древнего Востока и античных Греции и Рима от появления первых классовых рабовладельческих обществ и социальной борьбы внутри них до гибели античного мира.

Значение учебника выходит за рамки одной только школы. Еще до своего появления в свет он являлся отправным пунктом при составлении учебников для высшей школы.

Наконец, учебник должен оказать существенную помощь развитию самообразования, росту исторических знаний у самых широких слоев советской интеллигенции.

«КРАСНЫЙ АРХИВ». ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. Томы 1 (98)—4 (101). ГАУ НКВД СССР. СОЦЭКГИЗ. М. 1940.

«Красный архив» занимает особое и видное место в нашей исторической периодике: почти все исторические и историко-литературные журналы уделяют некоторое место публикации архивных документов, а «Красный архив» — единственный журнал, который занимается этим специально. Нет нужды доказывать значение этого издания для развития советской исторической науки. Историк, знакомый с содержанием журнала, во многих случаях может оказаться в затруднительном положении.

Текущий год является для «Красного архива» юбилейным: в августе журнал выпустил свой сотый том. За восемнадцать лет своего существования журнал прошел те же этапы развития, что и другие, родственные ему органы. Вначале облик издания не был твердо установлен. Затем журнал подпал под влияние «школы» Покровского. Вульгарно-социологический схематизм, тенденциозность в подборе материала, вульгаризаторская оценка его чрезвычайно снижали ценность журнала, но все же не лишили его интереса. Публикации этого периода при соответствующих поправках сохраняют свое значение. Разоблачение ошибочных «теорий» Покровского и ликвидация вредительства на историческом фронте вывели «Красный архив» на широкую дорогу подлинной исторической науки. Это не значит, конечно, что за последнее время он был безукоризненным по отбору и содержанию материалов, по технике их интерпретации. Во всем этом не обошлось без ошибок, на которых мы подробнее остановимся в дальнейшем. Заслуживает упрека и недостаточная плановость публикаций даже в пределах одного года.

Наряду с этим уже простой обзор содержания «Красного архива» убеждает в значительности и ценности опубликованных в нем материалов. Это относится, в частности, и к текущему году.

Первый (98-й) том журнала за 1940 год открывается докладом А. С. Щербакова 21 января 1940 года на торжественно-траурном заседании в Большом театре, посвященном XVI годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Последующая публикация — «Отклики на смерть В. И. Ленина» — как бы дополняет речь тов. Щербакова и содержит ряд документов, яр-

ко характеризующих скарб народа в связи со смертью вождя революции.

В том же номере Г. Костомаров дал подборку документов из Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) и Архива Красной Армии, систематизированных под заглавием «Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г.». Эти материалы распадаются на две группы; первая относится к борьбе с белофиннами в конце 1918 и в начале следующего года, вторая содержит переписку агентов белых правительств, разоблачающую их связи с англо-французскими интервентами и главарями белофинов, главным образом с Маннергеймом.

Большинство приводимых документов оставалось ранее неизвестным: они издаются впервые.

25 января 1919 года Бар, представитель Колчака в Стокгольме, сообщил своему министерству иностранных дел: «Генерал Юденич просит передать адмиралу Колчаку:

«С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действий против большевиков, базируясь на Финляндию и балтийские губернии; удобство сообщения с Антантой, краткость расстояния до Петербурга и Москвы двух очагов большевизма, при хорошо развитой сети путей сообщения составляют выгоды этого направления» (стр. 57).

«Бар. Маннергейм хочет, чтобы совместное русско-финское наступление на Петроград состоялось... Финляндское правительство в своем целом к выступлению не стремится, но в конечном итоге решающий голос принадлежит не ему, а Маннергейму, за которым стоит белая гвардия...», — писал 31 мая 1919 года генерал Б. Арсеньев (стр. 61).

Положение белого правительства Финляндии в это время становилось все более шатким. «...в Финляндии за последнее время внутреннее состояние значительно обострилось. Брожение сильное. Число недовольных, примыкающих к красным, растет», — телеграфировал 2 июля агент Колчака в Стокгольме Гулькевич своему министерству (стр. 63). Правительства Антанты, используя Финляндию как плацдарм в борьбе с большевизмом, требовали подавления революционного движения внутри Финляндии и ее активного выступления против большевиков. «Представители союзников на месте всецело за выступление Финляндии...», — телеграфировал 10 сентября генерал Мил-

лер министерству иностранных дел Колчака (стр. 66). «Во французском министерстве иностранных дел заявили великому финляндскому представителю, что Франция решительно против соглашения Финнов с большевиками и что, если таковое соглашение состоится, она изменит свое до сих пор благожелательное отношение к Финляндии», — сообщил 2 октября Сазонов, представитель министерства иностранных дел Колчака в Париже своему «правительству» (стр. 66).

Публикация «Безовой путь Чапаева» продолжает собою серию, первая часть которой напечатана в шестом номере журнала за предыдущий год (см. рецензию на т. 6-й «Красного архива» за 1939 год в «Историческом журнале» № 4—5 за 1940 год). Документы характеризуют поход 25-й дивизии на Бугуруслан — Бугульму, участие дивизии в Уфимской операции и наступлении на Уральск (битва за Лбищенск и Сахарную). Особый раздел посвящен гибели В. И. Чапаева. Материалы представляют большой интерес не только для историков гражданской войны, в частности для исследователей, работающих над биографией замечательного пролетарского полководца, но и для военных специалистов, которые найдут в них немало поучительного. Жаль, что публикация не иллюстрирована схемами: это значительно затрудняет для читателя возможность разобраться в содержании оперативных документов.

Н. Прокопенко прокомментировал подобранные им в ЦГАОР материалы «К истории интервенции на Севере». Документы охватывают период с 6 марта 1919 года по 2 февраля 1920 года. Они характеризуют положение, планы, деятельность и крах белого «временного правительства Северной области», попытки генерала Миллера договориться с Маннергеймом о совместном наступлении на Петроград, положение белых после эвакуации сил англо-французских интервентов. Интересны документы, свидетельствующие о неудаче попыток Миллера мобилизовать население в свою армию, показывающие методы, какими вербовались в белые армии «добровольцы» в нейтральных странах. Досадно, что серия обрывается на дате 2 февраля и последний этап борьбы (Архангельск был занят Красной Армией 21 февраля) остался неосвещенным.

Публикация М. Семина «Быт солдат в царской казарме», сделанная на материалах Центрального военно-исторического архива (ЦВИА), показывает быт царской армии, издевательство офицеров и унтер-офицеров над солдатами и рост среди последних революционных настроений. Очень убедительно выдержки из официальных доку-

ментов, например, счетов Главного военно-медицинского и Главного военно-санитарного управлений (стр. 147—148, 160—161), отмененный начальника Главного управления генерального штаба (стр. 174—175), обвинительных актов военных судов и пр. Материалы датируются 1902—1915 годами.

Сделанная А. Кобыляк и Е. Криворучко подборка документов из архива III отделения «Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX в.» (с обширной вводной статьей В. Пичета) ярко иллюстрирует помещичий произвол и гнет над крепостным белорусским крестьянством во второй—третьей четвертях XIX столетия (1828—1869 годы). Выхода из своего невывесимого положения крестьянство искало то в бесплодных обращениях к верховной власти, то в восстаниях, порой приобретавших широкий и организованный характер, но в конце концов жестоко подавлявшихся.

Потрясающее впечатление производят документы, повествующие о зверствах помещицы Стецкой (стр. 195—196), не уступавшей в садистской жестокости известной Салтычихе.

Стецкая, как установило следствие, «имела сильное пристрастие к наказанию людей, в некоторых случаях за совершенную малозначительную (по неосторожности даже пренебрегающую) вину, а в других безвинно, или по изобретенной собственно ею вине... подвергала оных наказанию до ста и более ударов розгами и плетью, и наказания эти производились даже таким образом: она, устроив в своей комнате один железный пробой в потолок, а другой — в противоположности одного на полу, повесивши человека на верхнем пробое за обе руки ремешными возжами и привязав ноги к пробоею, вбитому в пол, разделив до паха висящих, приказывала наказывать. Эта мера наказания производилась до того, что пыткавшие оные лишались чувств. Кроме того, очень часто наносила пробой палькою безмерно и каким бы ни попалась ей в глаза твердым орудием, даже ножом по голове, спине, рукам и по ногам. Не довольствуясь этим, кусала зубами за тело, душила руками за глотку и тиснула (примечание: «так в чюдлиннике») ногами и коленами грудь и желудок; при этом подвергала истязанию такому: накладывала на шею железную цепь и замыкала на пробой, вбитый в стену, наливая за шею кипящую воду, таскала за ноги зацепленною веревкою на покрытой бугроватым шерстким льдом земле на обнаженной задней части тела, отчето сдиралась до крови кожа, приказывала есть издохшие шивяки, жгла раскаленным железом тело, приказывала в своей комнате тащить, принося беспре-

станию те слова «скачи враже, як пац каже», зауздывала женщин палкой для того, чтобы не сосали от коров молока, отчего назад тому месяц дворовая девка Авдотья Тимошеникова, наказанная Стоцкою, бежала и без вести пропала...

...г-жа Стоцкая, избравши для сокрытия поступков своих уединенное, в глуши леса, жилище, жестокостями сими привела в столь сильное уныние и боязнь крестьян своих, что они не только обратятся на нее с жалобой опасались, но даже объявить кому-либо о ее поступках» (стр. 196).

Публикация проф. Е. Мецельского «Борьба И. И. Ульянова за народную школу» содержит обстоятельный отчет инспектора народных училищ И. И. Ульянова (отца В. И. Ленина) о состоянии подведомственных ему школ Симбирской губернии за 1880 год. Материалы характеризуют прогрессивную деятельность И. И. Ульянова, его неустанную заботу о просвещении народных масс. Материал интересен как для изучения истории народного образования в России, так и для характеристики личности И. И. Ульянова.

Серия документов из цензурных фондов Центрального государственного архива внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, объединенная под заглавием «Герцен и царская цензура», прокомментированная И. Ковалевым, содержит материалы о преследованиях произведений Герцена с 50-х годов XIX века по 1911 год.

По теме и характеру к этой серии близко примыкает подборка документов за 1888—1914 годы «Царская цензура о произведениях украинского писателя И. Франко» (составила Полянская).

Второй (99-й) том журнала открывается приветствиями ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову по случаю его пятидесятилетия и краткой биографией главы советского правительства. Далее находим серию материалов, посвященных гражданской войне в Финляндии (вводная статья С. Маркова). Документы охватывают период с 6 ноября 1917 года по конец февраля 1918 года. Этот период предшествует тому, который освещен публикацией Костомарова в предыдущем номере журнала. Документы освещают подготовку гражданской войны финской буржуазией, создание финляндской красной гвардии и установление пролетарской власти в Гельсингфорсе (27 января 1918 года). 26 января исполнительный комитет финляндской социал-демократической партии приказом № 1, подписанным в 5 часов 40 минут вечера, предложил главному штабу рабочей гвардии: «По получении приказа, захватить при присутствии назначенных комиссаров — Сейм, университет, гу-

бернские управления, высшую власть и банки» (стр. 34). 2 февраля Совет народных уполномоченных Финляндии постановил: «Ввиду того, что злые враги народа в разных частях страны продолжают все еще бунтовать против поставленного через революцию демократического строя, рабочая Красная гвардия должна быть вперед сохранена как страж народной власти и завоеваний революции и что с этого дня существование членов Красной гвардии и их семейств должно быть обеспечено средствами государства» (стр. 35). Документы позволяют проследить помощь, оказанную финляндекому пролетариату рабочими Ленинграда и русскими солдатами, отражавшими натиск маннергеймовских сил с севера, где образовался так называемый карельский фронт.

Ряд документов иллюстрирует боевые действия Красной Гвардии и русских советских войск против белофиннов, а также показывает энергичную поддержку, оказанную Маннергейму империалистическими правительствами в подавлении революции, и террор реакции, победившей в результате помощи белофиннам оккупационного корпуса генерала фон дер Гольца.

«Ужасная участь постигла рабочий класс Финляндии после победы объединенных военных сил буржуазии Финляндии... — говорит в своем воззвании центральный комитет финских рабочих. — Всяду в стране безудержно свирепствует белый террор, распространяя горе, ужас, кровь, смерть и разрушение. Около 70 тыс. граждан, в большинстве члены социал-демократической партии, из них 30 тыс. штатских, брошены в тюрьмы и терпят все ужасы неслыханно грубого обращения и голода. Из-за недостаточной и совершенно негодной для людей пищи многие из арестованных болыны и неспособны двигаться, часть умерла голодной смертью, а остальных ожидает неминуемая, мучительная голодная смерть. Ежеминутно арестованные с ужасом ждут прихода палачей, ибо каждый день, по приказанию белого правительства Финляндии, арестованных ведут на казнь, причем трупы убитых и казненных не выдаются для погребения родственникам, хотя они знают о казни близких им людей. За все время гражданской войны войска правительства Свинхувуда беспощадно казнили членов социал-демократической партии и теперь победив, приступили к страшной, широко распространившейся бойне плешных. Целью отряды арестованных и сдавшихся в плен штатских и красногвардейцев расстреляны... Результатом... безумного террора являются массовые самоубийства, вызванные ужасами событий» (стр. 51).

Серия, подготовленная к печати Ф. Лимоньевым и Е. Ефимовой (вводная статья майора Г. Захарова), содержит документы о восстании русских солдат во Франции в 1917 году. Французское командование поставило русский экспедиционный корпус в исключительно тяжелые бытовые условия. Русских солдат посылали на самые опасные и трудные операции. К частям корпуса, находившимся на отдыхе, применялся исключительно жестокий лагерный режим.

Известия о революции в России и пропаганда большевиков вскоре вызвали среди солдат стремление вернуться на родину и, если нужно, сражаться на русском фронте, а не умирать за чуждые им интересы французского империализма. Особенно сильно это стремление было в Первой особой дивизии, находившейся в резерве в лагере Ля Куртин. Солдаты этой дивизии предъявляли требование о возвращении в Россию.

Командованию удалось уговорить большую часть дивизии отказаться от требования и выйти из лагеря; на своих позициях осталась только революционно настроенная 1-я бригада. По предписанию Временного правительства (в лице Керенского) бригаду решили усмирить решительными средствами. 14 сентября 1917 года ей было приказано сложить оружие и выйти из лагеря под угрозой артиллерийского обстрела и других репрессий. Так как солдаты отказались уступить, их 16 и 17 сентября подвергли артиллерийскому обстрелу. Это вынудило упорно державшихся восставших сдать. Непримиимо настроенная революционная группа еще день сопротивлялась натиску войск, первая линия которых состояла из русских, а вторая — из французских солдат. Из документов очевидно активное участие французского командования и французских войск в усмирении русских революционных солдат. Начались суровые репрессии. Затем дивизию отправили на салоникий фронт.

Старый царский дипломат, русский посол во Франции, Извольский ясно понимал причины возмущения солдат экспедиционного корпуса; он считал необходимым воздержаться от присылки дальнейших военных подкреплений во Францию, а также «разрешить вопрос о наших войсках на здешнем фронте во всей его совокупности и принять эвентуально не только паллиативные, но и радикальные меры...» (стр. 56). Наоборот, Керенский считал возможным заставить солдат сражаться во Франции, причем полагался на «обаяние» своей личности. «...прошу вас лично от себя и от моего имени разъяснить войскам современное положение в России... и сказать солдатам, что я стою на страже их интересов...», — писал он комиссару Временного правительства во Франции Раппу (стр. 57).

Один из замечательнейших эпизодов революции 1905 года — декабрьское вооруженное восстание в Новороссийске — отражен в подборке документов из Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) «Вооруженная борьба новороссийских рабочих в декабре 1905 г.» (подготовлена к печати Е. Каменской и М. Сыромятниковой, вводная статья И. Мартынова). Публикация начинается письмом и. д. черноморского губернатора наказному атаману кубано-казачьего войска от 12 декабря 1905 года. «Положение безвыходное, — писал губернатор, — 4-я сотня Урупского полка деморализована. В виду таких обстоятельств настроение других двух сотен неопределенное. В городе учреждается временное правительство. В таких обстоятельствах я с другими служащими, предназначенными к аресту, сделался под охрану казаков. Прошу подкреплений...» (стр. 74). Вся дальнейшая переписка агентов правительства свидетельствует об их полной растерянности и неспособности к сопротивлению быстро разраставшемуся движению. Военские части отказывались стрелять в народ, неожиданно покидали посты. Власть фактически перешла в руки совета рабочих депутатов.

«... на рассвете 18 декабря 4-я и 6-я сотни Урупского полка самовольно покинули город. Осталась одна 2-я сотня, — доносил заведующий полицией на Кавказе министру внутренних дел 30 января 1906 года. — Между тем в городе сформировался Совет рабочих депутатов из 70 человек, выделивший Исполнительный комитет... Совет рабочих заседал ежедневно и, при помощи своей боевой дружины, захватил всю жизнь города в свои руки. Всем правительственным учреждениям было приказано прекратить занятия. Даже канцелярия губернатора закрылась, так как не было охраны. По предложению Совета рабочих, городская дума учредила особую комиссию, при участии членов Исполнительного комитета. Комиссия эта обложила налогом каждого обывателя и распределила собранные деньги между забастовавшими рабочими. Исполнительный же комитет учредил народный суд, издавал обязательные постановления, тащировал продукты, подчинил себе типографии и закрыл газету «Черноморское побережье» за статью против забастовки. Словом, город был совершенно в руках Совета рабочих и Исполнительного комитета» (стр. 80). Конец восстания в Новороссийске известен. «24 декабря на рейде появился броненосец «Три святителя», который, хотя не высаживал на берег десанта, но все-таки произвел тревогу между революционным правительством, еще более усилившуюся, когда вече-

рам того же дня получила весть, что из Екатеринодара едут казаки. Революционный боевой штаб стал готовиться к встрече войск. В тот же день состоялся митинг в Народном доме, а затем появились воззвания, призывавшие народ к решительному бою и ведению партизанской войны с правительством...

«Днем 25 декабря 1905 г. казаки-артиллеристы, при орудиях, вступили, под командою полковника Кравченко, в гор. Новороссийск, и положение дел сразу изменилось. Администрация вступила в свои права и обязанности...» (стр. 89).

Подобранные Е. Крижеручко документы Центрального государственного архива революции из фонда департамента полиции (вводная статья проф. К. Сивкова) относятся к крестьянскому движению в Западном Закавказье в 1902—1905 годах, главным образом в западной Грузии.

В 1898 году товарищ Сталин вступил в социал-демократическую группу «Месамедаси» и совместно с Ладом Кецховели и С. Цулуклидзе создал в ней революционное крыло, сыгравшее ведущую роль в развитии революционного движения в Грузии. Товарищ Сталин руководил известной демонстрацией батумских рабочих 9 марта 1902 года. Участники демонстрации, высланные затем на родину, разнесли по всей Грузии революционные идеи.

«Волнения и беспорядки в Батуме и Кутаисе и прилегающем к ним районе железнодорожной линии отразились с особую силой на продолжающемся, начиная с 1902 г., противоправительственном движении в Гурии», — донес министру внутренних дел в феврале 1905 г. генерал Малама, исполняющий обязанности главноначальствующего на Кавказе (стр. 111). «Положение дел в Озургетском уезде и окружающих местностях принимает характер восстания, выражающегося в открытом неповиновении властям, убийстве правительственных чинов, дворян, духовенства и лиц, революционному движению не сочувствующих. Население освобождается от присяги на верность подданства и присягает революционному комитету. Правительственные лица бегут. Все принимаемые до сих пор меры, не исключая и содействия войск, не дали результатов», — писал генерал Малама (там же).

Очень ценным материалом для истории экономики России является опубликованная в журнале записка бывшего министра путей сообщения П. П. Мельникова. Обнаружена, к сожалению, лишь ее первая часть (за период с 1830 по 1842 год — год начала постройки Петербурго-Московской железной дороги).

Свою записку, составленную в 1871 году, Мельников начинает с общих сведений

о строительстве железных дорог заграницей. Затем идет рассказ о постройке бывшей Царскосельской железной дороги, первой выстроенной в России. Второй строилась имевшая преимущественно стратегическое значение Варшаво-Венская, начатая постройкой в 1839 году (о ней Мельников не упоминает). Третья железная дорога, большого внутреннего и стратегического значения, связала Петербург и Москву. План строительства этого пути встретил самую решительную оппозицию комитета министров и был, наконец, осуществлен по личному решению Николая I. Записка Мельникова раскрывает детали этой борьбы и освещает ряд остававшихся ранее неясными моментов.

Николай I особенно интересовался стратегическим значением Петербурго-Московской дороги, возможностями, которые она давала для быстрой переброски войск. Исходя из этих соображений, он уже в 1851 году, по окончании постройки Петербурго-Московской дороги, поручил Мельникову разработать вопрос о продолжении пути до Черного моря.

Записка подробно прокомментирована и снабжена содержательной вводной статьей М. Крутикова.

Издания 3-го (100-го) тома начинаются подборкой документов о деятельности М. В. Фрунзе на туркестанском фронте (по материалам Центрального архива Красной Армии), подготовленной к печати Д. Ознобишиным, с вводной статьей комдива Ф. Новицкого.

Документы охватывают период с 18 августа 1919 по 10 сентября следующего года, т. е. со времени вступления Фрунзе в командование фронтом по день специального приказа в связи с назначением Михаила Васильевича командующим южным фронтом. Документы освещают важнейшие этапы деятельности Фрунзе за этот период.

Поражение главных сил Колчака позволило М. В. Фрунзе еще до вступления в командование туркестанским фронтом подготовить план так называемой Орской операции, имевшей целью захватить пути отступления (через Орск и Актюбинск в Туркестан) отрезанной армейской группы генерала Белова и нанести решительный удар армии атамана Дутова. Первая часть плана, к осуществлению которого было приступлено еще в июле, была полностью завершена к 13 сентября 1919 года, когда части Красной Армии, наступавшие с севера, соединились у железнодорожной станции Мугоджарская с красными туркестанскими частями, двигавшимися с юга. Связь с Туркестаном, таким образом, была установлена, и понадобилось лишь некоторое время для восстановления железной дороги Таш-

конт — Оренбург. Далее развернулась бурхарская операция. Очитив Туркестан от белых, Фрунзе энергично взялся за реорганизацию и укрепление войск и стал налаживать политическую, экономическую и культурную жизнь края.

Большинство трудностей представила борьба с уральской белой армией. Новое наступление Красной Армии началось 30 декабря; 5 января был взят Гурьев и уральский фронт наконец ликвидирован. Предстояло разгромить басмачей и замаскированных врагов, пробравшихся в органы советской власти и в части Красной Армии. Все эти стороны деятельности М. В. Фрунзе получили отражение в публикуемых материалах; в них имеются также ценные данные о деятельности В. В. Куйбышева, в то время члена Революционного военного совета при командующем войсками Туркестана. Документы могут быть разделены на две группы: одна из них (с 18 августа 1919 года по 1 февраля 1920 года) касается главным образом борьбы с белым уральским и оренбургским казачеством; вторая группа документов (с 7 мая по 10 сентября 1920 года) освещает деятельность М. В. Фрунзе в освобожденном Туркестане.

Огромный интерес, проявляемый общественностью страны к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, побудил журнал представить свои страницы архивным материалам из собрания ЦГАОР, характеризующим сельскохозяйственную выставку 1923 года. Эта выставка, подводившая итоги достижений советской деревни за первые шесть лет Великой Октябрьской социалистической революции, могла продемонстрировать преимущественно лишь успехи единоличных крестьянских хозяйств, так как обобществленный сектор охватывал в то время только около 2% сельскохозяйственной продукции страны. Тем не менее выставка имела для того времени огромное политическое значение. Она привлекала к себе большое внимание иностранной печати. Интерес и значение сопоставления выставок 1923 и 1939—1940 годов едва ли нужно доказывать.

Опубликованные тов. Шепелевой материалы о выставке довольно разнообразны, но имеют преимущественно официальный характер. Следует пожалеть, что в публикации нет документов, показывающих непосредственные впечатления и отзывы посетителей выставки.

Публикация «К биографии П. Ф. Лесгафта» содержит подобранные М. Торбиным материалы из фондов III отделения и департамента полиции о преследованиях виднейшего ученого-общественника органами царской полиции, действовавшей в тесном контакте с министерством народного про-

свещения. Публикация начинается статьей Лесгафта «Что творится в Казанском университете», напечатанной в № 262 «С.-Петербургских ведомостей» за 1871 год. Статья резко критиковала беззакония и произвол, насаждаемые в Казанском университете царской администрацией. Она послужила причиной негласного надзора над строптивым профессором и его увольнению. Далее приводится секретная переписка правительственных чиновников, не упускавших Лесгафта из поля зрения до конца его жизни. Эта переписка, прошения самого Лесгафта и письма ученых и общественных деятелей в его защиту дают яркую картину тех невыносимых условий, в которых жила и работала передовая интеллигенция при самодержавии.

Интересны взятая статья и примечания И. Грабаря к публикации «Новые материалы о М. В. Ломоносове», подготовленной Е. Подъяпольской, Л. Гришиной и И. Корневой. Материалы касаются деятельности Ломоносова по сооружению в России мозаичной фабрики и дают интересные сведения о выполненных им самим мозаиках. Документы извлечены из фондов ГАФКЭ и значительно дополняют известные ранее материалы из архива Конференции Академии наук.

Как известно, Ломоносов не позднее 1750 года, а очевидно, и раньше, производил опыты по составлению особых красок для живописи, выработке смальты (мозаичный материал) и обработке стекла для мозаики. К 1752 году его опыты увенчались успехом, и он обратился в сенат с просьбой разрешить «завести фабрику делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, чего еще поныне в России не делают, но привозят из-за моря великое количество, ценю на многие тысячи. А я, с помощью божиею, могу на своей фабрике, когда она учредится, делать упомянутых товаров не токмо требуемое здесь количество, но со временем так размножить, что и за море отпускать оные можно будет...» (стр. 165).

При этом Ломоносов обязался: «Ставить для сего дела моих заводов требуемое количество составов ценю 30 процентами ниже, нежели как оные в Риме на месте продаются, то есть отпускать оные около трех рублей пуд» (стр. 165—166).

Одновременно с этим он принес императрице выполненный им мозаичный образ богородицы. Это был первый опыт восстановления мозаичного искусства в России, стоявшего на высоком уровне в XI—XII веках, но забытого за мрачные годы татарщины.

Для реализации своих планов Ломоносов

проект приписать к его фабрике несколько деревень с лесами, угодьями и 200 душ крестьян и дать беспроцентную ссуду в 4 тысячи рублей на пять лет.

Последующие документы показывают, что правительство Елизаветы и, в частности, Шуваловы, поддержали начинания Ломоносова. Он получил достаточную материальную базу, и дело развернулось. Ломоносов изготовил несколько мозаик, но, видимо, заказов было недостаточно, и в начале 1758 года Шуваловы для поддержки фабрики выдвинули проект устройства памятника Петру I на месте его погребения. Ломоносов должен был изготовить для памятника ряд мозаичных мемориальных картин. От этих работ дошла до нас лучшая из мозаик Ломоносова — «Молтавская баталня».

Принимались меры к широкому распространению мозаичных украшений. 14 ноября 1757 года сенат по «доношению» Ломоносова определил: «Послать указы, чтоб его, Ломоносова, для убрания оных (вновь строящихся публичных зданий), где потребно будет, мозаикою за надлежащую цену призывать и для составления потребных вещей оригиналы или рисунки ему давать» (стр. 177).

Меры эти, однако, успеха не имели, и фабрика продолжала существовать на правительственные субсидии. После смерти Ломоносова мозаичное дело в России быстро заглохло.

Воспоминания С. Г. Щепкиной о пребывании И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове подготовлены к печати А. Латышевой; публикации предислано краткое предисловие Н. Бродского.

Живые и безыскусственные записи Щепкиной, встречавшейся с Тургеневым в последние годы его жизни в домашней обстановке и в тесном кругу близких, содержат много интересных сведений о личности великого писателя, о его общественных воззрениях, об его отношении к крестьянам. Некоторые из окружавших писателя лиц, описанных в воспоминаниях Щепкиной, послужили прототипами для героев произведений Тургенева. У Щепкиной находим немало и бытовых подробностей, интересных для историка переходной эпохи.

Работая над своими мемуарами, Щепкина частично пользовалась печатными источниками — описаниями различных эпизодов из жизни писателя, заимствованными из газет и журналов того времени.

Дополнением к этим, довольно обильным воспоминаниям (стр. 196—228) служат публикации отрывков из дневника современника Тургенева — В. П. Гаевского. Отрывки взяты Г. Школьской из хранящихся в рукописном отделении Государ-

ственной публичной библиотеки в Ленинграде собственноручных выписок Гаевского из его дневника.

В. П. Гаевский, малоизвестный в свое время литератор, друг Тургенева, Некрасова, Полонского, один из основателей Литературного фонда, несколько раз избравшийся его председателем, был типичным представителем либеральной интеллигенции второй половины XIX столетия. Его дневник, относящийся к годам реакции (1883—1887), отмечает немало фактов политической жизни, по поводу которых Гаевский писал: «Ужасные нравы в нашем городе», — можно повторить вместе с Островским» (стр. 238).

Наиболее интересные записки касаются перенесения тела И. С. Тургенева в Петербург и его шедевры, включавших не только литературные, но и административные круги столицы. Приводится немало черт для характеристики Салтыкова-Щедрина, Полонского, Стасюлевича, Айвазовского, Верещагина, а также реакционных деятелей Каткова, князя Меншикова и других. В дневнике отмечено много любопытных фактов общественной, литературной и политической жизни столицы.

К сожалению, текст дневника не везде дан правильно. На стр. 233 допущена грубая опечатка во французском тексте завещания И. С. Тургенева, превращающая его в бессмысленный набор слов: вместо «J'Institue» («Назначаю») напечатано «L'Institut» («Институт»). В русском тексте завещания (на той же стр.) некачественно написанное по-французски название улицы в Париже, на которой помещалась квартира Тургенева: вместо «Douai» напечатано «Doui».

Читатель вправе требовать от «Красного архива» особенной точности и тщательности в передаче документов.

В разделе «Из записной книжки архивиста» Е. Берликова поместила несколько хранящихся в ГАФКЭ писем П. И. Чайковского разным лицам и письма к нему Бадякирева и Римского-Корсакова (публикуются впервые). Пять писем Чайковского Суворину показывают, что русское общество не умело оценить великого композитора даже в то время, когда он уже пользовался мировой известностью.

4-й (101-й) том журнала более единообразен по содержанию чем предыдущий номер. Он посвящен материалам собственно исторического характера. Книжка открывается публикацией П. Никитинского и Г. Костомарова «Военно-революционный комитет Эстонского края 1917 — нач. 1918 г.». Это обширная подборка документов из собрания ЦГАОР, представляющая единственное по полноте собрание протоко-

лов Военно-революционного комитета Эстонии. Оно охватывает время с конца октября 1917 года по 13 января 1918 года, т. е. все время существования Комитета. За весь этот период отсутствует лишь один протокол.

Эстонский военно-революционный комитет возник 23 октября, т. е. накануне Октябрьского вооруженного восстания. Деятельность Комитета протекала в очень сложной обстановке. Учредительное собрание Эстонии, наскоро созданное буржуазией вскоре после Октябрьской социалистической революции, объявило страну буржуазной республикой. Военно-революционный комитет при поддержке широких трудящихся масс Эстонии распустил собрание и арестовал его членов. В Эстонии был введен советский строй, но уже в январе 1918 года эстонская буржуазия в тесном союзе с меньшевиками и эсерами, опираясь на поддержку германских интервентов, добилась временной ликвидации в Эстонии советской власти.

Теперь, когда эстонский народ при поддержке великого русского народа и всех народов Союза ССР добился освобождения от капиталистического гнета и вошел в состав Советского Союза, публикацию материалов, освещающих деятельность Эстонского военно-революционного комитета, следует особенно приветствовать. Документы с большой полнотой отражают деятельность Комитета и представляют исключительный интерес для историка.

Подборка документов, подготовленная к печати М. Рыбинским (вводная статья С. Маркова), «Бессарабия под ярмом румынских захватчиков (1918 г.)» охватывает период с 25 ноября 1918 года по 13 февраля 1919 года. Документы характеризуют положение населения Бессарабии под игмом румынских оккупантов, его попытки бороться с румынскими властями.

Приводятся ряд актов о насилиях румынских жандармов над населением. Так, 11 ноября 1918 года шеф жандармов Хаджикурского района, зайдя с несколькими своими подчиненными на свадьбу в селе Муравлевке, хотел арестовать брата жениха. «...все гости заверили жандарма, что молодой человек ни в чем не виновен, и просили оставить его на свободе. Тогда шеф стал избивать гостей нагайкой; в итоге один из избиваемых крестьян ударом дубины убил жандарма. В тот же день пришли жандармы из других сел, арестовали всех бывших на свадьбе и хозяев дома, где было убийство.

13 октября Муравлевка была окружена войсками; жандармы, при помощи солдат, избивали розгами всех жителей, оказавшихся в тот день в селе, начиная с 15 до 90 лет, в том числе до 10 женщин; даже

подошваря и дьячка, которые шли к вечерне, избивали... Священник... не был избит, так как случайно в тот день не оказался в селе» (стр. 77).

Новые документы о ликвидации «лево»-эсеровского мятежа в Москве в июле 1918 года (извлеченные из материалов ЦГАОР) вносят ряд существенных дополнений к ранее имевшимся сведениям о подавлении авантюристических попыток «левых» эсеров в союзе с троцкистами и «левыми коммунистами» свергнуть советское правительство и спровоцировать войну с Германией. Этот материал понадобится всякому историку, исследующему события 6—13 июля 1918 года в Москве.

Из того же архива извлечен тов. Зеленовым довольно обширный материал «Из истории возникновения сельско-хозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.)». Материал позволяет проследить первый этап борьбы за коренное переустройство крестьянских хозяйств на новых, социалистических началах. Он характеризует состояние и деятельность первых коллективных хозяйств, роль партии и ее вождей в их организации и развитии.

Историко-революционные материалы занимают около $\frac{2}{3}$ номера, остальная треть распределяется между двумя объемистыми публикациями, освещающими более ранние периоды истории России, и небольшой подборкой о 1917 году.

«Польская война 1794 года в реляциях и рапортах А. В. Суворова» содержит материалы, извлеченные из Центрального военно-исторического архива (фонд Военно-ученого архива). Приводятся документы за время со 2 сентября по 16 ноября 1794 года, составляющие ценный источник для истории польской войны и для изучения стратегии Суворова.

Читатель найдет в этом же номере подготовленную к печати В. П. Троицким (вводная статья проф. В. Лебедева) «Из истории Москвы. Опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.». Опись показывает расположение дворов и церквей, направление и ширину улиц и переулков и содержит также некоторые сведения о стене Белого города в пределах от Москвы-реки до Тверской улицы. Как видно из материалов, в результате описи были сделаны попытки упорядочить застройку Москвы. Так, в Белом городе приказано сохранить трехэтажное пространство перед валом, «а в большие улицы и в переулки указали прибавлять земли поперечнику от погорелых от дворовых мест и от ламанных дворов, а от целых дворов, которые от пожару уцелели и не ламаны прибавлять не велели, а велели в улицах учинить поперечники: в первой улице, которая пошла с Черторьской улицы к Всесвятским

к водяным баретам, прибавити у мосту по-
вертничку от погорелых дерев сажен, и
учинити та улина пяти сажен, а у борот
быти семи сежем попрежнему» и т. д.
(стр. 208).

Опись является ценным дополнением к
известным ранее аналогичным материалам.

В заключительном разделе «Из записной
книжки архивиста» дано несколько доку-
ментов — «К пребыванию русских войск
во Франции в 1917 г.». Они показывают,
как лично относилось французское пра-
вительство к посланным в помощь ему рус-
ским солдатам, насколько неудовлетвори-
тельны были организация медицинской
службы и бытовые условия в экспедици-
онном корпусе. Здесь же находим и све-
дения о живых откликах среди оторванных
от России солдатских масс на революцион-
ные события, развертывавшиеся на родине.
Документы значительно дополняют матери-
алы, посвященные восстанию русских сол-
дат во Франции и опубликованные во 2-м
томе «Красного архива».

* * *

Итогам работы журнала и перспективам
его дальнейшей деятельности посвящена
вводная статья Ем. Ярославского в юбилей-
ном, первом томе — «Очередные задачи жур-
нала «Красный архив». В том же томе
помещены обзоры документов, опублико-
ванных в журнале (по истории экономики и
экономической мысли в России — М. Фей-
гельсона; по истории международных отно-
шений — А. Попова; по истории литерату-
ры — Н. Бельчикова).

Данные «Красным архивом» публикации
могут быть разбиты на три группы:
1) материалы по истории России и СССР;
2) материалы по истории культуры;
3) материалы историко-литературные. Де-
лится на более мелкие группы дает сле-
дующие цифры: «Октябрьская революция
1917 г. — 43; Февральская революция
1917 г. — 30; Гражданская война и ин-
тервенция — 51; Организация Красной
армии — 5; Советское строительство — 10;
Империалистическая война — 20; Револю-
ционное движение в России, революция
1905 г.; История ВКП(б) — 149; Кресть-
янское движение — 31; Внутренняя поли-
тика царизма — 88; Внешняя политика
России — 93; История экономики и геогр.
экономии — 17; История народов СССР —
29; История общественной мысли, науки
и литературы — 116; Восстание декабри-
стов — 25; История народничества, буржу-
азное революционное движение — 96; Ме-
муары и этерники — 39» (стр. 3).

Акад. Ем. Ярославский и авторы обзоров
указывают, что количество публикаций по
отдельным рубрикам не соответствует важ-
ности этих рубрик. Некоторые значитель-

ные исторические явления вовсе не затро-
нуты публикациями; отдельные темы по-
дборавы неудачно.

А. Попов, автор обзора по истории меж-
дународных отношений, отмечает, что
«Красный архив» ввел в научный оборот
много нового ценного материала, без обра-
щения к которому не может обойтись «ни
один исследователь-историк, ни один про-
пагандист, ни один преподаватель», но что
«сделавшее журналом в этой области могло
быть лучше. «Это относится и к области
тематки публикации, и к составу публи-
ковавшихся подборок, и к археографиче-
скому оформлению документов» (стр. 23).

Примеры, приведенные автором для до-
казательства этих положений, можно было
бы значительно умножить, особенно за пер-
вое пятнадцатилетие существования жур-
нала.

Добавим к этому, что отсутствие плано-
вости и последовательности публикаций
заметно в томах даже за один год.

Так, в обратном хронологическом поряд-
ке (и, следует думать, непреднамеренно)
опубликованы материалы о Финляндии.
Материалы, относящиеся к 1919 году, на-
мечены в 1-м томе, а документы о 1918
годе — во 2-м.

Из документов о пребывании русского
экспедиционного корпуса во Франции во
2-м томе опубликованы те, которые отно-
сятся к периоду после февральской рево-
люции, а в 4-м томе — за время до фев-
ральской революции.

Довольно нестры по содержанию, ценно-
сти и объему вводные статьи. Некоторые
из них представляют собой исследования,
опирающиеся на документы публикации,
но привлекающие и иные материалы;
другие ограничиваются анализом и харак-
теристикой документов; третьи содержат
только внешнее описание документов.

Необходимо большее единообразие в по-
строении вводных статей. Пожелания о
тематике главным образом сводятся к то-
му, чтобы «Красный архив» давал более
гармоничное, а вместе с тем более широ-
кое освещение исторических вопросов. Тов.
Ярославский предлагает уделить больше
внимания и места истории общественных
движений в России, истории народов
СССР, внешней и внутренней политике ца-
ризма, февральской и особенно Октяб-
рьской революции, первым годам советской
власти, вопросам советского строительства,
истории партии и истории революционных
движений, истории Красной Армии и пр.
«Это не значит, конечно, — говорит ав-
тор, — что более ранние периоды истории
СССР освещены в «Красном архиве» с до-
статочной полнотой» (стр. 4).

В обзоре М. Фейгельсона находим поже-
лание журналу осветить целый ряд важ-

нейших проблем, связанных с историей народного хозяйства, с формированием пролетариата, с отдельными вехами в истории экономики и финансов страны, а также и вопросы экономики послеоктябрьского периода (стр. 17). Гораздо более умеренные требования предъявляет журналу А. Попов. Он предлагает не столько расширить тематику, сколько сосредоточивать внимание на важнейших моментах и опускать второстепенные. Автор обстоятельного обзора «Публикации по истории литературы» Н. Бельчиков показал, как много полезного и нужного сделано журналом за время его существования. Автор обещает, что в дальнейшем «редакция расширит проблематику печатаемых материалов в сторону большего освещения литературно-художественных явлений прошлого» (стр. 34). Он рекомендует «уделить больше места... материалам о жизни и деятельности писателей братских народов...», «раздвинуть рамки для помещения большого количества документов, рисующих отношение царского правительства к литературе», развернуть в надлежащей мере публикацию материалов по истории западноевропейских литератур» (стр. 34—35).

Пожелавшая улучшить состав публикаций и их археографическое оформление следует считать бесспорными. Но вряд ли можно осуществить все пожелания авторов о расширении тематики журнала. Очевидно, что все существующие в журнале разделы не-

обходимы. Лучший выбор материала внутри каждого из них, несомненно, повысит научную ценность журнала, но это не освобождает места для новых разделов. Расширить же одни рубрики можно лишь за счет сужения других, если только количество томов журнала не будет доведено хотя бы до девяти в год. Но даже и в этом случае он не будет в состоянии охватить все вопросы истории и истории литературы.

Не нагромождать тематические рубрики, а ограничить их число, ввести большую определенность в программу — вот что нужно сделать для того, чтобы обеспечить полноту освещения в журнале определенного круга вопросов. У журнала должен быть перспективный план, составленный на основе учета не только патчных материалов, но прежде всего запросов, подлежащих освещению. Не лучше ли журналу ограничиться вопросами истории России и СССР? Историко-литературные публикации, занимавшие много места в «Красном архиве» и составляющие в настоящее время весьма ценный его раздел, должны быть предоставлены другому специальному органу. Разделы, непосредственно связанные с историей, должны получить на каждый год количество публикаций, соответствующее их важности. Необходимо установить такой список рубрик, который облегчил бы задачу максимально верного, полного и всестороннего освещения истории нашей страны.

Проф. Н. КОРОБКОВ

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ»

в 1939—1940 годах *

Родоначальник исторического романа, Вальтер Скотт принадлежал к числу любимейших писателей Карла Маркса. «Маркс, — вспоминает его дочь Элеонора Эвелинг в своих «Беглых заметках», — постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдингга». А Лафарг, зять Маркса, в своих воспоминаниях добавляет, что роман Вальтера Скотта «Old Mortality» (на русский язык переводился

под названиями «Тори и виги» и «Шуритане») Маркс считал «образцовым произведением»¹.

Высоко ценил знаменитого английского романиста и Фридрих Энгельс. Говоря в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» о шотландском клане, он подчеркивал, что в романах

Г. И. Данилевский «Сожженная Москва», 1939;

В. Ковалевский «Хозяин трех гор», 1939;

Альфред Нейман «Дьявол», 1940;

Р. Швейхель «За свободу», Книги 1 и 2-я, 1939;

Г. Эберс «Император», Книги 1 и 2-я, 1940;

Эрasmus-Шатриани «Новобранец 1813 года», 1939;

Л. Эрлих «Джон Браун», 1940;

Владимир Юрезанский «Исчезнувшее село», 1939;

В. Ян «Чингиз-хан», 1939.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс «Об искусстве», стр. 161. М. и Л. 1937.

* Серия «Исторические романы». Гослитиздат. М.:

А. Антоновская «Великий Моурви», Части 1 и 2-я, 1939;

Жюль Валлес «Инсургент», 1939;

И. Гальдос «Хуан Мартин эль Эмпеснадр», 1940;

Виктор Гюго «Собор Парижской Богоматери», Томы I и II, 1939;

Вальтера Скотта «перед нами, как живой, встает этот клан горной Шотландии»¹.

Интерес и внимание к историческому роману со стороны Маркса и Энгельса — явление в высшей степени знаменательное. Историзм — одна из характернейших черт мировоззрения основоположников научно-социализма, и высшее понятие и закономерно то большее значение, которое они придавали художественно-правдивому изображению исторических событий, исторических событий в жизни человечества.

После Вальтера Скотта исторический роман занял выдающееся место в мировой литературе. Стремление воспроизвести в художественных образах историческое прошлое во всем его многообразии отразилось в ряде замечательных произведений Гюго, Мериме, Флобера, Пушкина, Гоголя, Льва Толстого и многих других крупнейших художников слова. Заслуженную популярность завоевали у читателей, особенно у молодежи, вдохновляющей подвигами героев освободительных войн и революционных движений прошлого, такие исторические романы, как «Спартак» Джованьоли и «Овод» Войнич. Успешно растет и развивается советский исторический роман, что еще в 1930 году в статье «О литературе» отметил А. М. Горький. «Петр Первый» Алексея Толстого, «Разин Степан» Чаныгина, «Одеты камнем» Форш, «Бюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и «Пушкин» Тынянова, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского — все эти произведения являются несомненными, неоспоримыми достижениями советской художественной литературы.

Для писателя история — не только неисчерпаемый кладом тем и сюжетов огромного драматического напряжения. Писатели, обращаясь к истории, не только находят в ней исключительно благодарную «натуру» для своей творческой работы — резко очерченные характеры сильных, волевых людей, сумевших наложить определенное отпечаток на ход борьбы между классами и между народами. Введение в литературу исторического элемента означает, что прямо или косвенно предметом художественного изображения становятся борющиеся народные массы, ибо «народ создает героев и двигает вперед историю»². В подлинном художественном историческом романе исторические деятели всегда изображаются в тесной, неразрывной связи с теми классами, с теми социальными группировками, потребности и интересы которых они выражают. Имеется, однако, немало исторических романов, в которых исто-

рическая переоценка искажена в угоду идеалистическим теориям, по которым историю делают «герои», искажена в угоду классовым пристрастиям и предрассудкам их буржуазных авторов. Понятно, ценность таких романов, как правило, весьма и весьма относительна.

Чрезвычайно велика познавательная роль исторического романа. Для распространения исторических знаний среди широких масс художественная литература сделала очень много. Но не следует думать, будто исторический роман ограничивается лишь разработкой и популяризацией давних, добытых наукой. Нередко писатель прокладывает путь ученому, нередко художественный образ предшествует научному исследованию. Наука и искусство в историческом романе взаимно оплодотворяют друг друга.

Исторические романы выпускаются в настоящее время многими нашими издательствами. Специальную серию «Исторические романы», рассчитанную на массового читателя, выпускает регулярно по недорогим ценам Гослитиздат. Произведения, выходящие в этой серии, одним из первых редакторов которой был великий пролетарский писатель А. М. Горький, снабжены вступительными статьями и примечаниями специалистов, облегчающими понимание и правильную оценку этих произведений. В нашем обзоре мы намерены рассмотреть те романы гослитиздатской серии, которые вышли в свет в прошлом, 1939, и текущем, 1940, годах.

Необходимо прежде всего остановиться на подборе книг, предлагаемых читателям в серии Гослитиздата. В книгах этих охвачены основные периоды мировой истории: и античность, и средневековье, и новое время. Нельзя, однако, не отметить некоторую неравномерность во внимании, проявленном издательством к различным историческим эпохам.

Изображению античного мира посвящен всего лишь один роман — «Император» Г. Эберса, — в котором выведен император Адриан (117—138 годы новой эры), третий представитель династии Антонинов, известных тем, что при них Римская империя достигла предела своего могущества и вступила в так называемый «счастливый век». Действие этого романа разворачивается главным образом в египетском городе Александрии во время пребывания там Адриана и его приближенных.

Значительно полнее представлено в «Исторических романах» Гослитиздата средневековье.

В романе В. Яга «Чингиз-хан» описываются кровопролитные завоевательные войны, которые вел в начале XIII века

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI. Часть 1-я, стр. 112.

² «История ВКП(б)», стр. 16.

монголы под предводительством своего знаменитого полководца, «порядка вселенной». В одном из разделов романа показана битва при Калке (1223 год), закончившаяся поражением русских князей.

Два романа — «Собрание Парижской богематери» В. Гюго и «Дьявол» А. Неймана — изображают Францию при короле Людовике XI (1461—1483 годы), настойчиво борющимся против феодалов и успешно добивавшемся укрепления королевской власти и политического объединения французской монархии.

В романе Р. Швейхеля «За свободу» воспроизведены события крестьянской войны 1525 года в Германии, которую Энгельс рассматривал как самую величественную революционную попытку немецкого народа.

Роман А. Алтоновской «Великий Моуравик» рисует привлекательный образ национально-героического грузинского героя Георгия Саакадзе (конец XVI и начало XVII века), посвятившего свою жизнь борьбе за централизованное и независимое грузинское государство.

Авторы трех романов серии обращаются к эпохе наполеоновских войн: в романе П. Гальдоса «Хуан Мартин эль Эмесениадо» речь идет об испанской «герилье» — народной партизанской войне против Наполеона; в «Сожженной Москве» Г. П. Данилевского — об Отечественной войне 1812 года; название романа Эркмана-Шатриана «Новобранец 1813 года» говорит само за себя.

Об одном из наиболее выдающихся борцов за освобождение народов от рабства в Соединенных Штатах Америки, Джоне Брауне (1800—1859 годы), рассказывается в одноименном романе Л. Эрлиха.

«Индургент» Ж. Валлеза является продолжением известных его романов — «Детство» и «Юность». Герой приключения Жак Вентра в этой третьей, заключительной части ее выступает как участник героической Парижской коммуны 1871 года.

Помимо упомянутых выше, на темы из истории народов СССР написано еще два произведения, включенные в 1939—1940 годах в серию Гослитиздата: «Украинская быль» В. Юрезанского — «Исчезнувшее село», — в которой рассказывается об уничтожении при Екатерине II казачьего села Турбан в наказание за то, что его жители с оружием в руках восстали против попытки помещиков закрепить их, и повесть В. Ковалевского «Хозяин трех гор», в которой описан облик одного из первых владельцев знаменитой Трехгорной мануфактуры в Москве, Тимофея Васильевича Прохорова (1797—1854 годы).

Среди авторов произведений, отобранных издательством для серии «Исторические ро-

маны», пледу классиков представляет глава французских романтиков Виктор Гюго, чей «Собрание Парижской богематери» справедливо причисляется к шедеврам мировой литературы. Не нуждаются также в рекомендации имена таких писателей, как Эркманн и Шатриан, коммунар Валлес и Гальдос (последний у себя на родине, в Испании, считается классиком). Среди других талантливых писателей нам хотелось бы выделить Р. Швейхеля. Великий немецкий романист и публицист, Швейхель активно участвовал в революционном движении 1848—1849 годов, и его революционные настроения сказались и в романе «За свободу».

Четыре исторических романа, изданных за последние два года Гослитиздатом, принадлежат советским писателям: А. Алтоновской, В. Юрезанскому, В. Ковалевскому и В. Яну. «Чингиз-хан» Яна и «Хозяин трех гор» Ковалевского впервые напечатаны в гослитиздатской серии.

Подбор книг для серии в основном сделан удовлетворительно. Один только роман, по нашему мнению, не заслуживает переиздания. Мы имеем в виду «Сожженную Москву» Г. П. Данилевского.

«Великая борьба русского народа за свою национальную независимость показана в «Сожженной Москве» с точки зрения робкого либерала, живущего в то же во времена растущей реакции, когда напуганные либералы были откинуты в стан врагов всякого революционного и широкого демократического движения», — так охарактеризовал роман Данилевского в предисловии к нему П. Г. Рыбизонского. С этой характеристикой, хотя стилистически она и выражена несколько неуклюже, нельзя не согласиться. Подлинная сущность войны 1812 года, как войны народной, в романе затуманена: личная месть — вот основное чувство, которое движет героями Данилевского.

«Сожженную Москву» тем более не имеет смысла издавать, что эпоха, описываемая в ней, получила широкое отражение в художественной и исторической литературе. Читателя, имеющего в своем распоряжении «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «богатство» еще сочинением Данилевского, право, не к чему.

Многие романы гослитиздатской серии не лишены крупных недочетов. Показателен в этом отношении роман немецкого писателя Альфреда Неймана «Дьявол». Две стороны следует различать в этом произведении. Ярко, хотя и не особенно глубоко, изображена в нем борьба Людовика XI с коалицией могущественных феодалов и принцев королевской крови, которые образовали союз под названием лигемерным

названием «Лиги общественного блага». И король и его противники, как показывает Нейман, не брезговали в борьбе никакими средствами. Интрижки, заговоры, шпионаж во Франции XV века считались в порядке вещей. За тайными интригами следовало открытое применение насилия, дипломатические ухищрения сочетались с кровавыми расправами над врагами. Охотно прибегал Людовик и к организации восстаний против феодалов в их собственных владениях. Победа дала бы Людовику несметно. Порой он попадал в весьма трудное положение, но изю всех своих затруднений он умел вышутываться с удивительным мастерством. Один из наиболее драматических эпизодов «Дьявола» связан с поездкой короля к самому опасному его сопернику — герцогу бургундскому Карлу Смелому. Людовику подстроена была ловушка, в которую, казалось, он должен был бы неминуемо попасться; однако его незаурядное дипломатическое искусство, ютлично продемонстрированное Нейманом, позволило ему выбраться из «гостеприимной» Бургундии целым и невредимым.

Ценность «Дьявола» заключается как раз вот в этом колоритном и рельефном описании жестоких и вероломных нравов позднего французского средневековья. Но писатель не захотел ограничиться простым описанием столкновений и конфликтов, которыми сопровождался во Франции (как и всюду, впрочем) переход от феодальной раздробленности и розни к абсолютной монархии. Те реальные характеры, которые выковывались в борьбе между королевской властью и феодальным лагерем, для А. Неймана, повидимому, недостаточно занимательны и выразительны. Его интересует «лице государственности», служению которой якобы посвятили себя герои его романа и ради которой должны быть оправданы все совершенные ими жестокости и преступления.

Персонаж, по которому озаглавлен роман, Оливер Неккер, по прозвищу «Дьявол», брадобрей и советник Людовика XI, любящего окружать себя неизвестными людьми, превращается у этого писателя в «двойника» короля, в лучшую часть его «я», в его совесть. Во всех своих поступках Оливер руководствуется прежде всего политической необходимостью, требующей усиления французского королевства. С критерием политической необходимости и целесообразности он подходит и к самому Людовику, на которого приобретает громадное влияние. Он проводит резкую грань между Людвигом-королем и Людвигом-человеком и оказывает на него самое энергичное воздействие, чтобы принудить «человека познаться королем». В то же время Оливер готов для короля пойти на

любые жертвы и сперва обрекает на гибель свою горячо любимую жену, а затем и самого себя.

В последние годы жизни Людовика Неккер, по Нейману, становится чуть ли не фактическим руководителем политики Франции. Страна стонет под гнетом королевской тираннии, народ проклинает «и чертова короля и королевского черта». Тогда, для того чтобы восстановить пошатнувшуюся популярность Людовика, Неккер идет на героический шаг: все манифесты, свидетельствующие о политических и организаторских триумфах монархии, опубликовываются за подписью короля; указы же и постановления, возмущающие народ своим деспотическим характером, издаются «именем короля» за подписью Оливера. А после смерти Людовика Оливер заставляет нового короля, Карла VIII, сместить его со всех должностей, предать ему и казнить. «Много ненависти скопилось вокруг престола, — объясняет Неккер Карлу и его матери, — великий король выдерживал ее натвор, но слабого юншу такая нонна сломит. И некупительной жертвой этой ненависти должен пасть тот, кто ее вызывает, — во имя короля» (стр. 306).

Такое психологически-неубедительное, приторно-идеализированное превращение Оливера Неккера — а отчасти и Людовика XI, — разумеется, решительно ничего общего с исторической действительностью не имеет. То обстоятельство, что объективно герои романа «Дьявол» делали исторически прогрессивное дело, не означает еще ни в какой мере, что они заботились только о судьбах Франции, а не о своих личных выгодах и о своем личном преуспеянии (заметим в скобках, что в бытность свою наследным принцем Людовик не раз устраивал заговоры против своего отца, короля Карла VII, и скрывался от него, опасаясь преследования, ни у кого другого, как у... герцога бургундского).

Интересно сопоставить «Дьявол» Неймана с «Сбором Парижской богематери» Гюго, где в одной из глав также выведены и Людовик XI и Оливер (у Гюго дана, конечно, французская транскрипция этого имени — Оливье). Великий французский писатель раскрывает исторический смысл деятельности Людовика XI и его окружения, немногими интригами набрасывая необычайно яркий образ умного, властного, злославленного и суеверного короля. Никакой идеализации Людовика у него при этом нет и в помине.

Действие происходит в Париже, в Бастилии. Король, пишет Гюго, «вообще лишь редкими и короткими наездами появлялся в своем добром городе Париже, нахдя, что в нем недостаточно тайных

ход в. висели и шотландских стрелков» (т. II, стр. 202). Неприхотливый и вечно страдающий покушений на свою себю король решает провести ночь в Бастилии, между прочим, и потому, что знаменитая государственная тюрьма лучше укреплена чем Луврский дворец.

В комнате, называющейся «кельей, в которой Людовик Французский читает часослов», кроме него самого, находятся два дельца вельного города Гента и несколько призрачных, в том числе мэр Оливье, лицу которого, по словам Гюго, свойственны только два выражения — надменности и угодливости. Здесь разыгрывается примечательная сцена, превосходно обрисовывающая Людовика XI и как человека и как политика.

Королю доносят, что вспыхнул бунт парижской черни, направленный против главного судьи дворца правосудия. Его просят послать немедленную помощь судье, иначе тот погиб. Но король не спешит на выручку: он чрезвычайно доволен возмущением народа, направленным против судьи, обладателя целого ряда феодальных прав во многих частях Парижа.

«Клянусь насхой! — восклицает король. — Что это за господа такие, которые приевонили себе права сборщиков пошлин, судей, ленных владык и молных хозяев у нас? На каждом поле у них своя застава, на каждом перекрестке — свой суд и свои палачи. Таким образом, подобно греку, у которого было столько же богов, сколько истребителей в его стране, или персу, у которого было столько же богов, сколько он видел звезд на небе. — Француз насчитывает столько же королей, сколько замечает виселиц! Чорт возьми! Это вредно, и мне такой беспорядок не нравится. Я бы хотел знать, установлено ли то волею всевышнего, чтобы в Париже имелся другой сборщик податей, кроме меня, другое судилище, помимо нашей судебной палаты, и другой государь в нашем государстве, кроме меня. Клянусь душой, пора уже наступить тому дню, когда во Франции будет один король, один сюзерен, один судья и один палач, подобно тому, как в раю есть только один бог» (т. II, стр. 219—220).

И, погруженный в свои мысли, он продолжает:

«Хорошо, мой народ! Отлично! Истребляй этих лже-владык! Делай свое дело! Ату, ату их! Трабь их, вешай их, громи их!. А-а, вы захотели быть королями, монсеньеры? Берите их, народ, берите!» (т. II, стр. 220).

Но, используя в своих интересах взрыв гнева низов, Людовик одновременно крайне презрительно относится ко «всей этой

ораве мужичья». «Мне, — заявляет он, — стоит лишь бровью поведать, чтобы прекратить с этим» (т. II, стр. 230).

Один из послов Гента, Консеполь, представитель фламандской торгашеской буржуазии, активно поддерживавшей Людовика XI в его борьбе с феодалами, откликается на это замечание короля многозначительными словами, что, значит, «час народа еще не пробил». Он напоминает о восстании, которое сам поднимал против герцога бургундского.

Король, однако, не видит ника основания бояться народа.

«Ну, нет! — говорит он. — Ведь ты не так-то легко падешь, моя добрая Бастилия?» (там же).

Этой выразительной ссылкой на Бастилию, разрушенную Великой французской буржуазной революцией, Гюго словно подчеркивает неизбежность падения королевской власти после того, как она, обуздав феодальную анархию и заложив основы политического объединения страны, сыграла свою историческую роль и стала олицетворением всех сил реакции.

Как «Собор Парижской богородицы», так и — в меньшей мере — «Дьявол» содержат немало материала, помогающего уяснить и наглядно представить себе ход классовой борьбы в эпоху позднего средневековья. Хотя и Гюго и Шейман, несомненно, абсолютно чужды марксизму, их произведения могут быть использованы в качестве художественных иллюстраций к классическому марксистскому положению, сформулированному Фридрихом Энгельсом, — о значении королевской власти в период разложения феодализма и о дальнейшей ее эволюции после победы над феодалами:

«Что во всей этой всеобщей путанице (средневековых феодальных отношений. — Г. Л.) королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздробленному на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская

власть в благодарность за это поработила и ограбила «своего союзника»¹.

Эпоха позднего феодализма, но уже не на западе, а на востоке Европы, в Грузии, изображена в романе А. Антоновской «Великий Моурави». Особенности исторического развития этой страны привели к тому, что в XVI веке грузинские цари всецело находились в зависимости от крупных феодалов. Усилению феодального хаоса в Грузии, где насчитывались к этому времени три самостоятельных царства — Карталинское, Кахетинское и Имеретинское — и ряд владетельных княжеств, способствовало также географическое положение страны, окруженной сильными мусульманскими государствами — Ираном и Турцией. Оба эти государства ожесточенно боролись между собой за обладание Грузией и были чрезвычайно заинтересованы во всемерном ее ослаблении, в чем им особенно помогали своими изменническими действиями грузинские феодалы.

Товарищ Сталин следующим образом охарактеризовал положение в феодальной Грузии:

«Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачлику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии...»².

В такой обстановке выступил в конце XVI века на историческую арену замечательный грузинский деятель Георгий Саакадзе, заслуживший у своего народа почетное наименование «Великого Моурави»³.

Саакадзе был выходцем из обедневшего мелкоземельного азнаурства (грузинского дворянства), которое, как и крестьянство, сильно страдало от произвола князей и

раздробления страны. Борьба Саакадзе за укрепление царской власти и создание единого, централизованного и независимого грузинского государства, безусловно, соответствовала интересам азнауров. Но в то же время Саакадзе рассматривал свой класс как одну из сил, ведущих борьбу с феодалами за национальное объединение Грузии. Он стремился к тому, чтобы азнаурство возглавило эту борьбу и повело за собой широкие народные массы. В своем родном поселении Песте, которое он получил в дар от царя Георгия X, он немало сделал для облегчения бедственного положения крестьян, что вызвало негодование не только князей и церкви, но и богатых азнауров, находивших, что он этим «позорит свое сословие».

«Грузия конца XVI и начала XVII в., — как справедливо указывает автор предисловия к роману Антоновской В. К. Черный, — экономически и политически не была подготовлена к восприятию идей Саакадзе... Общенациональная программа объединения, выдвигнутая Саакадзе, не вменялась в узкие рамки феодализма» (ч. 1-я, стр. 9—10).

Стремясь к своей цели, Саакадзе твердо действовал, не считаясь с реальными возможностями, с исторически сложившейся обстановкой в Грузии XVI—XVII веков. Это приводило его подчас к серьезным ошибкам, к заигрыванию с вратами Грузии — иранским шахом и турецким султаном, которых он пытался использовать в интересах своей борьбы против феодалов. Будучи вынужден покинуть Грузию и бежать в Иран, Саакадзе впоследствии даже вторгся в пределы родной страны с иранскими войсками с тем, чтобы нанести решающий удар феодалам. Но феодалы, желая сохранить свои привилегии, поспешили перейти на сторону шаха, и иранские войска, вместо того чтобы заняться уничтожением феодалов, обрушились на мирных жителей Картли и Кахети. В ответ на это Саакадзе поднял на защиту родины крестьянские массы и одержал над иранскими войсками в Марткобском бою блестящую победу.

Характер Георгия Саакадзе, бесспорно, противоречив. Бесстрашный воин, искусный полководец и пламенный патриот, человек, во многом опередивший свое время, он был вынужден иногда прибегать к чисто средневековым методам политической борьбы — заговору и придворной интриге, — методам, которые ему же самому претили. Этот интереснейший образ с большой силой показан в талантливом романе А. Антоновской «Великий Моурави», являющемся, несомненно, лучшим советским истори-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10—11. Госполитиздат, 1939.

³ Моурави — правитель, полководец.

ческим романом, вышедшим за последние годы в серии Гослитиздата¹.

Трагический эпизод из истории борьбы украинских крестьян против помещиков-крепостников лег в основу другого советского исторического романа, вышедшего в прошлом году в Гослитиздате.— «Исчезнувшего села» Владимира Юрезанского. В романе изображается закрепощение крестьян на Украине в годы царствования Екатерины II.

Село Турбан, о котором повествует в своей «были» на основе документальных данных В. Юрезанский, принадлежало во второй половине XVIII века помещикам Базилевским. Крестьяне этого села жестоко эксплуатировались и притеснялись Базилевскими, которые считали их своими крепостными. Но сами турбаевцы себя считали вольными людьми: они хорошо помнили о том, что их предки были казаками и были занесены в казачьи компуты (так назывались списки казачьих родов с точным указанием их постоянного местожительства и служебного положения). Во владении Базилевских турбаевцы оказались только из-за того, что первый владелец Турбасв Даниил Апостол, «кривой чорт, лютой полковник миргородский», сумел всякими правдами и неправдами добиться исключения их из компутов и занесал Турбан «до собственных маектов». Однако после смерти Даниила Апостола полковником миргородского полка стал его личный враг Капнист, который опять внес турбаевцев в казачьи списки. В конце концов, желая разделаться со столь сомнительным и опасным наследством, наследники Даниила Апостола и продали село Базилевским.

Красочно описывает Юрезанский все возрастающий гнет, под которым очутились турбаевские крестьяне. Базилевские обременяли их непосильными работами и все чаще прибегали к плети и розгам. Узнав о пребывании в Киеве императрицы Екатерины, турбаевская «громада» решила послать к ней с жалобой ходяков, просить ее царской защиты. Из этого, понятно, ничего путного не вышло: жалобу на помещиков Екатерина не приняла. «Никаких жалоб...—холодно сказала она.—Только в сенат. Пусть сенат разберет. Я не могу сама всех подданных судить» (стр. 62). Ходяки за нарушение указа, запрещающего подачу прошений и челобит-

ных государыне, поматились двумя месяцами каторжной тюрьмы.

Но неудача не сломила воли турбаевцев к сопротивлению. Они продолжали искать правду. Памятуя, что «правда за семьюдесятью семью замками лежит» и что «каждый чин, каждый писец любит, чтобы его серебряным ключом отворили», собрали они, сколько смогли, денег и послали доверенных в Петербург, в сенат. После долгих мытарств нашли турбаевцы в столице человека, знакомого со всеми сенатскими хитростями, который согласился помочь им добиться воли. В июне 1788 года сенат вынес решение — «признать вольные казачьи права по старине и кроек за теми жителями села Турбан, кои записаны полковником Капнистом в компуты миргородского реестрового полка, и за всеми, кто от сих записанных народился...» (стр. 127).

Для исполнения сенатский указ был передан голтынянскому нижнему земскому суду, с которым Базилевские, разумеется, скоро нашли общий язык.

В январе 1789 года в Турбан приехал исправник, об'явивший турбаевцам:

«Теперь вы должны доказать документами, актами, грамотами или прочими бумагами, что среди вас есть какие-нибудь потомки тех семидесяти шести казачьих родов, которые были записаны миргородским полковником Капнистом в компуты. Кто это докажет, тому будут возвращены свободные казачьи права. Кто же доказать не сумеет, тот останется за господами Базилевскими» (стр. 139—140).

Жульническая уловка исправника вызвала всеобщее возмущение турбаевцев. Документов ни у кого не было: они были предусмотрительно отобраны у казаков еще Даниилом Апостолом. С большим трудом исправнику удалось успокоить громаду, пообещав поехать в Киев к губернатору и просить у него немедленно прислать в Турбан суд, который даст «полную, самую верную волю — за гербовой государственной печатью».

Суд приехал лишь в июле вместе с воинской командой — двадцатью пятью егерями в полном вооружении — и, как и следовало ожидать, начал доказывать, что никаких казаков, имеющих право на волю, в Турбаях нет. Турбаевцы, однако, твердо стояли на своем, и полковник раздраженные судьи распорядились вызвать в помещению суда егерей.

Вызывающее поведение подкупленных чиновников привело к возмущению казаков. Егерей разоружили, судей связали и заперли в темный амбар, ненавистных Базилевских убили на месте. «Село, — пишет Юрезанский, — приняло вид военного лагеря после боя» (стр. 177).

¹ Гослитиздат напечатал в серии «Исторические романы» (в двух выпусках) первую часть романа «Великий Моурави», заканчивающуюся бегством Саакадзе в Иран. Вторая часть романа печатается сейчас в журнале «Новый мир» (начиная с № 8 за 1940 год).

Восставшие ждали, что с ними немедленно же разправятся. Но больше двух лет турбасовцев никто не трогал, несмотря на то что полковник Базилевский, брат убитых, всюду рассылал жалобы и заявления, требуя жесточайшей кары для убийц. Екатерина поручила разбор дела Базилевских Потеминову, а тот захотел воспользоваться случаем и, откупив турбасовцев у их помещиков, перевел их за казенный счет на свои заднепровские земли.

Трагическая развязка многолетней турбасовской эпопеи наступила уже после смерти Потемина. В 1793 году власти обманом захватили вожаклов мятежного села и, набравшись храбрости, приговорили к наказанию кнутом и плетью около двухсот человек. А в 1794 году всех турбасовцев переселили: часть — в Таврическую губернию, на Запорожье, другую часть — к Днестру. Турбаи были стерты с лица земли, самое название это помещики пытались вычеркнуть навсегда из памяти народной.

«Богатая турбасовская земля, — в конце своей книги рассказывает Юрезанский, — не могла долго оставаться пустошью, заброшенной, как выморочное урочище. Она требовала рабочих рук, посевов... Постепенно помещики стали сеять на пашеннице из разных своих имений крестьян, тех, что не искали казачества, были послушны и тихи нравом. С годами на старом месте образовалась небольшая бедная деревушка — голая, серая слободка на погорелом берегу. Базилевские назвали деревушку Скорбино.

— Почему Скорбино? — спрашивали чужие, незнакомые люди, едучи мимо в Полтаву или в Кременчуг.

— Панов оскорбили. Потому и Скорбино... — угрюмо объясняли подданные Базилевских, по-своему понимая черное гробовое слово, каким заклемили помещики деревню» (стр. 258—259).

Так она называлась вплоть до Великой Октябрьской революции.

«Весной 1918 года, когда на Полтавщине впервые установилась советская власть, сонлись скорбинские мужики и бабы на сход. Они вынесли постановление снять с деревни постылое, выдуманное помещиками имя, — назвать деревню по-старому — селом Турбаи... С той памятной весной, — заканчивает Юрезанский, — Турбаи опять появились на полтавской земле, и у всех было приподнятое чувство, что появились они на счастье» (стр. 259).

Последнее произведение, о котором мы собираемся сказать в нашем обзоре, — это «Инсургент» Жюль Валлеса.

«Инсургент» — книга автобиографическая, в которой вымысел художника за-

нимает минимальное место. Перед нами, в сущности, манускрипт с чисто французским блеском мемуары, посвященные демократическому и революционному движению во Франции 60-х годов прошлого столетия и бессмертной Парижской коммуне, этому первому опыту диктатуры пролетариата, который «старая гвардия» Тьер потопил в марах крови. Все деятели этого периода фигурируют в воспоминаниях Валлеса под своими подлинными именами, и только сам Валлес называется в них Жаком Вентра.

Питчий и голодный французский интеллигент, в течение ряда лет остававшийся без работы, Вентра-Валлес — яростный враг правительства Наполеона III и буржуазного общества вообще. Он человек с ярко выраженным темпераментом бунтаря. «Где же рев бури, которую я так люблю?» — спрашивает он в своей книге. Нападки его на жирных буржуа пропитаны желчью и иронией. Он не только республиканец, но только революционер, но и социалист. Однако, что должно быть подтверждено само, социализм его весьма расплывчат, теоретической четкостью своих воззрений Валлес похвастаться отнюдь не может. С. Б. Кан во вступительной статье к «Инсургенту» с полным основанием применяет к Валлесу ту характеристику, которую Энгельс дал знаменитому его современнику Огюсту Бланки: «...социализм он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства»¹.

Как «социалист по чувству», Вентра-Валлес выступает и в дни Коммуны, одним из должностных лиц которой он является, и на страницах своей книги. Ясно поэтому, что исторически правильного анализа деятельности Коммуны и ясного понимания ее действительного исторического смысла ждать от него не приходится. Но Валлес на это, собственно, и не претендует: его задача, которую он блестяще выполнил, заключается совсем в другом — в том, чтобы правдиво запечатлеть мысли и чувства, настроения и переживания непосредственного участника великих боев, которые вел парижский пролетариат.

«Коммуны, — писал Ленин, — не понимали те, кто ее теорил, они теорили чуть-ем гениально прозвучавших масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XV, стр. 225.

² Ленин. Т. XXII, стр. 352.

«Революционный инстинкт рабочего класса.— в другом месте писал Ленин,— прорывается в о пр ек и ошибочным теориям»¹.

И Маркс и Ленин в своих многочисленных высказываниях о Коммуне со всей определенностью указывают на ошибки, допущенные ею, но в то же время они восторгаются мужеством и героизмом ее борцов, «готовых штурмовать небо».

Эта героика, эта беспримерная способность к самопожертвованию насыщает горячие строки Валлеса.

Вот короткий эпизод, относящийся к тому времени, когда поражение коммунаров уже не вызывало сомнений:

«Где только была моя голова! Мне показалось, что город похож на мертвеца, когда он еще и не был убит. И вот вмешиваются женщины и дети. Красивая девушка водружает совершенно новое красное знамя, и оно пылает над серыми камнями, точно красный мак на развалинах.

— Держите местную, граждане!

Всюду лихорадочное возбуждение или, вернее, здоровое, бодрое настроение. Ни криков, ни слезных. Изредка кто-нибудь подбежит к стойке и, наскоро вытерев тыльной стороной руки губы, возвращается к работе.

— Мы постараемся устроить сегодня хороший денек,— говорит мне один.— Вы только что усомнились в нас, товарищ. Приходите-ка сюда, когда здесь станет жарко, и вы увидите, имее ли вы дело с трусами.

Красные знамена развеваются... Теперь можно умереть» (стр. 224).

Очень характерны последние слова Венгра-Валлеса—о смерти. В них чувствуется революционер-интеллигент, который по до конца изжил в себе мелкобуржуазную «интеллигентщину».

Неоднократно у Венгра-Валлеса—члена Совета Коммуны—бывают колебания и ступени вредного для дела революции мягкосердечия по отношению к врагам. Валлес самокритично показывает—и это лишь увеличивает ценность его книги,— что у рядовых коммунаров революционная решимость и последовательность проявляются с гораздо большей силой, нежели у него, «человека с шарфом».

18 марта 1871 года Валлес, скрывающийся от правительства национальной обороны, получившего прозвище «правительства национальной измены», узнает о переходе на сторону народа одного линейного полка и о расстреле двух контрреволюционных генералов.

«Но ведь это,— восклицает он,— революция!»

¹ Ленин. Т. XXX, стр. 111.

Вот она, наконец, та минута, которой я ждал и о которой мечтал с тех пор, как испытал первую жестокость отца, как получил первую пощечину учителя; с первого дня, прошедшего без куска хлеба; с первой ночи, проведенной без крова. Вот она, возмездие за колосаж, за нищету и за Декабрь².

И все же я дрожу. Мне не хотелось бы, чтобы на заре победы на наших руках были кровавые пятна» (стр. 186).

Сильнейшее беспокойство вызывает у Валлеса и решение взломать замки у касс казначейства:

«Пропасть разверзлась, как под ударом заступа могильщика. Взлом замков возлагает на Комитет такую же ответственность, как и расстрел генералов. Все имеющие хоть несколько су, «порядочные люди» всех классов и всех стран, бросят в лагерь грабителей проклятия, бомбы и солдат» (стр. 194).

Даже когда расстреливают пойманного с поличным шлика, Венгра-Валлесу не по себе:

«Федерат заметил, как я побледнел.

— Вы, может быть, стояли бы за его оправдание! Неужели вы не понимаете, черт возьми, что, разбивая голову одному Пуде, спасаешь жизнь тысяче своих? Меня приводит в ужас вид крови, а между тем мои руки залиты ею: он уцепился за меня, прося пощады. Но ведь если никто не будет убивать шпионов, что же тогда?

В спор вмешивается еще один.

— Не в этом дело! Вы хотите сохранить чистенькими ваши ручки на случай суда или для потомства. Это нам, народу, рабочим, достается всегда черная работа... чтобы нас же потом оплевывали. Не так ли?

Этот разъяренный человек сказал правду.

Да, мы хотим войти незапятнанными в историю, хотим, чтобы наше имя не было связано с кровавым удобрением боен.

Признайся в этом, Венгра. И не очень-то гордись бледностью, покрывшей твое лицо перед трупом расстрелянного» (стр. 229).

Валлес точен и беспощаден к самому себе в своих воспоминаниях, он не старается задним числом прикрасить свою позицию, как нередко делают другие мемуаристы. Все это позволяет нам расценивать «Инсургент» не только как литературное произведение, но и как исключительной важности человеческий документ.

² 2 декабря 1851 года президент Французской республики Луи Бонапарт (будущий Наполеон III) совершил государственный переворот, приведший к установлению Второй империи.— Г. Л.

«Инсургент» Валлеса, к сожалению, — единственное произведение в серии «Исторические романы», в котором говорится о борьбе революционного пролетариата. Само собой разумеется, этого совершенно недостаточно.

Нам в заключение остается лишь остановиться на предисловиях и вступительных статьях, предпосланных романам Гослитиздатовской серии.

По размерам своим они невелики (обычно не больше $\frac{3}{4}$ листа). Они сжато излагают основные исторические сведения, знание которых необходимо читателю для того, чтобы разобраться в событиях, изображаемых авторами романов.

В некоторых случаях авторы предисловий исправляют фактические неточности, встречающиеся у романистов. Плохо, однако, что иногда и в предисловиях также встречаются неточности. Так, грубую фактическую ошибку мы обнаружили в предисловии В. Ф. Семенова к роману «Дьявол». В. Ф. Семенов считает, что главный герой этого романа Оливер Неккер — персонаж вымышленный. Это неверно. Оливер этот действительно существовал и занимал видное положение при Людовике XI, а при его преемнике Карле VIII был действительно казнен¹.

¹ См. «Всеобщую историю с IV столетия до нашего времени», составленную под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Т. III. Гл. IV. Москва, 1897.

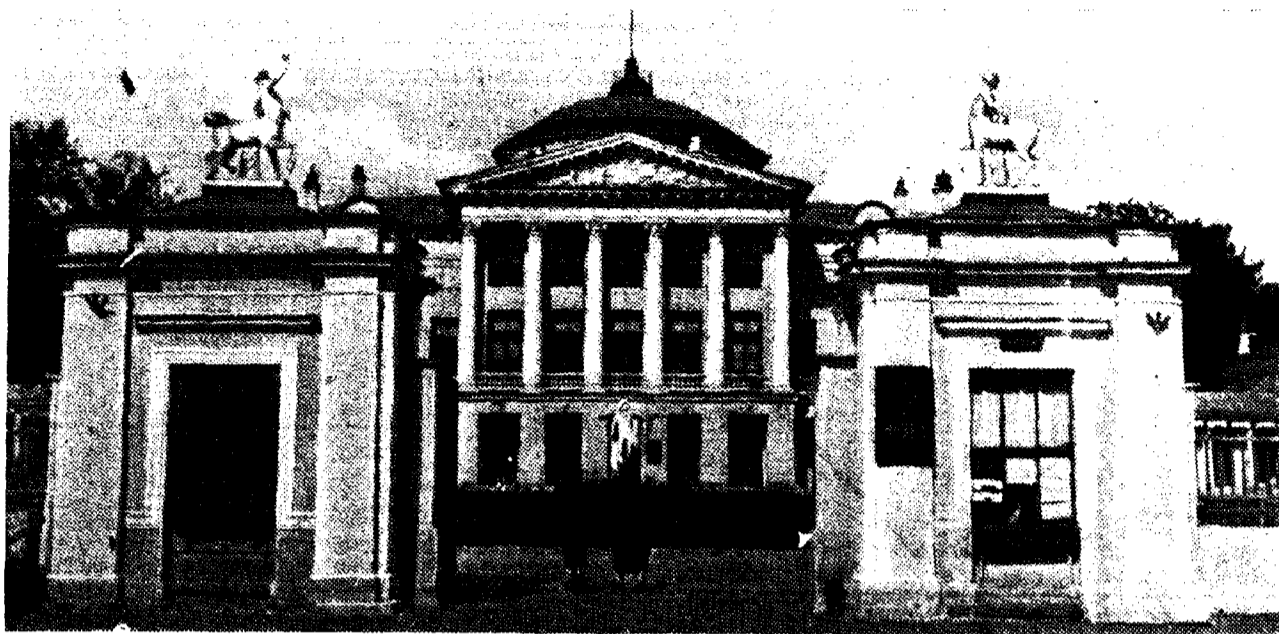
В большинстве предисловий сообщаются кратко биографические данные о писателе и дается критика его произведения с точки зрения современной науки. Целесообразность такой критики — особенно когда речь заходит о писателях старых, далеких от марксизма — самоочевидна. Но в некоторых предисловиях такая критика опущена. В. С. Сергеев, например, в предисловии к «Императору» Г. Эберса не говорит ни слова ни об авторе, ни об его романе, хотя Эберс — известный этнолог и плодовитый немецкий писатель второй половины прошлого века — фигура довольно любопытная, а его роман с неприятно-слащавым изображением раннего христианства, типичным для среднего буржуазного исторического романа, нуждается в серьезном разборе.

Выделяется по литературным достоинствам и глубине анализа предисловие проф. С. Д. Сказкина к «Собору Парижской богоматери». Проф. Сказкин прекрасно охарактеризовал Гюго как мастера исторического романа.

Серия Гослитиздата «Исторические романы» проникает в широчайшие читательские массы. Это обязывает издательство чрезвычайно тщательно подбирать книги для серии и обеспечивать читателю образцовый научно-справочный аппарат.

Г. ЛЕНОБЛЬ

В. Смирнов

Село Пушкинское. Дворец-музей творчества крепостных мастеров

В зоне отдыха Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, в селе Пушкинском (Останкино), находится замечательный художественно-исторический памятник XVIII века — дворец-музей, принадлежавший некогда Шереметевым.

Этот музей показывает жизнь и творчество крепостных мастеров, раскрывает исключительную талантливость русского народа, который несмотря на все ужасы жестокого крепостного рабства продолжал жить своей глубокой, одухотворенной жизнью и выдвигать ярчайшие таланты. Этот дворец является редчайшим музеем крепостного театра.

Останкинский дворец был задуман графом-помещиком П. Шереметевым как загородный «дворец искусств» в миниатюре. Его строительство было начато в 1792 году и окончено в 1797 году.

Шереметев был одним из крупнейших помещиков-магнатов. Он владел 770 тысячами десятин земли в 17 губерниях и держал в своих руках судьбу 211 тысяч крестьян.

Жестокая эксплуатация крепостных дала ему возможность окружать себя изысканной роскошью.

Дед владельца дворца, фельдмаршал Б. П. Шереметев (1652—1719 годы), был видным полководцем Петра I. За военные заслуги в битве под Полтавой — в 1709 году и при взятии Риги — в 1710 году, — а также за усмирении народных восстаний в Астрахани и в других «низовых городах» (1705—1706 годы) он получил от царя большие земельные владения.

Отец «строителя» дворца П. Б. Шереметев (1713—1788 годы) был типичным представителем дворянства, свободного от обязанностей службы. Он жил исключительно для себя, устраивая со всеми удобствами и роскошью свое излюбленное имение Кусково.

Богатства П. Б. Шереметева были значительно увеличены опремным приданым, которое принесла ему жена, дочь князя А. Черкасского (1680—1742 годы). В числе других вотчин от Черкасских перешло в род Шереметевых в 1743 году и село Останкино (ныне Пушкинское). Памятником, сохранившимся здесь от XVII века, является останкинская церковь, построенная в 1668 году.

Н. П. Шереметев (1751—1809 годы) унаследовал таким образом объединенные

Картинная галерея. Дворец-музей творчества крепостных мастеров.

богатства двух старых феодальных родов: Шереметевых и Черкасских.

Н. Шереметев, по свидетельству его крепостного, впоследствии академика, А. Никитенко, «жил блистательно и пышно, как истый вельможа века Екатерины II... Он был оберкамергером, что, впрочем, не придавало ему ни нравственного, ни умственного значения: он всегда оставался только великодушным и ничтожным царедворцем... Утопая в роскоши, он не знал другого закона, кроме прихоти»¹.

* * *

Строительство Останкинского дворца и его оформление были осуществлены исключительно силами крепостных мастеров и крепостного крестьянства. Строили его сначала крепостной архитектор А. Мионов и его помощник Г. Дикунин, затем П. Бизяев, Д. Головцев и др. под руководством талантливого крепостного архитектора П. И. Аргунова. Аргунову и художнику

Ивану Четому принадлежит также и проект внутреннего оформления этого дворца.

Дворец построен в стиле классицизма XVIII века (Людовика XVI). В его оформлении преобладают античные мотивы орнамента и характерные для этого стиля легкие и нежные краски, прямые линии и четкие очертания. В целом дворец поражает «благородной простотой и спокойным величием» (Вилкельман).

Изумительные паркетные, резные, лепные и столярные работы во дворце были выполнены под руководством таких замечательных мастеров, как Ф. Пряхин и Е. Четвериков (столярные работы), Ф. Прыдченко (паркет), И. Молчалин (резьба) и И. Холбин (лепка). Работали эти люди по 18—20 часов в сутки, под присмотром специально приставленных гусар. А таких, как резчик Четвериков, которые отличались «неспокойным» характером, приводили на работу в кандалах.

В «отписках» управляющего дворцом Агапова говорится: «...домашними мастерами производилась работа по настоящей скорой надобности, не исключая празднич-

¹ А. В. Никитенко «Моя повесть о самом себе». Т. I, стр. 5. СПб. 1905.

Стол работы крепостного мастера. Дворец-музей творчества крепостных мастеров.

ных и воскресных дней... Не работали только в день Рождества Христова, а прочие дни находятся в работе при огне с вечера до десятого часа, а по утрам, начиная с четвертого часа... Стараются неуспешно, только платьем весьма обносились, многие не имеют у себя и обуви»¹.

В глазах вельможного самодура талантливые мастера были такими же рабами, как и все крепостные дворовые. Так, архитекторского ученика Д. Головцева в наказание за побег после порки розгами до полу смерти запрятали на год в смиренный дом. А так как вольнолюбивый юноша и после этого «не исправился», то Шереметев отдал его вне очереди в рекруты. Так погиб молодой талантливый архитектор.

Выдающийся архитектор П. Аргунов (1768—1806 годы) по окончании строительства дворца был, как известно, назначен сторожем при дворце. Это об Аргунове читаем мы строчки из повеления Шереметева: «Аргунову в скатерном столе не иметь, а выдавать ему по посредственному положению кормовые деньги, а Никите Александрову иметь за ним, Аргуновым, крайнее наблюдение и самому смотреть за рабскими и делать понуждение безвыходно».

Безрадостная жизнь этого крепостного архитектора оборвалась на 38-м году. Он умер, так и не получив желанной свободы.

* * *

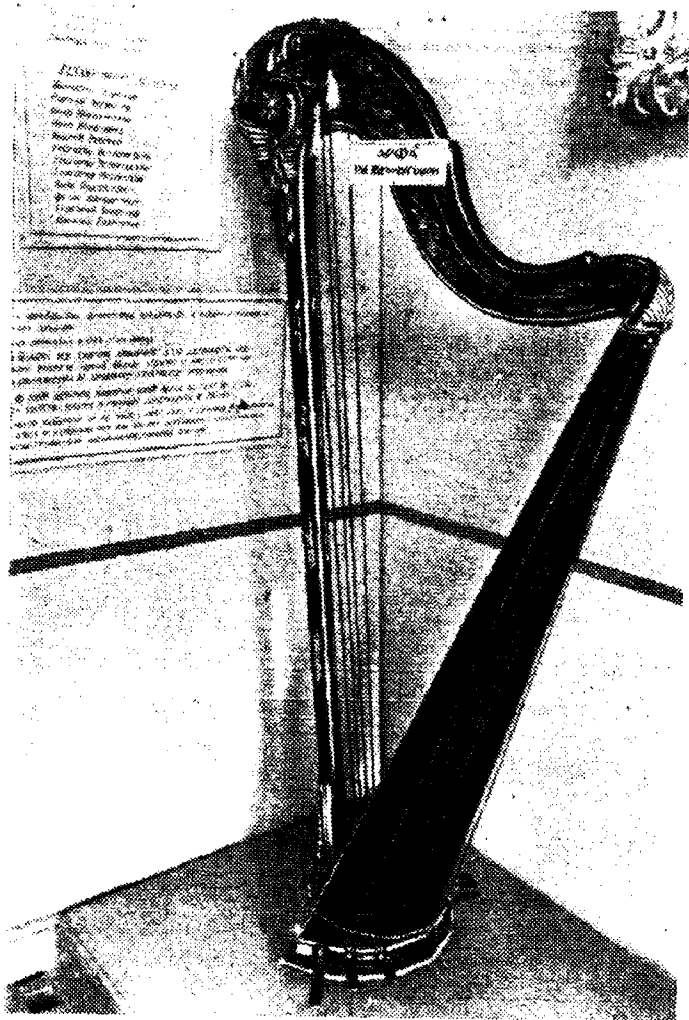
Несмотря на то что со дня создания замечательного Останкинского дворца, построенного из дерева, прошло почти 150 лет, нельзя не поражаться его сохранности и классической монументальности. Сделанный под руководством Прядченко, паркет дворца является до сих пор непревзойденным образцом мастерства не только в нашей стране, но и на Западе. Паркет этот служил предметом специального изучения работников строительства Дворца Советов, которые стремились перенять это изумительное искусство.

Многочисленные великолепные залы дворца-музея поражают пышностью своего декоративного убранства. Первоклассные образцы резьбы и позолоты чередуются с тончайшей лепкой и росписью. Изумительные колонны, которые кажутся сделанными из редчайшего мрамора, на самом деле созданы из дерева. А чего стоят осветительные, тончайшей выделки люстры, работая над которыми ослепло немало мастеров!

Во дворце-музее представлены разделы, посвященные крепостному театру, творчеству крепостных художников и архитекторов, вещам убранства и быта, а также жизни и быту крепостных крестьян «последней статьи» в вотчинах Шереметева.

Главное место в экспозиции музея отведено показу крепостного театра. Посетитель находит здесь материалы о быте, творчестве и ученье крепостных актеров и музыкантов; макеты и эскизы декораций и костюмов; партитуры и либретто опер и т. п.

¹ Из «описок» (докладных) Агашова Н. Шереметеву от 5 января 1796 года и 11 июля 1795 года (архив музея).

Арфа Параша Жемчуговой.
Дворец-музей творчества крепостных мастеров.

Этот театр, построенный крепостными мастерами под руководством Ф. Пряжигна, был на уровне самых выдающихся театров Франции XVIII века.

Обширный зал во дворце имел двойное назначение: он мог быть «воксалом», т. е. залом для танцев, банкетов и прочих увеселений, и театром. Когда зал этот не использовался для театра, пол зрительного зала опускался вниз. Такое превращение было возможно благодаря особым механизмам в трюме. В настоящее время театральный зал представлен в том виде, каким он бывал во время «воксала»: пол зрительного зала поднят до уровня сцены.

Штаб театра состоял из 179 человек. В составе двух трупп — оперы и балета — насчитывалось 100 актеров. В двух оркестрах — струнном и роговом — было 50 музыкантов. Кроме того в театре работало 29 человек обслуживающего персонала.

Репертуар театра был очень обширен и разнообразен. Здесь ставились оперы крупных русских композиторов XVIII века: Фомина, Матинского, Козловского и Паскевича. Особый успех в этом театре имела опера Гретри «Самнитские браки», поставленная в 1797 году.

Среди крепостных актрис и актеров театра были также талантливые самородки, как дочь кусковского кузнеца Прасковья Ивановна Ковалева, по сцене Жемчугова.

Ее образ широко опоэтизирован в народе. Это о ней еще и до сих пор сохранилась песня: «Вечер поздно из лесочка я коров домой гнала...»

Параша была выдающейся оперной и драматической актрисой, музыкально одаренной, образованнейшей для своего времени женщиной. Она обладала ярким темпераментом и прекрасным голосом (сопрано).

П. И. Ковалева в совершенстве владела тремя иностранными языками. Но большой артистический талант ее погиб в тисках крепостного произвола и насилия. Трагична была судьба этой женщины, которая стала наложницей Шереметева. Параша умерла в 1803 году от туберкулеза 34 лет от роду.

В одном из залов музея висит портрет этой талантливой крепостной актрисы, начавшей свою актерскую карьеру на сцене с 11-летнего возраста. Она изображена на портрете в одной из лучших своих ролей, в costume Элнаны, героини пьесы «Самнитские браки». Возле портрета стоит изящная арфа, на которой замечательно играла Параша.

В труппе были и другие таланты: танцовщица Т. В. Шлыкova (1773—1863 годы) по сцене Гранатова (любимая подруга Параша), актриса Изумрудова, актеры Сердоликов, Болтко, Мамонтов, драматург и переводчик Вороблевский. Из музыкантов — Калмыков, Метлин, «русский страдивариус», скрипичный мастер Батов, композитор С. Дехтярев, написавший знаменитую ораторию «Мишин и Пожарский, или освобождение Москвы».

О таланте последнего мы читаем восторженный отзыв в газете «Северная почта» от 25 марта 1811 года: «Публика... имела удовольствие слышать... первую еще русскую ораторию, под названием «Освобождение Москвы»..., положенную на музыку... Дехтяревым. Сия приятная новость должна составить важную эпоху в истории нашей отечественной музыки. Он (Дехтярев) может стать наряду с «первейшими гениями музыки».

И этот талантливейший композитор, написавший свыше 60 концертов и несколько ораторий, подвергался самым бесчеловечным и унижительным оскорблениям со стороны Шереметева.

С. Дехтярев умер в страшной нищете от чахотки.

Тяжелым унижениям подвергались и другие музыканты. Так, в графском указе читаем: «Музыканта В. Дорошенкова... отлить из мешка в солдаты немедля и прописать в дальний гарнизон. Исполнить не труся».

Талантливого юношу Пьяниту Чупахина, игравшего на фаготе, в наказание за ка-

кую-то провинность Н. Шереметев велел «употреблять в конюшечную работу».

Музыканта Илью Метлина, не угодившего барину, водили на концерты из конюшни под караулом. За попытку избавиться от тяжелой неволи бегством его наказали розгами и велели использовать «для земляных и других работ».

Жизнь крепостных актеров Шереметева была нестерпимой. Учеников за малейшую провинность секли розгами, а девочек ставили на колени и сажали на хлеб и на воду.

А о принципах, которыми руководствовался сацовный помещик в подборе актрис для своего театра, лучше всего свидетельствуют следующие строки из его указа: «Набрать девочек для домашнего театра моего, чтобы лицом и корпусом не развращены и притом грамоте умеющих...»

«...15—16 лет девочек, которые, чтоб были из себя получше и не пугсны видом и статуем — отправить в Москву». Их отправляли в Москву, и не только для театра...

Вот что пишет о нравственном облике Шереметева П. Бессонов — автор монографии о П. П. Жемчужовой:

«...Барин обходил не памятники и залы, а комнаты. Барин по минутной прихоти оставлял то в той, то в другой комнате платок, за платком являлся он ночью, без посторонних свидетелей, кроме той, которая должна была возратить ему платок».

И когда этот барин, пресытившись «искусством», окладел к театру, он бросил его, а всех актеров определил лакеями, официантами и швейцарами в своих вотчинах.

Такова была судьба талантливейших людей русского народа, залыхавшегося под ярмом крепостничества.

* * *

Залы дворца-музея и различные интерьеры оформлены многочисленными полотнами крепостных художников как оригинальными, так и копиями с вещей знаменитых мастеров. Среди них выделяются произведения, принадлежащие кисти Н. И. Аргунова, П. П. Аргунова, Красовского, Фунтусова, Теплою и др.

Особенно талантлив был Н. И. Аргунов, который впоследствии (в 1818 году), как известно, стал действительным членом Академии художеств. В малиновой гостиной дворца висит портрет Павла I его работы. В этом портрете художник прекрасно сочетал придворную парадность и жалкую напыщенность и ничтожество самодура-царя.

В музее кроме того собрано 165 гравюр, из которых около 100 — ценнейшие

Портрет Хрипуновой. Работа крепостного художника И. Аргунова. Дворец-музей творчества крепостных мастеров.

произведения французских, английских и итальянских художников XVIII века. Среди них цветные гравюры француза Гогена, знаменитого итальянского травера Пиранези и др.

Богато представлен также в музее и раздел убранства и быта, где особенно привлекают внимание 200 редчайших фарфоровых изделий. Всего в музее собрано свыше 12 тысяч ценнейших художественно-исторических экспонатов и документов крепостнической эпохи.

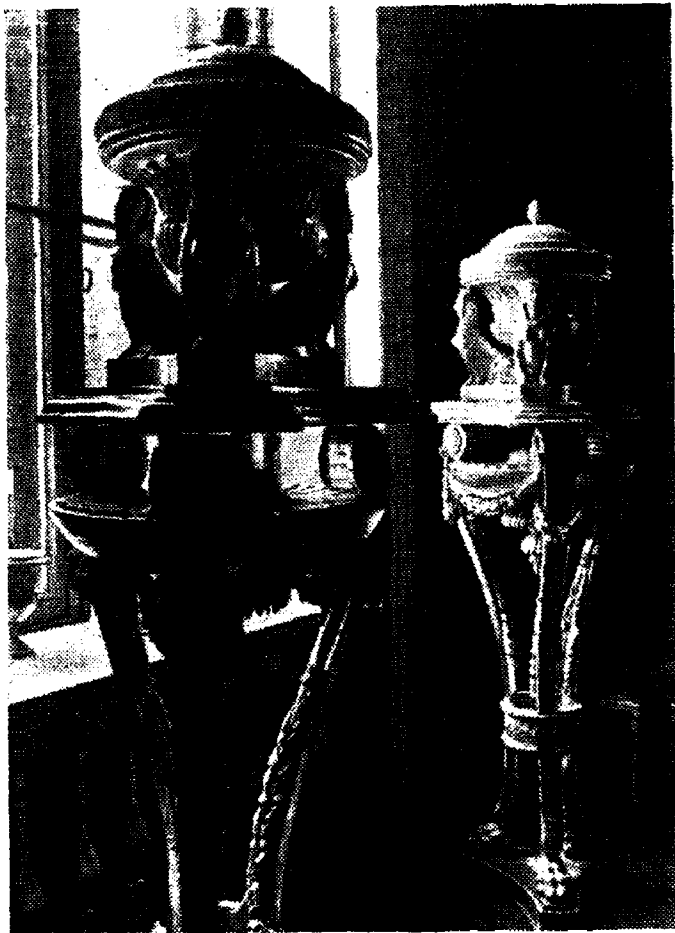
Интересно отметить, что в середине прошлого века в этом дворце при посещении его Александром II состоялось обсуждение с хозяином дворца и крупнейшими помещиками России редакции будущего манифеста «освобождения» крестьян.

* * *

Заключительным разделом в экспозиции музея является недавно организованная выставка (в связи с открытием Всесоюзной сельскохозяйственной выставки), посвященная крепостной деревне в вотчинах Шереметевых.

Здесь представлены материалы, характеризующие различные формы эксплуатации крепостного крестьянства, расстройство его, а также систему управления, основанную на жестоких мерах принуждения и угнетения.

Крепостной крестьянин, являясь собственностью помещика, был лишен возможности жаловаться на своего барина. Крепостное право в России ничем, по существу, не отличалось от рабства. Дока-

Вазы работы крепостных мастеров-резчиков. Дворец-музей творчества крепостных мастеров.

зательством этого являются приведенные здесь слова из указа Екатерины II от 12 апреля 1765 года, которая «разрешает» за подачу на помещиков жалобы в первый раз наказывать 10 парами розог, во второй раз — 20 парами около церкви, в третий раз — отдавать на год на работу в «крепость». Производ крепостников нередко принимал самые дикие и уродливые формы. На выставке представлены невероятные орудия наказания, которые применялись в шереметевских вотчинах, а также особые «колодничные люки», т. е. «камеры пыток».

Для более полного представления о том, как жил крепостной крестьянин, здесь в натуральную величину показана курная

изба Лукьяловского уезда, Нижегородской губернии (бывшей вотчины Шереметевых).

Четыре стены до половины некрыты сажень так же, как и весь потолок, печь без трубы, в окне вместо стекла натянута пухляк, сквозь который с трудом проходит солнечный свет, — вот то жилище, в котором всю свою жизнь проводил крестьянин.

Выставка наглядно воспроизводит проклятое прошлое крепостной и капиталистической России с ее нищетой, темнотой и полным бесправием.

Дворец-музей в Пушкинском является одной из составных частей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Эти два контраста олицетворяют собой два мира, две эпохи.

Останкинский музей пользуется большой популярностью. Его ежедневно посещают участники Выставки и экскурсанты, съехавшиеся со всех концов Советского Союза в Москву, на Выставку, а также учащиеся.

О том значении, какое имеет этот замечательный исторический памятник в наши дни, лучше всего свидетельствуют отзывы самих посетителей.

«Осмотрев дворец-музей, — пишут участники Выставки и экскурсанты из Пензенской области, — наглядный документ по истории «Крепостной деревни» с ее нищетой и бесправием, — мы получили ясное представление о том проклятом прошлом, когда небольшая кучка дворянской знати, утопая в роскоши, вела развратный образ жизни, в то время как рабская жизнь крепостных крестьян была невыносимо тяжелой. Творчество крепостных мастеров, представленное во дворце-музее, произвело на нас неизгладимое впечатление. Очень хорошо, что параллельно с показом «Крепостной деревни» дворец-музей дает в конце краткий обзор-выставку побед и достижений, одержанных трудящимися нашей страны под руководством партии большевиков за годы советской власти».

ЭНГЕЛЬС Ф. Заметки о войне. Статьи о франко-прусской войне 1870—1871 годов. М. Госполитиздат. 1940. 248 стр. 5 руб. 25 000 экз. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)).

В книге собраны все статьи Энгельса о франко-прусской войне, печатавшиеся в дни войны в лондонской вечерней газете «Pall Mall Gazette». «Кроме объяснения текущих военных событий Энгельс в своих статьях дает множество ценнейших разъяснений по ряду вопросов военной техники, военной истории, стратегии и тактики».

В собрании сочинений Маркса и Энгельса статьи Энгельса о франко-прусской войне входят в XIII том, часть 2-ю. В отдельном издании они появляются впервые.

ПЕТРОКОВСКИЙ Я. С. (состав.). Сборник отрывков из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и из «Краткого курса истории ВКП(б)» (По курсу истории СССР 9-го класса средней школы). Учебное пособие для преподавателей. Тбилиси. Изд. Научно-исследовательского института начальной и средней школ Наркомпроса ГрузССР. 1940. 108 стр. 7 руб. 1000 экз.

В книге дано более 200 отрывков из произведений классиков марксизма-ленинизма и из «Краткого курса истории ВКП(б)», освещающих отдельные моменты истории СССР XVIII—XIX веков. Отрывки расположены в хронологическом порядке, в соответствии с программой курса истории СССР в средней школе. В конце книги дано несколько отрывков по двум общим вопросам: 1) о роли личности в истории и 2) о существе и характере войн.

Курс истории СССР (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б)). М. 1940. Стенограммы 81 лекции, прочитанных в Высшей партийной школе гг. К. В. Базилиевичем, Г. А. Новиким, Э. Н. Буржалоковым, Н. Н. Яковлевым, Е. Н. Гершенкиным и Н. П. Мищенко в 1939—1940 учебном году. Лекции изданы отдельными брошюрами объемом от 2 до 5 печатных листов (32—80 стр.); в каждой брошюре помещено от 1 до 4 лекций. Всего выдано 44 брошюры, охватывающие историю СССР с древнейших времен до наших дней.

Все брошюры выданы тиражом в 3500 экземпляров на правах рукописи (без указания цены) и имеются только в крупных библиотеках, являясь ценным пособием по курсу истории СССР для сту-

дентов высших учебных заведений и преподавателей средних школ.

Краткий очерк военной истории нашей родины (состав. Л. Л. Раков, Л. С. Пискунова, М. В. Люшковский и др.). Л. Изд. Гос. Эрмитажа. 1940. 240 стр. с илл. 10 руб. 10 000 экз. (Гос. Эрмитаж и Центральный военно-морской музей).

Книга дает краткий систематический обзор основных этапов военной истории нашей родины с XVII века до наших дней.

Составленная сотрудниками Государственного Эрмитажа и Центрального военно-морского музея (Ленинград), книга имеет своей целью помочь посетителям этих собраний самостоятельно разобраться в представленных в них материалах по военной истории СССР.

КАМЕНСКИЙ А., подполковник. Краткие очерки по военной истории. М. 1940. 124 стр. и 24 вкл. л. карт и схем. 5 руб. (Военно-юридическая академия Красной Армии).

Двадцать пять очерков по всеобщей военной истории и по военной истории СССР. В очерках описаны важнейшие войны, начиная с войн древней Греции и Рима и кончая франко-прусской войной 1870—1871 годов.

Вводный очерк посвящен высказываниям классиков марксизма-ленинизма о войне и армии.

ВЕЙГЕЛИН К. Е. Очерки по истории летного дела (Книга 1-я. От ковра-самолета к воздушному флоту). М. Оборонгиз. 1940. 458 стр. с илл., карт. и чертеж. В перекл.—14 руб. 15 000 экз.

Книга содержит популярные очерки из истории завоевания воздуха. Том I охватывает период с древнейших времен (полеты в мифологии и в первых научных фантазиях) до начала первой мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

Листовки Московской организации большевиков. 1914—1920 годы (состав. Г. Костомаров). М. Госполитиздат. 1940. 312 стр. и 4 вкл. л. илл. В перекл.—6 р. 50 к. 20 000 экз. (Институт истории партии при МК ВКП(б)).

В книге напечатана 171 листовка, которые показывают огромную роль большевистской организации Москвы в борьбе за социалистическую революцию. Листовки распределены по периодам: 1) большевистские листовки и прокламации периода империалистической войны и февраль-

ской буржуазно-демократической революции (1914 — март 1917) — 24 листовки; 2) листовки и прокламации периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917—июль 1918)—84 листовки и 3) листовки и прокламации в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918 — 1920) — 63 листовки. Значительная часть листовок 1917 — 1920 годов публикуется впервые.

ЛУРЬЕ М. *Июньская и июльская демонстрации 1917 года.* Л. Лениздат. 1940. 76 стр. 85 коп. 10 000 экз. (Ленинградский институт истории ВКП(б)).

Популярное описание двух демонстраций: демонстрации петроградского пролетариата 18 июня (1 июля) 1917 года, когда под большевистскими знаменами демонстрировало около полумиллиона рабочих и солдат Петрограда, и выступления 3 — 5 (16 — 18) июля против буржуазного Временного правительства, которые наглядно показали, что единственным защитником и вождем революции является большевистская партия.

ХОДЗА Н. А. Семен Рошаль. М. и Л. Военмориздат. 1940. 96 стр. 90 коп. (Библиотека краснофлотца). Краткая биография популярнейшего кронштадтского революционного деятеля, большевика Семена Рошалья (1896 — 1917), расстрелянного на 21-м году жизни на румынском фронте царским генералом Шербачевым.

ТАРАСОВ А. *Разгром контрреволюционной авантюры татарской буржуазии в начале 1919 года в Казани.* Казань. Татаргосиздат. 1940. 36 стр. 75 коп. 5000 экз.

В книге описывается восстание татарской буржуазии против советской власти в конце марта 1918 года.

В конце книги напечатаны речь товарища Сталина и четыре подписанные им документа, отражающие участие товарища Сталина, бывшего в это время наркомом по делам национальностей, в пресечении контрреволюционных происков татарской буржуазии.

СОКОЛОВА Е. А. *Комитеты деревенской бедноты.* Л. Лениздат. 1940. 72 стр. 1 р. 50 к. 5000 экз. (Ленинградский институт истории ВКП(б)).

Автор освещает борьбу партии большевиков за организацию комитетов бедноты против эсеров, меньшевиков и уклонистов от генеральной линии партии. В книге дается картина политической и экономической деятельности комбедов, показывается их историческое значение.

В 1-й, вводной главе книги изложена борьба партии и лично товарища Ленина

за организацию деревенской бедноты до Великой Октябрьской социалистической революции.

БЕРЕЗИН П. Ф., полковой комиссар. *Красная авиация в борьбе с белополяками.* М. Воениздат. 1940. 88 стр. и 2 вкл. л. схем. В перепл. — 1 р. 40 к. (Военно-историческая библиотека).

Краткий очерк состояния и боевых действий авиации западного фронта в период с марта по октябрь 1920 года.

В работе сделан упор на точное воспроизведение хода событий по отдельным операциям. Вместе с тем в книге хорошо показана героическая работа летно-технического состава советской авиации, сумевшего обеспечить господство в воздухе при крайней отсталости и недостаточности технических средств нашей авиации в то время.

ШМЕРЛИНГ В. Котовский. М. Воениздат. 1940. 148 стр. 1 руб. (Библиотека красноармейца).

Популярная биография Григория Ивановича Котовского (1887—1925) — «примерного партийца, опытного военного организатора и искусного командира» (И. Сталин), грозы царского правительства и бессарабских помещиков еще в революцию 1905 года, выдающегося героя гражданской войны 1918—1920 годов.

Степь в огне. Эпизоды борьбы красных партизан с колчаковщиной (состав. С. Кожевников и Е. Бердникова). Новосибирск. Обл. гос. изд-во. 1940. 264 стр. В перепл. — 6 р. 10 к. 10 000 экз.

Десять очерков этой книги посвящены движению партизан против Колчака в Кулундинской степи. Это восстание постепенно охватило все уезды бывшей Алтайской губернии.

СТАРИЦЫНА П. *Маршал Чайбалсан.* М. Воениздат. 1940. 56 стр. с илл. 30 коп. (Библиотека красноармейца).

Книжка рассказывает о жизни и деятельности вождя монгольского революционного движения, ныне главы Монгольской народной республики маршала Чайбалсана (родился в 1895 году в бедняцкой монгольской семье). Одновременно книга дает краткие сведения из истории революционной борьбы монгольского народа — от последних лет царизма до разгрома советско-монгольскими войсками японо-манчжур у Халхин-Гола в июле—августе 1939 года, когда захватчики пытались посягнуть на независимость Монгольской народной республики.

ГАЛКИН В. А. *Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих летом 1905 года.* Иваново. Гос. обл. изд-во. 1940. 96 стр. с илл. В перепл. — 1 р. 85 к. 5000 экз.

Книга посвящена 72-дневной стачке иваново-вознесенских ткачей в мае — июне 1905 года и выросшему из стачки совету уполномоченных, одному из первых советов рабочих депутатов в России. Стачкой руководил Северный комитет большевиков. В 1-й главе книги описано положение иваново-вознесенских рабочих накануне революции 1905 года. В конце книги дана хронология важнейших событий в Иваново-Вознесенске за 1905 год.

ЯРОСЛАВСКИЙ Е. Экономика и рабочее движение пореформенной России. М. Госполитиздат. 1940. 40 стр. 40 коп. 100 000 экз. (Лекции в помощь изучению марксизма-ленинизма).

Лекция, прочитанная автором 3 декабря 1939 года в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) по курсу истории ВКП(б) (лекция 1-я) и изданная ранее (на правах рукописи, с тиражом в 3500 экз.) Высшей партийной школой под заглавием «Отмена крепостного права и развитие промышленного капитализма в России. Появление современного промышленного пролетариата. Первые шаги рабочего движения».

МЭХЭН А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю (1793—1812). С предисл. проф. А. П. Молок. В 2 томах. М. и Л. Военмориздат. 1940. 292 + 312 стр. с портр., илл., схем. и карт. В перепл. — 18 р. 50 к.

Автор книги — адмирал США (1840—1817), известный военно-морской историк, англофил и консерватор. Работа является переизданием перевода с английского, вышедшего на русском языке под редакцией Н. А. Азбелова в 1897—1898 годах (оригинал вышел в 1892 году). Несмотря на почти 50-летнюю давность и реакционные взгляды автора в освещении общеполитических событий, книга сохранила свое значение благодаря обилию фактического материала, взятого из первоисточников, и детальному описанию морских операций.

В центре внимания автора стоит грандиозная 22-летняя военная борьба между Англией и Францией, начавшаяся 1 февраля 1793 года и закончившаяся 18 июня 1815 года на поле битвы при Ватерлоо. Действия английского и французского флотов, а также других европейских флотов, являющиеся главной темой книги, описываются автором на фоне всей военной и дипломатической истории этих бурных лет.

В I томе описываются события 1793—1798 годов (во введении дан также краткий обзор за 1783—1792 годы); во II томе — события 1799—1812 годов (в том числе знаменитая Трафальгарская битва (21 октября 1805 года) между английским и соединенным франко-испанским флотами).

РЕВЗИН Г. И. Ризго. М. «Молодая гвардия». 1939 (фактически 1940). 456 стр. с илл. и карт. и 6 вкл. илл. и портр. В перепл. — 6 руб. 50 000 экз. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 10—11-й (154—155-й)).

В полубеллетристической форме книга излагает бурную историю Испании в конце XVIII — начале XIX века, борьбу испанского народа с французской интервенцией и с феодальной монархией, и на этом фоне — жизнь и деятельность вождя второй испанской революции 1820—1823 годов Рафаэля дель Риэго (1784—1823).

Во введении дана краткая история Испании с начала средних веков. В конце книги (стр. 451—454) приведена важнейшая литература по освещаемой эпохе и о жизни Риэго.

БОГОСЛОВСКИЙ М. М., акад. Петр I. Материалы для биографии. Том I. Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672—6 марта 1697 года. Под ред. проф. В. И. Лебедева. М. Соцэкгиз. 1940. 436 стр. с илл. и 1 карта. В перепл. — 10 руб. 20 000 экз.

Предсмертная незаконченная работа крупного русского историка (написаны 4 тома, охватывающие события до начала Северной войны в 1700 году). На основе главным образом архивных материалов, частично появляющихся в печати впервые, автор в хронологическом порядке описывает день за днем жизнь и деятельность Петра I, окружавшую его бытовую обстановку и деятелей петровской эпохи.

МАЛЬЦЕВ В. Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Под научной редакцией проф. В. Савича. Смоленск. Обл. гос. изд-во. 1940. 424 стр. с карт. и 6 вкл. илл., портр. и план. В перепл. — 8 р. 65 к. 10 000 экз.

Книга посвящена двухвековой борьбе Московского государства против польско-литовских захватчиков за один из важнейших пограничных городов. Главное место занимает в книге подробное описание двухлетней осады Смоленска польскими интервентами в 1609—1611 годах. На основании новых исторических документов автор опровергает, в частности, легенду дворянско-буржуазных историков, что героями обороны Смоленска были дворяне. Автор конкретно показывает, что действительными защитниками Смоленска были посадско-крестьянский блок и организованная им народная армия, а русские дворяне и бояре, наоборот, оказались в союзе с интервентами, изменниками родины.

АРУТУНЯН Б. М. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII веках. По архивным материалам Эчмиадзинского монастыря (историко-экономическое

исследование). Ереван. 1940. 128 стр. Цена не указана. 1000 экз. (Армянский филиал Академии наук СССР. Институт истории и археологии).

Краткий очерк истории хозяйства Эчмиадзинского монастыря до начала XVII века. Политическая и социальная структура Армении XVII—XVIII веков. Структура эчмиадзинского хозяйства в этот период. Земельные и водные владения монастыря. Состояние хозяйства монастыря: земледелие, виноградарство, промышленные предприятия монастыря, банковско-торговые операции. Взаимоотношения с наемными рабочими в собственном земельном хозяйстве монастыря и отношения с феодально-зависимыми крестьянами. Все эти вопросы освещены в книге на основе впервые публикуемых архивных материалов.

Очерки по истории Московского университета. Под ред. профессоров И. Д. Удальцева, Н. М. Дружинина, С. В. Бахрушина и др. М. 1940. 96 стр. и 8 вкл. л. илл. и портр. 15 руб. 1000 экз. («Ученые записки Московского госуниверситета». Юбилейная серия. Вып. 3-й. История).

Книга вышущена к 185-летию Московского университета и содержит в себе пять глав, принадлежащих перу различных авторов (С. В. Бахрушина, Ф. П. Берслевица, Р. В. Жданова и др.), освещающих историю университета в XVIII и XIX веках (по периодам: 1800—1825 годы, 1825—1855 годы, 1860—1870 годы и 1880—1890 годы). Истории университета в XX веке будет посвящена особая книга.

Жизнь замечательных людей в Казани. Кн. 2-я (сборник статей). Казань. Татаргосиздат. 1940. 168 стр. с портр. В перепл.— 4 р. 10 к. 5070 экз.

В книге помещено 10 статей разных авторов, описывающих казанские годы жизни ученого-энциклопедиста К. Ф. Фукса (1766—1846), писателя С. Т. Аксакова (1791—1859), химиков Н. П. Зинина (1812—1880) и А. М. Бутлерова (1828—1886), историка А. П. Шапова (1830—1876), анатома и педагога П. Ф. Лесгафта (1837—1909), народного татарского поэта Абдуллы Тукая (1886—1913) и большевистских деятелей эпохи гражданской войны Я. С. Шейнкмана, А. П. Комлева (1879—1918) и В. А. Тихомирова (1889—1919).

БРЮСОВ А. Я. История древней Карелии. Под ред. Г. Г. Березного. М. 1940. 320 стр. с илл., черт. и карт. В перепл.— 28 р. 50 к. 1150 экз. (Труды Гос. исторического музея. Вып. 9-й).

Результат 10-летней работы ученого над археологическими материалами Карелии. Автор освещает первобытное заселение Карелии, хозяйство, быт и культуру ее аборигенов примерно с конца 3-го тысячелетия до нашей эры по середине 1-го тысячелетия. В приложениях даны ценная библиография предмета (378 названий), списки археологических стоянок и памятников Карелии, археологические карты и альбом предметов древнекарельской культуры (23 таблицы).

Новые документы об А. В. Суворове

Приводимые ниже документы об А. В. Суворове публикуются впервые. Особый интерес представляет документ № 134, взятый из дела № 794, под названием «По письму генерала-фельдмаршала графа Суворова-Рымнического о не правоте Херсонского городского магистрата и уездного суда решений о покраденных пожитках капитана Карленевского». Этот документ отражает заботу Суворова о подчиненных.

Документы хранятся в Днепропетровском областном историческом архиве НКВД УССР, в фонде Екатеринославского наместничества за № 451.

П. Свежинский

* * *

Получено 20 января 1793 года в Херсоне.

Высокородный и превосходительный господдин генерал майор правитель Екатеринославского наместничества и кавалер.

Милостивый государь мой!

К предполагаемым по высочайшему соизволению укреплениям, потребно фашин двадцать пять тысяч: каждая длинною в один фут, по сему вашему превосходительству уведомляя, прошу для вырезаний оных приказать кому следует отвезти места, от порогов с низу по Днепру — пяти где заблагорассудите, чтобы доставка к Кинбургу способна водою была; равномерно и на выраску оных склонить обывателей живущих в близу тех мест где назначены будут леса. Дабы к 1-му марта кончить и сплавить; за работу полагаю я произвести за плату от казны за каждую фашину по пяти копеек — или какие вы на сие способы принять изволите не оставте уведомить, а я по получении не премину к приемотру и приему пристать от стороны своей офицера коему и деньги на заплату вручены быть имеют.

Препываю с истинным почтением и преданностью.

Милостивый государь мой

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымнический.

№ 117

января 15 дня

1793 году

Херсон.

Милостивый государь мой Осип Иванович.

Поданную просьбу от находящегося при мне у должности капитана Карленевского с общим решением Херсонского городского Магистрата и уездного суда препровождая при сем к вашему превосходительству

покорнейше прошу, сделать кому следует ваше предписанье о доставлении ему Карленевскому на законном основании должного удовлетворения и возвращение всего под сохранением хозяев его утраченного: с чем положенное решение суда нимало не согласно и си будучи раздренным, остается без всякой справедливости...

С истинным почтением и преданностью имею честь быть.

Милостивый государь мой

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымнический
№ 134.

января 15 дня 1794 года. Варшава.

Получено 24 марта 1794 года

Милостивый государь мой Василий Васильевич.

Таврическому Градодерекому полку прибывшему в Крымскит приказы я по переправе через Днепр, в раскудевании надобности ему в обмундировании людей и прочих исправлениях, расположиться до 15 числа апреля на полтонир завартирах в Крюкове и околичных селениях. По наступлению того числа следовать в назначенное место в Кинбурги, о чем ваше превосходительство известя покорнейше прошу означенные завартиры оному приказать отвезти.

Препываю в прочем истинном почтением и преданностью.

Милостивый государь мой!

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Граф Александр Суворов-Рымнический.

№ 632

марта 18 дня

1794 года

Херсон.

Получено 14 мая 1796 года.

Милостивый государь мой Осип Иванович

По отзыву ко мне его сиятельства графа Платона Александровича об отряде в Екатеринославскую губернию для некоторых употреблений в распоряжение Вашего превосходительства двух кавалерийских полков. Как Полтавской легкой конной полк остается попрежнему в той губернии, предписал я господину генерал-аншефу и кавалеру князю Григорию Семеновичу Волконскому командировать и другой Острогожской, который имеет выступить в надлежащее место по вашему к нему господину генерал-аншефу и ка-

ватеру. О чем извещая имею честь быть с искренним почтением.

Милостивый государь мой
Вашего превосходительства покорнейший
слуга

Граф Александр Суворов-Рымницкий.
№ 19

Февраля 12 дня
1796 года.

С-Петербург.

Получено 17 мая 1793 года.

Милостивый государь мой Василий
Васильевич!

Гн. Зерванецкий из комиссии порученной ему прибыл, я был исправностью его письма доволен, благодарю ваше превосходительство за откомандирование сего достойного офицера. И как таковые в рассуждении нынешних построений крепостей мне весьма полезны, то покорно прошу оставить его впредь на некоторое время у меня.

Прибываю с истинным почтением и преданностью.

Милостивый государь мой
Вашего превосходительства покорнейший
слуга

Г. Александр Суворов-Рымницкий.
Апреля 6 дня
1793 года

Херсон.

Секретно.

Получено 12 февраля 1794 г.

Екатеринослав.

Высокородный превосходительный господни генерал-майор правитель Екатеринославского наместничества и кавалер.

Милостивый государь мой.

При каких местах назначаю я войскам высочайше мне поверенным на наступающее лето в Екатеринославской губернии и вновь приобретенной области компаненты.

Если по обстоятельствам не будут подлежать перемены; Вашему превосходительству препровождаю расписание, прошу в надлежащее время кому следует приказать отвезти выгодные для пастьбы лошадей места.

Прибываю с истинным почтением и преданностью.

Милостивый государь мой!
Вашего превосходительства покорнейший
слуга

Граф Александр Суворов-Рымницкий
№ 40

Его превосходительству
Василию Васильевичу
Коховскому.

Февраля 10-го дня
1794-го года.

Херсон.

Х Р О Н И К А

Работа кафедры всеобщей истории Калининского государственного института имени М. И. Калинина в 1939—1940 учебном году

Осенью 1939 года на историческом факультете Калининского государственного педагогического института была организована кафедра всеобщей истории, объединяющая 6 научных работников.

Кафедра пересмотрела программы по древней, средней и новой истории, по истории колониальных и зависимых стран. Методические положения каждого лекционного курса были пересмотрены в согласии с установками «Краткого курса истории ВКП(б)». Специальное заседание кафедры было посвящено обсуждению сообщений научных работников о том, как они в своей работе руководствуются указаниями «Краткого курса истории ВКП(б)».

Сотрудники кафедры провели ряд научно-исследовательских работ.

Проф. А. С. Банширов закончил докторскую диссертацию «История антисемитических конспирокций в древней архитектуре».

Проф. И. И. Радзинг подготовил к защите докторскую диссертацию «Школа в Женеве в XVI в. при Кальвине».

Доцент О. И. Бернадская подготовила к печати защитную кандидатскую диссертацию «К истории возникновения нового течения в Германской социал-демократии». Работа будет напечатана в текущем году в «Ученых записках» Института.

Доцент Д. И. Пашкратов напечатал в «Ученых записках» Института защитную диссертацию «Движение союза Банмака в 1513 г.».

И. о. доцента П. М. Травин написал три главы кандидатской диссертации на тему «Австро-Венгрия и национальный вопрос в ней».

И. о. доцента В. Н. Тарасов заканчивает работу над «Историко-географическим справочником по древней истории». Им написана также методическая статья «Использование карты на уроках древней истории».

На специальном открытом заседании кафедры с широким участием студентов и пропагандистов города была прочитана лекция проф. Ерусалимского «Урах британской политики «блестящей изоляционности». Лекция прошла с большим успехом.

В истекшем учебном году при кафедре работали следующие студенческие кружки: по древней истории (руководитель — проф. Балкиров), по истории средних веков (руководитель — доцент Панкратов), по новой истории (руководитель — и. о. доцента Травин).

Кружок по древней истории работает над темой «Греко-римские колонии на юге СССР и скифо-сарматский мир по Геродоту и Страбону и археологическим памятникам». Члены кружка сделали пять докладов.

Кружок по истории средних веков заслушал следующие доклады студентов: «История 30-летней войны», «Борьба английских феодалов за феодальную демократию и классовый характер английского парламента» и др.

В кружке по новой истории студенты сделали следующие научные доклады: «Англо-французская демократия в историческом развитии», «Справедливые и несправедливые войны в истории XIX и XX вв.», «Роль восточного вопроса в развитии европейских отношений XIX в.».

В конце года кафедра выпустила бюллетень, составленный из лучших студенческих работ. К концу прошлого года кафедра начала работу со студентами-отличниками. Семь студентов-отличников, изъявивших желание начать научную ра-

боту, выбрали темы и прикреплены к сотрудникам кафедры.

Сотрудники кафедры вели общественно-политическую работу среди студентов, учительства, пропагандистов города, в воинских частях. В 75-ю годовщину со дня основания I Интернационала были прочитаны доклады для студентов и для пропагандистов города, в госпитале был прочитан доклад «Жизнь и деятельность Карла Маркса».

Для учителей были прочитаны лекции «Испания в эпоху римской империи», «Революция в Испании в 1868—73 гг.» и др.

Кафедра участвовала в научной сессии Института, посвященной 60-летию со дня рождения товарища Сталина. Два сотрудника кафедры работают внештатными лекторами лекторской группы горкома ВКП(б). Они прочитали лекции для пропагандистов города, для заведующих и консультантов парткабинетов на следующие темы: «Манифест коммунистической партии», «Французская буржуазная революция конца XVIII в.», «Консульство и империя Наполеона I» (доц. Бершадская), «Борьба большевиков за Коммунистический Интернационал», «Советские революции и Прибалтика», «Прибалтийские страны и их история» (и. о. доцента Травин). По инициативе кафедры Институт в июне 1940 года принял шефство над Калининским сельским районом.

В июне—июле для секретарей и партсеров этого района были прочитаны две лекции на темы «Борьба Ленина и Сталина с оппортунизмом II интернационала», «Линия Маякино и Зюлфрида». Обе лекции вызвали живой интерес у слушателей.

В настоящее время решением Комитета по делам Высшей школы кафедра всеобщей истории разделена на две кафедры: кафедру древней и средней истории и кафедру новой истории.

Заведующая кафедрой всеобщей истории О. БЕРШАДСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Б. ВОЛИН — О работе В. И. Ленина „Фридрих Энгельс“	1
И. ВИКТОРОВ — Энгельс как военный теоретик и писатель	8
М. ЛУРЬЕ, М. МИТЕЛЬМАН — М. И. Калинин в петербургском подполье	20
П. ДАУГЕ — Октябрьская революция в Латвии	33
Р. МИККЕР — Борьба за советскую власть в Эстонии в 1917 — 1919 годы	45
И. ШИФМАН — Лев Николаевич Толстой	57
М. ГОЛЬДБЕРГ — Последние дни жизни и смерть Л. Н. Толстого	73
А. НИКОЛАЕНКО — Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев	77
В. ВИРГИНСКИЙ — Проекты превращения Северовосточной России в английскую колонию в XVII веке	89
М. АДАМОВИЧ — Путешествия Плано Карпини и Рубруквиса в Монголию в XIII веке	96
В. НЕКЛЮДОВ — Изрои	110

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

О. ФИЛИППОВА — Из опыта преподавания истории в 29-й и 41-й школах Фрунзенского района Москвы	112
Я. БОРИСОВ — Иносказательные выражения и пословицы на уроках древней истории	114

О НОВЫХ УЧЕБНИКАХ

Проф. А. ПАНКРАТОВА, доц. А. ФОХТ — Об учебниках истории СССР для средней школы	117
Проф. А. МИШУЛИН — Как создавался первый марксистский учебник по древней истории	123

БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. Н. КОРОБКОВ — „Красный архив“. Исторический журнал. Томы I (98) — IV (101). ГАУ НКВД СССР	128
Г. ЛЕНОБЛЬ — Серия „Исторические романы“ в 1939 — 1940 годах	137

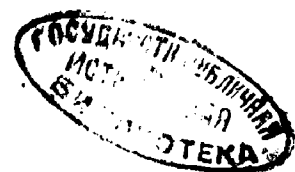
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

В. СМИРНОВ — Село Пушкинское. Дворец-музей творчества крепостных мастеров	147
--	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

ХРОНИКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**

Зам. редактора — **С. И. Гопнер**

Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

А 33500

Изд. № 1071.

Зак. 32-2.

Тираж 50 000

Материал дан в набор 27 IX 1940 г. Подписан к печ. 11 XI 1940 г. 10 печ. л. 70 000 зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.